

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

*Ласточки
на проводах*

- СТИХИ
- ПОВЕСТЬ
- ОЧЕРКИ

ОРЁЛ, 2008

ББК 84(2p)6

В-19

Художник *О.И. Гладкова*

Книга издается в авторской редакции.

Валентин Васичкин
В-19 **«Ласточки на проводах»**. Стихи, повесть, очерки. Изд-во «Типография «Труд». — Орёл, 2008. — С. 260.

«Ласточки на проводах» — восьмая книга Валентина Васичкина. В неё включены стихи последних лет, вторая часть повести «Украденная любовь» (первая часть опубликована в ранее вышедшей книге «Меридиан сердца») и очерки.

Стихи автора — это лирические размышления о подлинных общечеловеческих ценностях; есть ряд стихов, которые можно назвать лирико-философскими; хорошо заметна гармония народной поэтики, о чём говорят стихи с поэтическим пониманием и воспроизведением народного мироощущения. Пожалуй, эти слова можно смело относить и к его прозе. В публицистике у автора своя четкая гражданская позиция.

Все творчество Валентина Васичкина пронизано стремлением к гармоничному восприятию мира, где живут, как добрые соседи, трава, деревья, птицы и главные герои его произведений — люди.

© В. Васичкин, 2008

О СЕБЕ

*П*омню детство. Мне шесть лет. Золотой июльский день; солнце, словно рыжий мохнатый шмель, медленно уплывает за деревню, туда, где отец с матерью пасут деревенское стадо. И я туда же верхом на лошади, без уздечки: держась за гриву, завел ее, самую смирную из всех колхозных лошадей, в окоп, вспрыгнул на спину и поплыл вслед за солнцем.

— Ты зачем приехал? — спросила мать.

— Помочь скотину стеречь.

— Ну, мать, — рассмеявшись, сказал отец, — если он сегодня такой, не знаю, что из него будет дальше.

А дальше была сельская восьмилетка, на летних каникулах работал в колхозе, потом, до учебы в Глазуновском сельскохозяйственном техникуме, «крутил» кино. Именно в эти годы во мне стали пробиваться ростки творчества. Помню, первый раз написал в районную газету о колодцах, которые требовали ремонта. Председатель колхоза при встрече со мной похмыкал тогда, хитровато так, и произнес: «Ну, вот и у нас теперь

писатель есть». Потом «пошли» стихи. А когда выучился на агронома, тот самый председатель уговорил меня никуда из родной деревни не уезжать. Я и не уехал, работал в своем колхозе и писал, хотя, как вы сами понимаете, работа эта носила сезонный характер: летом — в поле, зимой — стихи, контрольные работы (я в то время как раз учился в Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР). Да и позднее, когда начал работать в газете, это был 1976 год, традиция не умерла, очевидно, по-другому сельскому человеку жить не суждено.

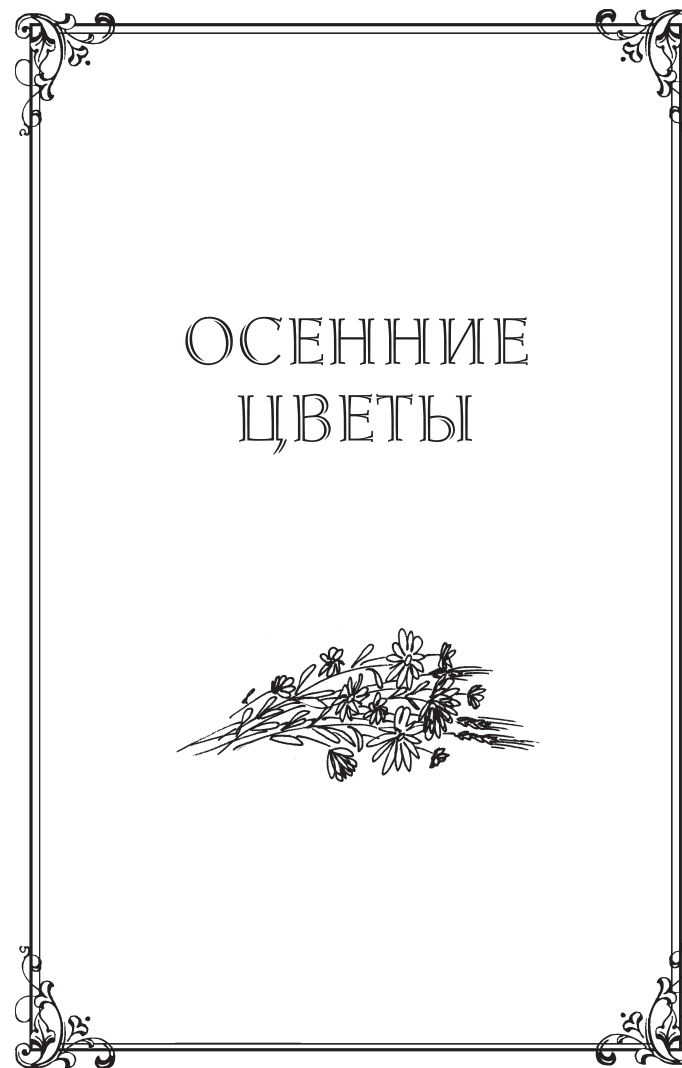
Значительные события в моей творческой биографии связаны со столицей. В Москве я учился; в Москве был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей (1975 г.); московский журнал «Молодая гвардия» впервые опубликовал мои стихи (1976 г.), звучали они и по центральному радио, в программе «Юность»; в 1979 году в Москве в издательстве «Современник» вышла первая моя отдельная книга стихов — «Разлив».

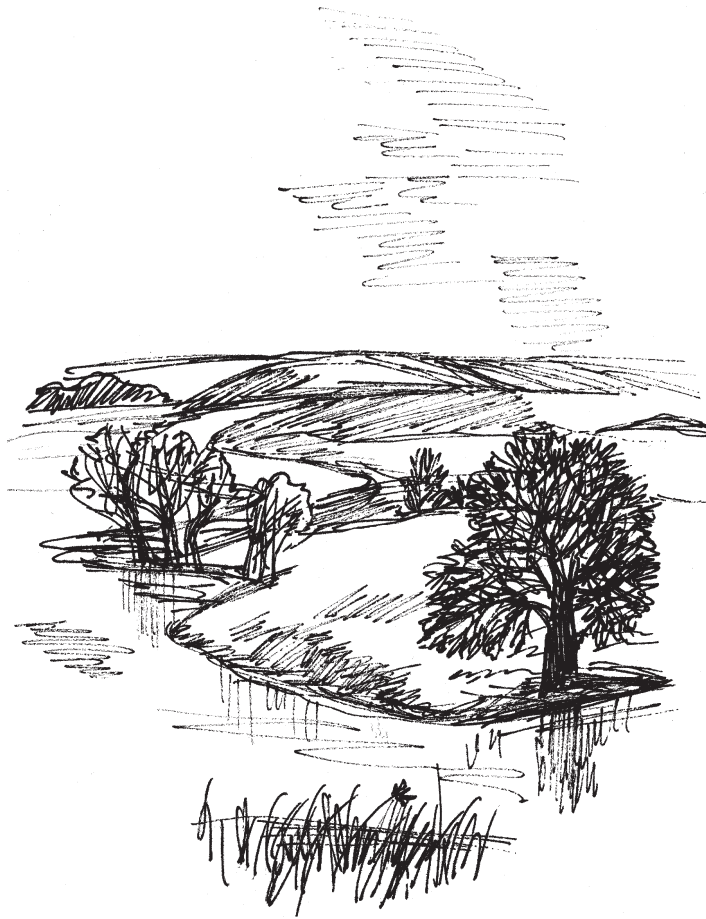
Все это, конечно, радовало меня и вдохновляло.

В 1984 году я стал редактором районной газеты и проработал в этой должности 23 года, т.е. лучшие годы отданы журналистике и общественной работе. Был делегатом и участником организационного, очередных и внеочередных съездов журналистов России, избирался в комиссию по проблемам малой прессы Союза журналистов России.

Есть звание «Заслуженный работник культуры РФ».

Моя малая родина — деревня Васильевка, что у истока Неручи. Здесь жили мои предки, пахали, разводили пчел, делали извечную крестьянскую работу, которой все эти годы занимался и я. И писал. И самое главное — на пороге своего 60-летия творческий процесс продолжается, значит, читатели и почитатели моего таланта вправе ожидать моих новых книг.

ПОЛОВОДЬЕ

Я взволнован и рад,
ни печали на сердце, ни боли —
Там, за Неручью, ночью
снега опустились на поле.
Половодье в груди!
Мои чувства с утра половодьем —
Заметают снега
моей родины милой угодыя.
Всё, что было вчера,
в суете опускается в прошлое,
Заметают снега
всё паскудное в жизни и пошлое.
Сколько их позади,
этих бед, растворившихся в вечности!
Сердце просит добра
(человек запросил человечности).
Я за домом стою,
а за Неручью сполохи белые,
Половодье в груди —
значит, в жизни всё правильно делаю,
Не приемлю лжецов,
отвергаю всё ханжески — хамское,
Презираю людей,
если в них не простое, а барское,
Никогда не спешу
наперед к ним с какой-то услугою...

Всё, что было вчера,
опускается в прошлое с вьюгою.
И снега по холмам,
словно совесть моя чисто-белая,
Половодье в груди —
значит, в жизни всё правильно делаю.

* * *

Нет, зима не оробела,
В полуночной мгле
Полушалок белый-белый
Стелет по земле.

Еще долго до рассвета,
Но среди широт
Вроде больше стало света,
Выше небосвод.

Влажный ветер по округе,
Но уже всерьез
Предлагает ей услуги
Дедушка Мороз.

Точно выверен в природе
Дней короткий ход,
Это значит, на подходе
Новый год.

КАРТИНЫ ГОДА

1.

Вчера мороз и снег. И вдруг тепло.
Декабрьский день прозрачен, как стекло;
Ещё в снегу и влажная со сна,
В прозрачности зеленая сосна.
И санный след, широкий и прямой...
Картина всем знакомая — «Зимой».

2.

Ещё зима с туманностью ночей,
Но завтра утром — первый крик грачей,
И солнца луч, как прежде тыщи лет,
Слизнет с лица земли тот санный след.
И уж совсем волнительный курьёз —
Капели с крыши, плачет Дед Мороз
И вместе с ним зеленая сосна...
Картина всем знакомая — «Весна».

3.

Ночь коротка, а день горяч и сух,
По деревням густой медвяный дух,
Роятся пчёлы, слышно пенье кос —
И сенокос шумит, и медонос.
Спеша просёлком пыльным от грозы,
Плывут с душистым клевером возы.
Июнь уходит, косами звеня...
Картина «Лето. Середина дня».

4.

Пестрым пестры лесов осенних краски,
Берёзы, как Дюймовочки из сказки,
Как в зеркала, глядятся они в лужи,
Но ещё долго до осенней стужи.
Стекает солнце по макушкам сосен,
На землю льётся золотая просинь,
На луг, на лес, на зеленыя...
Картина «Осень. Середина дня».

СЕРДЦУ ТРЕВОЖНО

Тихо и ясно.
 За речкою даль открывается.
 С крыши капель —
 Зачастила морзянкой с утра.
 Теплые дни января
 Недобром отзываются,
 Сердце больное
 Всё просит и просит добра.

В грусти безмерной
 Я выслушал светлые дали,
 Всё уже было,
 Что в днях этих праздничных есть.
 Жить бы да жить,
 Как однажды с тобой загадали, —
 Дни января принесли нам
 Тревожную весть.

Сыро в саду.
 Ожидая движение сока,
 Почки набухли,
 Вот-вот они тронутся в рост.
 И по зиме ты опять
 Одинокой сорокой...
 В жизни всё просто,
 Но мир наш извечно не прост.

Мне беспокойно,
 И раны на сердце глубоки.
 Сердцу тревожно за всё,
 Чем живу я сейчас.
 Эти капли и слёзы твои —
 Всё до срока,
 Дни января
 Испытанием будут для нас.

Завтра под вечер завьюжит
 И даль затуманится,
 В сполохах белых
 Нам дни, как страницы, листать.
 На небесах твоё имя
 Навеки останется,
 Имя твоё, —
 Его вечно я буду читать.

ХОРОШАЯ ПРИМЕТА

С каждым днём всё больше света
Прибавляет бокогрей.
Есть хорошая примета:
Рядом ты — и мир добрей.
Солнце ласковей за домом,
На окошке в сотый раз
Про тебя, не про Ерёму,
Начинает кот рассказ.
Постою, от счастья млея, —
Жизнь желанна и легка,
И мурлыку пожалею,
Он любитель молока.
Думал, дело не в примете,
Но ещё один чудак,
Да будильник, как свидетель,
Всё твердит, что это так.

СПАСИБО ФЕВРАЛЮ

На тропке запорошенной
(Спасибо февралю)
Конфеткой слово брошено,
И я его ловлю.
Зажатые морозами,
Себя не узнаём.
Под небом сине-розовым
Нам весело вдвоём.
А щёки твои алые
Зарей в снегах горят.
Улыбку вижу шалую
И твой весёлый взгляд —
Он снова счастьем светится,
Как цветик-семицвет...
А я доволен месяцем —
Жизнь слаще от конфет.

* * *

Посыпал снег, над крышами шурша,
И ожил свет, доселе равнодушный.
Мир сузился, кровавый и бездушный,
И боль в душе — где больно, там душа.

Мне жить, не зная радости земной,
Беда врага — не повод мне для тризны.
Но самый верный сын я у Отчизны,
И смерть, как тень, торопится за мной.

Веков прошла сплошная череда,
Пластами в них спрессованы ошибки.
Смерть, как сосед скандальный, без улыбки,
И это для соседа не беда.

* * *

*Григорию Ивановичу
Вороничеву*

О бренности я думал бытия,
Об этих днях, стремящихся по кругу.
Болит душа по матери, по другу,
Мне по-родному дороги друзья.

В холодных днях среди друзей тепло,
А встречи все не ради рюмки водки.
Одна печаль — они всегда коротки,
Всегда мне в этом главном не везло.

Ты тоже сердцем маешься своим,
Болит душа твоя не на потеху.
И нам с тобой, Григорий, не до смеха —
Болит душа, и боль в себе храним.

Года идут — их поступь тяжела,
Вокруг и рядом столько разногласий!
Но бренность бытия в иконостасе
Душа моя больная не нашла.

Мне всё о вечном батюшкин глагол,
Не белый саван — снег по гололедью.
То смерть за мной, то я иду за смертью
И не считаю, сколько я прошёл.

АКСИНЯ

Занавешивает синью
Окна белые зима.
Полузимница Аксиныя
Проверяет закрома.

Не пристало ей лениться,
Полухлебницы метла
По амбарам рожь-пшеницу
Хорошенько замела.

Закрома уже к июлю
Будут все пустым пусты.
Всё в метели утонуло,
До небес её холсты.

Что ещё быть может хуже —
Продувает до основ.
И вещает злую стужу
Преподобный Богослов.

* * *

За полем опустился день
Красивой птицей.
Сугробов призрачная тень
В садах ложится.

Зажёг огни среди долин
Весёлый вечер,
И звёздный мир, как исполин, —
Велик и вечен.

Века и звёзды надо мной!
В небесной чаше
Мигает звёздочкой одной
Начало наше.

Безмерно хрупок этот свет,
Что с неба льётся.
Какой звезда оставит след,
Когда сорвётся?..

* * *

В ночи снега промчались над равниной,
 На белый сад свалилась тишина.
 Но хрупкая совсем, легкоранимая,
 Недолго здесь продержится она —
 До той поры, когда в густых потёмках,
 Предвосхищая розовый восход,
 Как на земле рождение ребенка,
 Петух на «первой страже» пропоёт.

УТРОМ

По утрам деревня в белом инее.
 Догорая звездочкой одной,
 Медленно светлеет небо синее
 По утрам над стылостью земной.

Слышен гул мотора за околицей,
 Петушиных песен перехлёт.
 Кто-то снова на восход помолится,
 Настрадавшись в тусклом свете звёзд.

По утрам спокойна и доверчива,
 Бестревожна по утрам душа,
 Словно путник на просторах вечного,
 Утоливший жажду из ковша.

Буду жить, не ведая усталости;
 Нахлебавшись досыта забот,
 Я потом уже, наверно, к старости
 Помолюсь однажды на восход.

* * *

А доброта — не привычка,
Доброе делать спешу.
Утром голодным синичкам
Хлебушка накрошу.

Я для них лучше друга,
Можно сказать — родня.
Вижу грачей над лугом,
Первые среди дня.
Гуси спешат к прорубке...

Как побывают в раю.
В свете прозрачно-хрупком
Чувствую хрупкость свою.

* * *

Март подобрел.
За лесом
Плавают облака.
Лес был вчера белесый,
Вдруг почернел слегка.

Поле — простынка белая,
Это ли не кровать!
Вот все дела подеваю,
Лягу здесь умирать.

Только в просторах этих
Дел непочатый край.
Липы в потоках света
Шепчут: «Не умирай...»

Есть пока руки сильные,
Сердце не устает.
Небо простором синим
К жизни меня зовёт.

* * *

Под ногами ледяное крошево,
Я, как ветер теплый, к тебе льну.
Значит, ты не будешь мною брошена,
Словно Стенькой Разиным, в волну.

Жизнь идёт — и злая, и весёлая,
То слеза твоя, а то капель.
Снова мы о тобою новоселами,
Радуюсь, торопимся в апрель.

Весело дорогой вешней катимся,
Март-скрипач играет полонез.
Завтра, может, запросто спохватимся,
Что в любви закончили ликбез.

На двоих безгрешных счастье с муками,
И благодарение судьбе —
Нам теперь приглядывать за внуками,
Сказками их тешить о себе.

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Тишины весенней не нарушу
И тебе ни слова не скажу.
Молча я под той же самой грушей
Узелок на память завяжу.

Пусть болит душа моя и плачет,
Пусть живут во мне твои слова.
Узелок на память — это значит,
Ты была со мною не права.

Это значит, в кипени сирени
Не за зря старался соловей.
Завтра снова встану на колени,
Запрошу в подарок сыновей.

Не скажи, что ты уже другая,
Знаю, ты по-прежнему чиста.
Я пришёл под грушу, дорогая,
В этот день весенний неспроста.

Мне такое даже не приснится,
Не приемлю в нашей жизни ложь.
Что же ты, обманчивая птица,
Гнёздышка родного не совьёшь?

Разрывает боль на части душу,
Но тобой живу и дорожу.
Узелок, завязанный под грушей,
Никогда теперь не развяжу.

* * *

Весна в цвету.
 Весь мир земной ликует.
 Кукушка-бесприданница кукует,
 За огородом в кипени черемух
 От счастья умирает соловей.
 В своей деревне парень я не промах,
 А вот не смог назвать тебя своей.

Я грешник или праведно живу?..
 Но всё, что есть, — не сон, а наяву.
 Ты в самых светлых чувствах догораешь
 И, отвергая радость бытия,
 Всё ту же пьесу старую играешь,
 И ты есть ты... А кто же буду я?

Я праведник, но грешником живу,
 А потому опять тебя зову.
 Моей любви я обозначил вехи,
 Ты в самых светлых чувствах не гречи,
 Ведь всё плохое в жизни, как огречи
 На чистом поле праведной души.

ДОМА

То речка и роща,
 То снова угодя пастушьи,
 Так сладко на сердце,
 За что и воздал бы богом.
 Я город покинул
 С его суетой и бездушьем,
 Я дома давно,
 Я сумел возвратиться к лугам,
 К ручьям и раkitам,
 К весёлому летнему грому,
 К слепому дождю —
 Он любил умыть зеленыя.
 Не блудным я был,
 Возвращаясь к отцовскому дому,
 И рад был отец,
 Ведь он строил его для меня.

То речка и роща,
 Над ними дожди и метели,
 Вдыхаю отечества
 Горький и сладостный дым.
 Годов моих много,
 Но только ручьи обмелели,
 И сам не заметил,
 Как стал среди лета седым.

И в жизни своей
Мне похвастаться вроде бы нечем —
На родине жил
И довольствуюсь этой судьбой.
Блесну и угасну я —
Щедрый,
 не злой
 и не вечный,
Над милым крылечком,
Над рощей,
 над полем,
 над речкой,
Как дождик тот самый слепой.

ЗАБОТА

Шумят дожди, проносятся,
Стучат дожди в стекло.
Мне пашется и косится
Сегодня тяжело.

Дожди грибные топают,
Идут они для всех.
Но лишь одной заботою
Отмечен мой ночлег:
Что вот дожди закончатся,
Поднимутся хлеба...

Глядишь, потом захочется
Подумать о грибах.

ЦЫГАНКИ НАГАДАЛИ

В свете дня мои родные дали,
И плывет над вешней степью край.
Мне цыганки в детстве нагадали —
Будет счастья в жизни через край.

Будет, мол, удача, денег много,
И не дом пророчили — дворец.
Люди, люди, не судите строго,
Что поверил им тогда малец.

Я сиял, и сердце трепетало,
А они — пророчить-ворожить...
Не беда, что рублика не стало,
Я увидел, как я буду жить.

И сегодня мне рубля не жалко,
А любви и счастья — через край.
Где же вы сегодня, те гадалки?
Только я и тот же птичий край.

Да ещё мои родные дали,
Где поверил в сказку наяву.
Как тогда цыганки нагадали,
Так сегодня, люди, и живу.

Пусть меня всегда могли обидеть,
Лет моих не оборвалась нить.
Буду рад цыганок тех увидеть,
Ручку их рублем позолотить.

* * *

Плывёт над нами ночь-предвестница,
И дом уснул.
В разрывах туч осколок месяца
Стеклом блеснул.

Весь мир земной окутан тайнами
Небытия,
А в нём попутчики случайные —
И ты, и я.

И нам в ночи вещает многое
Не вурдалак —
Улыбка месяца двурогого,
Как вещей знак.

Ты веришь в мифы и гадания,
Ещё поверь —
Твои сомнения — страдания
Во мне теперь.

И нам вещает ночь-предвестница
Семь долгих лет.
Никто сегодня не открестится
От новых бед.

А нам в просторах мироздания
В разбеге дней

Ещё обещаны страдания —
Судьбе видней.

Храним под звёздами высокими
Беды запас.

И жизнь опять земными сроками
Торопит нас.

* * *

За далью лет с тобою не забыли,
Как мы тогда друг друга полюбили,
И я в безумстве от любви сгорал.
А что же есть сегодня между нами?
Во мне всё также полыхает пламя,
За далью лет я также умирал.

Всё также сердце трепетное в муках,
Оно болит, когда у нас разлука,
А вместе мы — ему ещё больней.
За далью всё, а кажется, что рядом,
И каждый раз ищу я в твоём взгляде
Тепло тех первых незабвенных дней.

За далью всё. И знаю — ты в печали,
Ты хочешь, чтоб всё было, как в начале,
Оттуда льётся лучезарный свет.
Забывать те годы никогда не сможем,
Не потому ль итожим да итожим
И радости, и боли этих лет.

И что за далью — дорого до боли,
Ты, как и я, другой не просишь доли,
Нам на двоих отмерена она.
В разлуке нам печально-одиоко,
И всё мы от урока до урока —
За далью лет и в эти времена.

ЦАРЕВНА

Завтра день обещают хороший,
Завтра будет погожий день.
Ты погладь свой платок в горошек,
Самый лучший наряд надень.

Тот платок накинешь на плечи,
А концы сведешь на груди.
Тебе близко, а мне далече —
Под ракиты и приходи.

Ничего, что наряд не цветастый,
Ведь не в нём твоя красота.
И мне первой ты скажешь здравствуй,
Я тебя, как царевну, — в уста.

Пусть любитесь вся деревня,
Поцелуй теперь — не секрет.
Ты одна у меня царевна,
И других в нашем царстве нет.

* * *

В лукавстве я тебя не упрекну,
Когда в глаза твои лукавые взгляну,
Любимая, да разве ты лукава —
Кому налево, а кому направо
Улыбки даришь, чувственно дразня,
Но в этом вдруг обходишь ты меня.

Да-да, конечно, это не лукавость,
А так, всего лишь маленькая малость
Неправедно со мною пошутить,
О чём светло приходится грустить.

И всё-таки ты можешь мной гордиться —
Я не похож на старого ревнивца,
Способного бог в чём подозревать,
Увы, я не способен ревновать.

И всё, что я могу, тобой измучен,
Нахмуриться, но не чернее тучи,
В моей душе большой запас огня...
Ну, в общем, радость, знаешь ты меня.

Я не похож на старого ревнивца,
Но, представляешь, вдруг в меня вселится
Тот самый бес, и я не премину —
Опять тебя ни в чём не упрекну.

А чтобы от лукавности избавить,
 Я — ни отнять и также ни прибавить,
 Напомню тихо-мирно о себе,
 Ведь я давно один в твоей судьбе.
 Напомню как?
 Любви всей нашей ради —
 Одним стихом прибавится в тетради.

* * *

Всё призрачно в жизни и всё непохоже:
 Проклюнулся месяц, уже непогожий;
 Ракиты стоят — и стройны, и вихрасты,
 И только одна прошептала мне «здравствуй».
 На нашей планете есть женщин немало,
 И только одна — ты меня обнимала.
 Ты в жизни всегда беспокойная птица,
 То горлицей плачешь, а то, как орлица,
 В грехах обвинив, устремляешься к мести...
 А всё неразлучны, всё вместе да вместе.
 Всё призрачно в мире — дожди и метели,
 И годы, как призрак, — куда улетели?
 И призраком месяц уходит всё ниже,
 Не призрак ли ты — тебя снова не вижу,
 И ветер слова не доносит до слуха,
 О, праведный наш, ты шепни ей на ухо,
 Что мстить за любовь по-любому негоже!..
 Всё призрачно в жизни и всё непохоже.

МЫ ЖИВЕМ

Время — ветер, жизнь — сурова, годы — тлен.
 Сладкой жизнью с тобой жили, без измен.
 Ах, земная моя радость бытия!
 Ты со мною, это значит, счастлив я.
 Всем берёзам и ракикам вдоль дорог
 О тебе я не рассказывать не мог;
 На рассвете ли росистом, среди дня —
 Ясным солнышком была ты для меня...
 Время — ветер, годы — тлен, а жизнь проста.
 На тебе, моя родная, нет креста,
 Наш корабль даёт, похоже, сильный крен —
 Изменила, а ведь не было измен.
 На рассвете это было, как обвал, —
 Тебя ветер беспшашный целовал;
 А ещё мне было стыдно от людей —
 Целовал тебя закат-прелюбодей
 И оставил запах лета на губах...
 Встрепенулось моё сердце — бах да бах!
 Что же делаешь с любимой ты, нахал?!.
 Август веткой мне прощально помахал,
 Вместе с ветром за пруды, за окоём...
 Время — ветер, жизнь прекрасна, мы живём!..

ПЕРЕГРУЗ

От земли до небес —
 как рукою подать!
 До тебя мне то дальше, то ближе.
 Что на сердце твоём,
 не могу отгадать,
 Я гадаю, а значит, не вижу.
 По простому судить,
 ты во мне, ты со мной,
 Для меня твоё сердце сегодня открыто,
 Для меня ты сегодня роднее родной,
 Словно роза семейного быта.
 А бывает, на грани погожего дня
 Твоё сердце срывается с этой орбиты.
 И тогда для меня ты уже не родня,
 А колючка от розы семейного быта.
 Я всегда был с тобой за семейный союз,
 Только если слабеют семейные узы,
 Значит, снова на сердце твоём перегруз,
 И моё, дорогая, с большим перегрузом.

ЛАСТОЧКИ НА ПРОВОДАХ

А жизнь такая торопливая,
И мы с тобой уже в годах.
Но главное, что мы счастливые,
Как ласточки на проводах.

Который год они здесь парюю,
Понравился им наш карниз.
И надо же, гнездо их старое,
С яичками, упало вниз.

Они ещё слепили гнёздышко,
И время также вот пришло —
Птенцы их под весёлым солнышком
Сегодня пробуют крыло.

А щебет их! Вы только б видели
Щебещущих на вираже!..
А наши дети дом родительский
Давно покинули уже.

Их путь земной не услан розами,
И нам за них всегда больней,
Когда под ливнями и грозами
Им нелегко в мельканье дней.

Для них мы будем светлым пятнышком...
Уставшие в земных трудах,
Сидим в саду с тобою рядышком,
Как ласточки на проводах.

* * *

Ничего, что исходят росой лощины
И дымятся туманом бугры.
Мы все также с тобою живём
без кручины
И на доброе слово щедры.

Рассыпая весёлого смеха горошины,
Ты в заботах домашних с утра.
Вот смотрю, как ты снова,
моя расхорошая,
Поливаешь цветы из ведра.

А потом уже, пахнущих мёдом и влагою,
Вдруг возьмёшь да нарежешь букет.
Я стою и гадаю, всё охаю-ахаю:
Мне подаришь его или нет?

Ты меня понимаешь,
что чувствам разбуженным
Не угаснуть — туши не туши.
А потом уже будем с тобою
мы ужинать,
Изливать свою радость души.

Для размолвки ни повода нет,
ни причины,
Наши чувства всё также остры,
И всё также с тобою живём без кручины
И на доброе слово щедры.

* * *

Времени ветер над нами —
 Мчится и мчится.
 Снова с тобой мы, как в драме...
 Нам ли браниться?

В далях далёких и светлых
 Быть бы нам снова.
 Выслушать в далях заветных
 Вещее слово.

Гляну на прошлое строже,
 Стану молиться.
 В святости всё подытожу —
 Дни и страницы.

В радости вящей и в грусти
 Быть бы нам проще...
 Сердце кольнёт и отпустит,
 Сердце заропщет.

Сердце земного творенья
 Вдруг да на части?!.
 Будут порывы смиренья,
 Выцветут страсти.

Времени ветер над нами
 Быстро промчится.
 Вот он, финал нашей драмы!..
 Нам ли браниться?..

* * *

Свет погас в твоём окне,
 Ночь ослепла.
 От любви твоей ко мне —
 Горстка пепла.

То костром она в ночи,
 То дымилась.
 По усопшей две свечи —
 И не снилось.

По лугам да по полям,
 Да по водам
 Плавал с дымом пополам
 Запах мёда.

Нет огня в твоём окне,
 Ночь ослепла.
 И развеет в тишине
 Горстку пепла.

* * *

Говоришь, тебе отпелось-отлюбилось,
Будто мне такое в жизни суждено.
Но прошу я, для меня ты сделай милость,
Встань до солнышка и выгляни в окно.

Там рассвет свои протягивает руки —
Это я к тебе за тысячу земель
Через рощи и зеленые излуки
Раньше солнышка примчался, словно Лель.

Распахни своё окно навстречу свету —
В тишине услышишь песню соловья.
Лишь тебе одной признаюсь по секрету:
Соловей, от счастья пьяный, — это я.

Неужели ты обижена судьбою?
На тебя, как на икону, я молюсь.
Ошалевший от любви, перед тобою,
Словно травушка-муравушка, стелюсь.

Под окном, что снова солнышком облито,
Ещё долго буду я сторожевать...
Не отпелось-отлюбилось, а разбито,
И пришла пора осколки собирать.

* * *

Тобой владеет суета,
Ты в ней какая-то другая.
Не скрыть помадой, дорогая, —
К тебе пришли уже лета.

Теперь их много за спиной
И мало впереди осталось.
В глазах твоих легла усталость
Размытой синей полосой.

Иди по жизни не спеша,
И если ты всегда мне рада —
Скажи, зачем тебе помада,
Ты без помады хороша.

ПО КРУГУ

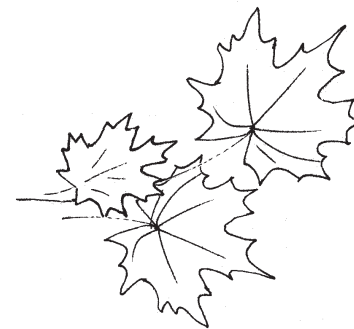
Прошла-прошумела над нами последняя стая,
 Усталые птицы всё к югу.
 Скажи, почему ты по жизни совсем непростая,
 То зимнею вьюгой —
 Несносная стужа в словах и во взгляде до срока,
 До первой слезинки-капельи?
 Но высохнут слёзы — засветится взгляд синеоко,
 Как небо апреля.
 А то вдруг замечу, как в грусти туманится просинь,
 Все в жизни по кругу,
 Как будто не лето во взгляде, а поздняя осень,
 И птицы усталые к югу.
 Прошла-прошумела над нами последняя стая,
 Чтоб на зиму где-то...
 Скажи, почему ты по жизни совсем не простая,
 То осень, то лето?..

* * *

В осенний день на сердце благовест —
 В тебя влюбленный, я несу свой крест
 С достоинством упрямца Дон Кихота.
 И мне по жизни обозначен путь,
 Лишь в этом меня можешь упрекнуть
 В осенний день, покрытый позолотой.

Судьбе-злодейке не хватило зла,
 В моей душе звонят колокола,
 И сердце повторяет их удары.
 В осенний день, наполненный теплом,
 Мне думается не о злом,
 Я жду благословения, не кары.

* * *

Равнина в серой стылости промокла,
И потемнело в сырости жнивья.
Так и живём — от Гурия до Прокла,
Встречаем-провожаем Введенья.

И каждый день для нас тяжёлым грузом,
Пока тревожно хлюпает вода.
Но на просторы бывшего Союза
Придут-примчатся скоро холода.

И пусть от них отвыкнуть мы успели,
Давным-давно в промокших селах ждут,
Что вдоль дорог вихрастые метели
Горбатые сугробы наметут.

А Дед Мороз махнёт своей дубиной,
И к вечеру, как чудо из чудес,
Вдруг загудят столбы электролиний,
И гуд — на край земли и до небес.

Но хочется, пока придёт остуда,
Чтобы сегодня, где седая мгла,
Екатерина-санница над прудом
В ночи неслышно звездочку зажгла.

* * *

И вот опять ни радости, ни света,
От сырости прогоркла тишина.
Я думал, что наступит бабье лето,
А шли дожди — с рассвета до рассвета,
Нерадостные, в общем, времена.

А тут ещё беда в окно стучится —
Летят твои обидные слова.
Всё грустное лежит на наших лицах.
Холодный дождь то стихнет, то струится,
И стелется промокшая листва.

Последний лист — как точка в приговоре,
А первый снег уже на полпути.
Так и живём — то в радости, то в горе,
Неужто завтра снова в нашем споре
Нам истину с тобою не найти.

* * *

*Будет зима, будет и лето.
(Земледельческий календарь).*

В природе будет так всегда —
С последней стаей
Листва вослед ей, как орда,
Вся золотая.

Ветрами будет сад продут,
В ноябрьской хмури
Два брата потные пройдут,
Филипп и Гурий.

И вдруг развеется туман,
И на неделе
Платон повесит и Роман
Снегов кудели.

Декабрь несёт, как властелин,
Свою погоду,
Прожжёт морозом даль долин —
Зиме в угоду.

Не в счёт хмельное Введенье,
Что после Прокла,
Когда ломает леденьё,
Потеют стекла.

Вослед ему спешит Прокоп,
Посланник стужи,
И за ночь вымахнет сугроб,
Где были лужи.

Наденет белый сарафан
Деревня-бесприданница.
А за Прокопом Митрофан
И Катерина-санница,
Клемент, Егорий — Юрьев день,
Ещё Роман, Андрей, Варвара...

Морозная над речкой звень
Исходит паром —
Гвоздит Никола что есть сил!
Потом Амвросий,
Никто его и не просил —
Все праздники отбросил.

Отпраздновал своё народ
И — на диету.
А Спиридон-солнцеворот
Светило к лету.

* * *

Туман холодный над рекой,
И тяжелее стали росы.
Уходит лето на покой,
Как ходят бабы с сенокоса.

Небросок выцветший наряд,
В походке видится усталость,
И как в народе говорят,
Ему недолго здесь осталось —
Зерна досыпать в закрома,
Потом добавить в сводку зяби.

Уходит лето за дома,
Не видеть чтоб осенней хляби,
Не знать невзрачной той поры,
Где холод царствует и морось.

И что ей осени дары —
Они идут по жизни порознь,
Соседями в календаре,
За летом осень, как в погоне.

Вчера на утренней заре
Продрогли липы на прогоне,
Промокли от холодных рос,
А завтра вспыхнут на рассвете,
И пряди рыжие берёз
Расчешет спозаранку ветер.

Грустнее станет на земле,
И что ещё сегодня свято —
В деревне, помня о зиме,
В погожий день побелят хаты,
Подладят скотные дворы,
Ведь впереди зима, не лето.

И свадеб шумные пиры
Тревожить будут до рассвета;
И каждый пир — вино рекой,
Да на столах чтоб не осталось...

Уходит лето на покой,
В походке видится усталость...

* * *

За листопадом листопад,
За декабрем опять метели.
А нам уже за пятьдесят,
Как быстро годы пролетели.

Конечно, им бы не спешить,
И в этой снежной круговерти
С тобой не думаем о смерти,
А думаем, как дальше жить.

Мы ждем хороших перемен,
И пусть жестоко будет это:
Года — разменная монета,
Они уйдут, а что взамен?..

БЕЗ ТЕБЯ

Мне судьба однажды удружила:
На исходе памятного дня
Ты шутя к себе приворожила
Парня русобрового — меня.

А сама от счастья так светилась!
Полушалок радугой с плеча.
Приглянулась мне и полюбилась,
От любви взаимной горяча.

Сколько их, и радостных, и сложных,
Позади осталось наших лет.
Так же сердцу твоему тревожно,
Если вдруг меня с тобою нет.

Милая, уйми свои тревоги
И развей печаль среди полей.
Мало счастья будет или много —
Воля божья, и ему видней.

Знай одно, что в мире синеоком,
Так же вот печалюсь и любя,
Сердцу моему не одиноко
И всегда тревожно без тебя.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

В саду осенние цветы,
Вчера их опалила стужа.
Избавь, господь, от суеты —
Мы выглядим в ней неуклюже.

Печальнице — тебе трудней,
Но уступи хотя бы малость
И в череде осенних дней
К себе же прояви ты жалость,
Что сделать бы давно пора,
И это будет очень мило.

Забудь, что, например, вчера
Меня в измене обвинила.
Присядь со мною у стола
(Ко мне уже, выходит, жалость),
Обсудим наши все дела,
У нас их тьма ещё осталось.

Тебе дал бог повелевать,
Ведь женщина сильнее мужчины.
Разглажу все твои морщины
И руки буду целовать...

Но всё в печали ходишь ты,
Что для обоих много хуже.
Мы, как осенние цветы, —
Который день сгораем в стуже.

А нам бы чуточку тепла,
Побыть подольше в бабьем лете,
Ведь ты ещё не отцвела
И я ещё как будто в цветете.

* * *

Года мои...
Я их не тороплю.
Я жизнь люблю,
тебя, как жизнь, люблю.
За далью лет
в том чудном свете дня
Ты самой близкой
стала для меня.
Года спешат —
то лето, то зима.
По мне всегда
сходила ты с ума.
И в этот день
опять к тебе спешу,
Поверь, что я одной тобой дышу.
Года спешат,
рассыпав седину,
Её ты также
ставишь мне в вино.
А за свою,
любимая моя,
Скажи, кому обязан буду я?
Спешат года,
я их не тороплю.
Я жизнь люблю,
тебя, как жизнь, люблю.

* * *

Загудят земные соки
На исходе дня,
И родимые истоки
Позовут меня.

От Оки иди, от Зуши —
Степи да холмы.
Знойный ветер слёзы сушит,
Где вы, наши тьмы?

На иконах гаснут лики —
Времени изъян.
За Окою в «поле диком»
Ветер да бурьян.

Жизнь такую не приемлю,
Мир, как слово, стар.
Снова топчут нашу землю
Полчища татар.

По земле ползёт короста,
Где ты, наша рать?!
На земле растут погосты,
Легче умирать.

На иконах гаснут лики,
Двадцать первый век.
Что с тобою, о великий
Русский человек?..

* * *

Пейзаж знакомый от окна:
Бежит дорога через речку,
А дальше — ширь,
А там — страна,
Которой теперь ставим свечку.

И я тоскую о былом
Как самый верный её житель.
Страна давно пошла на слом,
Моя заветная обитель.

По ней звонят колокола.
Меня звала к себе дорога,
Чтобы забросил все дела
И к ней спешил бы на подмогу.

А я, как старый инвалид, —
Присох тогда я к теплой печке,
И потому душа болит,
А сам смотрю, смотрю за речку.

* * *

Безудержно проходят годы,
И с высоты прожитых лет
Другие вижу я невзгоды,
Других знамён державных свет.

Смотрю вперед в большой тревоге —
В стране стрельба, пожаров гарь,
Всё больше сырых да убогих
Приносит время на алтарь.

Прорвались к власти злые силы,
И новый век такой же злой,
И он немытую Россию
Всё моет кровью и слезой.

* * *

Утром проснись и покайся,
Лик обрати на восход.
Рыжие парни — чубайсы
Снова дурачат народ.

Ищут народной славы
(Где твоя слава, Гайдар?),
Рыщут от златоглавой
Полчищами татар.

Трижды страну обокрали,
Каждый в казну залез.
И от Москвы до окраин
Стелется поле чудес.

Мать моя столица,
Ты оглянись вокруг:
Времени свет на лицах —
Слезы, печаль, испуг.

Мать моя столица,
Если смотреть с холма —
Светятся рыжие лица,
Их в златоглавой тьма.

Тучи осенние ниже,
Мгла затуманила ширь,
Мать моя, по рыжим
Плачет тюрьма и Сибирь.

НА КЛАДБИЩЕ

Холм опоясан кустиками редкими,
Природа в грусти золотого дня.
На склоне кладбище с моими предками,
Там близкая и дальняя родня.

В годах она легла, а кто-то смолоду,
И я в большой печали, земляки:
Одни лежат, другие где-то в городе
Стирают по асфальту каблуки.

— Родня моя! — окликну, поаукаю. —
Не в лучшую годину для страны
Без мук ты умирала или с муками,
Но совершенно точно — без вины.

Кого винить мне? Прадеда Василия,
Не знавшего 7 Ноября?
Когда-то там он принят был могилою,
Отечества защитник и царя.

Болит душа по всем познавшим горе,
Ушедшим в мир иной и города.
Кровавый Питер видел дед Григорий,
Столетнего несли его туда.

Отец в двадцатых — воин и оратай,
Закончилась Великая война —

Сдал автомат, сапёрную лопату...
Он тоже там, остались ордена.

— Родня моя! — окликну, поаукаю. —
Приди ко мне, со мной поговори,
Ведь ты меня учила не безрукого
Работать от зари и до зари.

И до сих пор должник я перед предками,
Их окликаю снова среди дня:
— Родня моя!..
За кустиками редкими
Молчит моя ушедшая родня.

ТОСТ

Мир деревенской улицы
До удивления прост.
Мчится петух за курицей —
Пламенем рыжий хвост.

Телки плетутся к выгону,
Чтобы набраться сил.
Пёсик из будки выглянул,
Хлебушка попросил.

Жмутся к забору рябины,
Дальше — репейника лес.
В нем потерял кабину
Трактор из МТС.

Пчелы гудят, волнуются,
В соты сливая мед.
На деревенской улице
Добрый народ живёт.

Марьи, Ивановы, Даши
Жили на ней века.
Сколько сварили каши,
Выпили молока!

Сколько мужицкой силы
 Взяли коса и плуг!
 Улица — часть России,
 Каждый здесь гостю друг.

Встретят — никто не хмурится,
 Каждый открыт и прост.
 За деревенскую улицу
 Я поднимаю тост.

* * *

Красота осенняя неброска
 И забот земных не утаит.
 Вот моя несжатая полоска
 За усадьбой тёткиной стоит.

Улетели к югу пташки-мошки,
 Белый иней лёг на скаты крыш.
 Если я не выкопал картошку —
 Я по жизни вовсе не плохиш.

Не в седёлке дело, не в подпруге,
 У меня пока что нет коня.
 Есть друзья, но только мои други
 Обошли-объехали меня.

Пусть деревня-матушка судачит
 Про мою обычную беду.
 Завтра выходной, а это значит:
 Завтра я на станцию пойду.

И туда мне путь извечно близкий,
 По прохладе хрупкой, как стекло,
 Буду там я — свой, но без прописки,
 А в душе с надеждой на тепло.

Человек — уживчивое племя,
Пусть порой живёт и озорно.
На часок мне (шуточное время)
Тракторец дадут в заготзерно.

И при этом пожурят по-свойски,
Буду благодарен их добру.
И простит меня моя полоска,
Что её последней уберу.

ДРУГУ

Живу не ради суеты,
А правды ради.
Страдаю я, страдаешь ты
От лживых дядей.

Зерно добра ты чаще сей,
Ведь жизнь торопит.
Но знай, что лживый фарисей
Во лжи утопит.

У них в роду такой закон,
Такой породы.
Спроси, кто он, — и скажет он,
Что он не он, а вроде...

Светиться будет, как сопля
В потоке света.
И как же носит мать-земля
За всё за это.

Пророча жизнь себе в веках
Совсем без права,
Всю жизнь мечтает о венках
Себе во славу.

При этом гнётся в три дуги
 Он от лакейства...
 Себя, мой друг, обереги
 От фарисейства.

Зерно добра ты чаще сей,
 Ведь жизнь торопит.
 И знай, что лживый фарисей
 Во лжи утопит.

МЕТАМОРФОЗЫ

Умирает деревня.
 В Госдуме всё сводят на личное,
 А деревня перстом
 На законы-указы столичные,
 Людям тесен хомут
 Олигархо-столичного города,
 Одни пухнут от денег,
 Другие — в подвалах от голода.
 Там, на «горьковском дне»,
 В падежах властолюбцев склоняя,
 Доживают свой век
 По природе своей не лентяи.
 Им бы вновь за станки,
 Чтобы руки в работе хрустели,
 А они умирают,
 Душа еле держится в теле.
 Боже праведный наш,
 Залечи их душевные раны,
 Всем другим не до них —
 Властолюбцы гудят в ресторанах;
 А опухшим от денег,
 Бегущим от нас на Канары,
 Им — бандитские пули,
 И ждут их тюремные нары.

Боже праведный наш,
 Ведь народ не пустое глаголит —
 Вразуми олигарха,
 Что людям платить не изволит;
 Вразуми властолюбцев,
 К Багамам означивших рейсы,
 Ведь шахтеры, нефтяники —
 Касками снова о рельсы,
 А деревня моя
 Сколько лет по судам — о зарплате...
 Но на личное сводят опять,
 Уже в верхней палате,
 Речи слушаем их —
 Обещанья одни и прогнозы...
 Вот такие у нас
 С демократией метаморфозы.

ПЕЧАЛЬ

Над лесом крик последний журавля,
 Последний лист, упавший на рассвете.
 И, по Кузьма-Демьяновской примете,
 Притихла в белой грусти мать-земля.

На лужах стынет тоненький ледок,
 Обломан скоро будет он народом.
 Единственный в селении ходок
 Неспешно простучит за огородом —
 Семанин Мишка в лес за сушняком,
 Лошадка несильна и хромонога.

По ним, конечно, а ещё по ком
 Печалится осенняя дорога.
 Она давно, с советских ещё лет,
 Не видела привычного аллюра.
 Я тоже в грусти, пахарь и поэт,
 И, кажется, скандальная натура.
 О чём печаль?
 О прошлом, о стране —
 Простой народ, нищая, ропщет глухо,
 А власти его слушают в полуха,
 Поэтому невесело и мне.

Прослыть бы не хотел я чудачком,
 Но с прошлым не могу расстаться разом.

Не езжу я теперь за сушняком,
А Мишка вот поехал, он без газа.
И как не ехать — рядом холода.

А тут ещё диверсия от власти:
Опричники Чубайса провода
За неплатеж обрезали у Насти,
И лампочка погасла Ильича...

Расскажут всем истории скрижали,
Кого в стране советской нарожали,
Кто всё под корень лучшее, с плеча.
А мне печаль.

Ещё печально мне —
Пустой детсад,
Теперь пустеет школа.
В стране раздор.
Теперь в моей стране
Бегут, задрав штаны, от комсомола.

В стране сегодня правит капитал
И жизнь свою сверяют по сберкнижке...
А я сегодня вместе с Мишкой встал,
Я буду помогать сегодня Мишке.

ВЕЧНОЕ

Есть утро и вечер —
 две равные грани:
Мы утром встаём
 в затуманенной рани,
А вечер на землю
 опустится птицей —
Уставшим в работе,
 нам долго не спится,

Нам день — как награда,
 но вечер есть вечер,
Он всех, кто работал,
 скликает на вече,
В пыли и загаре,
 уставших до дрожи,
И каждый своё,
 как бухгалтер, итожит:
Мы — сколько до вечера
 вспахано зяби,
И те, что косили,
 итожат гектары,
А эти вот, пекари, —
 выпечку хлеба
(Сложить их труды —
 каравай выше неба)...

Но вечер есть вечер,
 и дню он как старость, —
 На землю ложатся
 покой и усталость,
 Заката румянец
 горит-угасает,
 И ночь, словно смерть,
 над землей повисает.
 Все дни наши в прах
 рассыпались под Млечным —
 Ничто на земле этой, люди, не вечно!

Но утро есть утро,
 оно же не вечер.
 А утро нас также
 скликает на вече,
 Горластых, веселых,
 ещё не уставших,
 Познавших любовь
 и ещё не познавших,
 Зевающих, хмурых,
 небрито-лохматых —
 Таким сразу в руки
 метлу и лопату,
 Другим посложнее
 находит задания:
 — Эй, вы, с мастерками,
 вы строите здания!

А вам допахать!
 Вам досеять пшеницу!..
 С утра у людей
 озабочены лица,
 И даже сосед-алкоголик
 в заботе —
 С рассветом куда-то прошёл
 в одном боте.
 А что с него взять?
 Всем понятно, что нечего...
 А я говорю!..
 Боже, сколько же вечного!..

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Кто она, для меня не имело значения,
 Я приехал в тот город тогда на лечение.
 Был февраль. Заметало снегами Калугу.
 Я искал телефон — позвонить хотел другу,
 И нашел наконец телефонную будку,
 Где невольно подслушал разговор-трехминутку.

* * *

— Как жила? Так себе. По деревне грустилось.
 — ...
 — Я, ты знаешь, с девичеством рано простилась.
 — ...
 — Не скажи...
 Он в шестнадцать увёз из деревни.
 Буду жить, говорил, красивее царевны.
 — ...
 — Неудачник...
 — ...
 — Да что ты! Одни неудачи.
 — ...
 — Я пашу, как лошадка, всё время на даче.
 — ...
 — Ну конечно! С заводом-то я не рассталась.
 — ...
 — Многовато...
 — ...
 — Пять лет мне до льготной осталось.
 — ...

— Да какая любовь!
 Как могла я поверить...
 — ...
 — Не люблю я его!
 — ...
 — Не могу лицемерить.
 — ...
 — Так ему и в глаза, мол, нашел себе прачку.
 — ...
 Пьёт.
 — ...
 — Не бьёт. Как напьётся — и в спячку.
 Храп и вонь на весь дом,
 Неприятно быть в доме...
 — ...
 — Кроме? Да, я давно завела себе кроме.
 — ...
 — Не сказать...
 Так себе, но считаю — находка.
 — ...
 — А года-то мои! Я уже не молодка.
 — ...
 — Э-э-э, подруг, пока пьёт
 И пока он проспится,
 Можно с милым успеть побывать и в столице.
 — ...
 — Не чета твоему... Кстати, как там твой Паша?
 — ...
 — Да ты что? И давно?
 — ...
 — Вот такая жизнь наша.

— ...
 — А теперь?
 — ...
 — Уже третий?
 — ...
 — Как шприц одноразовый?..
 — ...
 — А поди угадай.
 Не сумели вот сразу мы.
 — ...
 — Выбор был...
 — ...
 — Посмотри, у Кольцовой Наташи —
 Не мужик, а красавец! В годах, а как пашет!
 — ...
 — Он к тебе?
 — ...
 — Ни-че-го!..
 — ...
 — И Наташка застала?
 — ...
 — Ну, комедия, Тань...
 — ...
 — По лицу нахлестала?..
 — ...
 — Да о чём говоришь!
 Он всегда как бы в шутку...
 Алло, Таня, алло!.. — И повесила трубку.

* * *

Кто она? А какое имело значение —
 Я приехал в Калугу тогда на лечение.

* * *

К вечеру стылость сквозная,
 Ветер принес пургу.
 Жить бы, забот не зная,
 Видит бог, не могу.

Ветви стучат по карнизу,
 В поле и дальше — мрак.
 В каждом окне телевизор,
 В каждом — Емеля-дурак.

В каждом — беды без меры,
 В каждом — портрет царя.
 И ни любви, ни веры,
 Словно всё в жизни зря.

Утром пораньше встану —
 Камень с моей души:
 В каждом окне Иваны,
 В каждом дворе Левши.

День — хоть рисуй с натуры,
 Славь деревенский уют.
 Пьяные балагуры
 За магазином пьют.

Словно душистое лето,
 К ферме плывут корма.

И от картины этой
Можно сойти с ума.

А наступает вечер —
Снова метель и мрак,
Божьим перстом отмечен,
Плачет Иван-дурак...

* * *

Бабье лето идет. По буграм
В грусти светит рябинами.
И приходит ко мне по утрам
Её грусть голубиная.

За колючей полоской жнивья,
За полынной дорогой
Мало-мало осталось жилья,
Грусти много.

Будет ветер былинки качать,
Будет время к закату.
И луны восковая свеча —
Поминальная брату.

Будет ветер тянуть от реки —
Вечный реквием веку.
И умчатся мои земляки
В Вифлием или в Мекку.

Бабье лето идёт — погляди! —
В сарафане цветастом.
И морзянкою сердце в груди:
— Приходи к нам и царствуй!

Уйма золота и серебра,
Всему свету на диво.

Наплодили славяне добра,
Но и зла наплодили.

Светит золотом в небо храм,
Осень светит рябинами,
По равнинам да по холмам
Снова машут дубинами.

Снова льётся безвинно кровь!
Мы ещё не спросили,
Кто тут мастер и чей закрой
На просторах России.

И ещё предстоит узнать,
Как же так получилось:
Полстраны беспортошная знать —
Это божия милость?

Неспокоен седой Кавказ,
Вся страна на панели —
Эта кара уже для нас,
Чтобы не сатанели?..

Светит золотом в небо храм,
Кремль сияет рубинами.
Бабье лето идёт.
По буграм
В грусти светит рябинами.

* * *

С небес сошедший чистый-чистый снег,
Величие предновогодья.
От дома, дальше — белые угодья,
Столетий бег.

В мерцанье звёзд стремительности нет,
Сошли с небес покой и нега.
Столетия, как набег печенега,
С набором бед.

И новый век в страну несёт раздрай,
В недобрых днях копаемся до сути.
Был Ельцин-царь, ему на смену Путин,
Бурлит мой отчий край.

Себя на мысли праведной ловлю:
Всё меньше нас, расхристанных, у Бога.
Кого винить, что здесь живут убого? —
Вопрос извечный к Богу и Кремлю.

Им наверху о смертных бы радеть!
Века прошли от мира сотворения,
Мир стар уже, а им со слабым зрением
Убогости землян не разглядеть.

СЛЕПЦЫ

1.

Я в рощу белую пришел с утра
И вдруг услышал песню топора.
Светило солнце празднично с небес,
И жизнь, ликуя, весело бежала.
Та песня над величием древес
Была как дым разбойного пожара.

Рванулся я в несчастый строй берез,
Откуда голос песни той пророс,
И увидал: коварен и остер,
По-воровски — с оглядкою и глухо —
Плясал и пел губительно топор
В руках крестьянских,
Что привыкли к плугу.

Сталь топора, она всегда слепа!
И разлеталась белая щепка,
А белый ствол дрожал до иступленья,
Что не такой хотел бы он судьбы.
Вдруг замерла береза на мгновенье
И с выдохом упала вдоль тропы.

— Зачем ты жизнь чужую загубил? —
Я старого крестьянина спросил.
И вздрогнул он, хозяин топора,
Бровей взметнулись выцветшие дуги.
В его глазах два тлеющих костра
Слегка притухли в трепетном испуге.

Потом окреп
И начал говорить,
Что нечем стало печь ему топить.
Что каждый год, особенно в ненастье,
Когда в сугробах тонут деревья,
У них в деревне вовсе не напрасно
Березовые ценятся дрова.
И это длится сколько уже лет!..

И, подняв мокрый от росы жилет,
Нахмурился старик в большой тревоге:
— А где же дров возьму я, наконец?! —
И не спеша пошел к большой дороге,
И крикнул я вослед ему: — Слепец!..

2.

На тополе высоком одиноко
Сидела белобокая сорока.
Не лакомый кусочек карауля,
А просто так, для радости,
Пока
Пылающее солнышко июля
Ей согревало ласково бока.

Сорока стрекотала без конца,
Не уловив, как он сошел с крыльца,
Соседский парень в модном пиджаке,
Его глаза посвечивали пьяно.
Держал двухстволку он в одной руке,
Другую шарил суетно в кармане.

В моей душе как надломилось что-то,
Лишь началась позорная охота.
Прищурил глаз, с обидою слепой
Следил он за сорокой на верхушке,
Пока она, как шар над головой,
Не закачалась медленно на мушке.

И грянул выстрел с пламенем и дымом —
Свинец слепца не пролетает мимо.
И удивленно вскинув два крыла,
Так не прожив положенного срока,
К ногам убийцы праздного легла
Смешная, озорная белобока.

— Зачем ты жизнь чужую загубил? —
Я юного охотника спросил.
А он стоял у самого крыльца,
Отряхивал примятую обновку.
Гордясь своей добычей без конца,
Твердил, что глаз нуждался в тренировке.

Я в те глаза обязан был смотреть:
Оттуда зло выглядывала смерть
И, хищно мою землю озирая,
Грозила новой тягостной бедой,
Где над лугами, весело играя,
Легко кружился чибис молодой.

3.

Как часто мы при всем честном народе
Любуемся величием Природы.
Как часто мы на свадьбах, именинах,
Сев потесней за круглые столы,
Поем с друзьями песни о рябинах,
Березок славим белые стволы.

Но только лишь кончаются пиры —
И кто-то снова точит топоры,
И по стране вдоль Волги и Оки
Под пьяный хрип и лающие звуки
На ствол упавший корчатся пеньки,
Как люди на отхваченные руки.

И никому, как видно, невдомек,
Что мы ещё заплатим за пенек.
Потомок наш, за жизнь свою борясь,
Бросая обвинительное слово,
Начнет крепить утраченную связь
С Природою — она первооснова.

Так почему в космический наш век
С Природою не дружишь, человек?
И в ствол загнав тоскующий заряд,
Спешешь в тенистом вишеннике скрыться,
Где, словно стайка маленьких ребят,
С обеда спорят маленькие птицы.

Ах, маленькие птицы — воробьи,
Великие сограждане мои!
И ваша жизнь, похоже, стала лишней,
Так распахните чуткие крыла,
Чтоб от беды, таящейся под вишней,
Вас молодая сила унесла.

А ты, слепец, ружьё скорей отбрось!
Во мне уже кипит-клокочет злость,
Не зря мне снилось ночью синеокой,
Как радостью разбуженной звеня,
Соседский парень целился в сороку,
А мне казалось: целился в меня.

УКРАДЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Часть вторая

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— Снегурочка-а-а! Доча-а-а!

Наталья стоит возле дома; она ещё и ещё раз громко кричит в дремотную тишину июньского полдня, и голос её слышит вся округа — он полон жизненных сил, в нем радость вешних дней, тепло светозарного июня и ласковость бабьего лета.

— Снегурочка-а-а! — плывет над истоком мелководной Неручи, где бьет бесчисленное множество прозрачных ключей, где в густых зарослях ивняка наперебой поет, квакает и крикает, где кипит жизнь.

Ты, наверное, догадался, дорогой читатель, что это Савельева Наталья зовет домой свою маленькую дочь, которую подарила им несколько лет назад сама природа, запеленав её в белые снега вьюжной ночи и убаюкав колыбельной суматошного ветра.

— А-а-а! — слабым эхом доносится из-под горы, где среди яркого многоцветья плавают сочные запахи вызревших ягод.

Наталья на минуту замирает, вслушиваясь в звуки дремотного полдня, затем идет туда, откуда прилетело эхо.

— Ах вот куда спряталась. Давай посмотрим, чем ты здесь занимаешься.

Она с улыбкой смотрит на дочку: настоящий цветик-семицветик! И вот уже вся светится от счастья при виде дочери. Ах этот семицветик! Из-под цветастой косынки в разные стороны две короткие черные косички, на смуглой щеке украшением крупная родинка, такое же цветастое, как косынка, платьице, на ногах красные сандалики; а ещё среди всего этого многоцветья, где маленький человек слился с природой, мерцают совсем маленькие озера синих-синих глаз.

— Аленка, — смеется мать, — на кого же ты похожа!

Она берет её на руки, краем передника, такого же цветастого, как эта луговина, вытирает дочери испачканные ягодами щеки и губы, и затем на них ложатся смачные поцелуи.

— Ну что, пошли обедать, — и Наталья на руках выносит её на верх.

1

Как быстро летит время; не один год прошел с тех пор, как вьюжной ночью привез их Иван Кондрашов к своим родителям.

Словно дед Мороз, продутый ветром, обсыпан-

ный снегом, он подхватил их, завернутых в одеяло, и осторожно занес в дом. Мать поняла все сразу; уже через минуту Наталья лежала на кровати, ей было тепло, а на душе радостно, потому что рядом с ней сладко посапывал и чмокал губками самый дорогой для неё человек.

Иван топтался на кухне, все хотел что-то сказать матери, но, чувствуя в ней какую-то неприступность, все-таки не решился, пока она сама не избавила его от дальнейших мук:

— Чего стоишь дергаешься? — сказала строго, но тихо, очевидно, чтобы не слышала Наталья. — Сделал дело — пора к дому, герой.

Иван не заставил себя упрашивать.

Воронок рысью промчал его по улице, взрывая протянувшиеся поперек дороги рыхлые сугробы, отчего казалось, что ещё сильнее задувает ветер и сыплет снег. И точно такая же буря бушевала в груди у Ивана, но когда он спрятал коня и сбрую под крышу и зашел в дом, жена, вышедшая отпереть дверь, ничего особенного на его лице не прочитала, а только спросила:

— Ну что, отвез?

— Нет, — ответил Иван, отряхивая с полушубка снег.

Маруся в недоумении замерла среди кухни.

— Не повез?

— Повез... — он ещё помедлил чуть, как бы сдерживая волнение и приводя в порядок свои мысли, —

повез, да не довез. С полдороги вернулся — у матери оставил.

— Родила дорогой? — то ли испугавшись, то ли удивившись, спросила она.

— Девку, — стараясь быть равнодушным, ответил Иван. Но это равнодушие далось ему с трудом: от теплоты прихлынувших чувств сердцу в груди было тесно.

Чтобы избежать дальнейших расспросов, он взял стоящий возле двери веник и снова скрылся за дверью; там он долго топал ногами, шаркал им по валенкам, сбивая снег, потом снял шапку и похлопал ею по дверному косяку, словом, тянул время, чтобы остудить свои мысли. Эти несколько минут сделали своё дело: чувства улеглись, он снова был самим собой и мог спокойно рассказывать о том, что пережил во тьме бушующей ночи.

Маруся за это время успела поставить на стол еду; и, отвечая на вопросы жены, он взял стоящие на подоконнике бутылку со свойской и рюмку, потом, на мгновение задумавшись, оттуда же, с подоконника, взял ещё одну рюмку, налил их, а бутылку поставил на место.

— Намучилась баба, конечно, — сказал Иван. — Но все вроде нормально, так что давай обмоем новорожденную.

Маруся взяла рюмку, они чокнулись; и сколько потом сидели за столом, перебирая по мелочам события прошедшего дня, Маруся не единым сло-

вом не осудила Наталью, а только печалилась, что из-за метели получилось все не как должно быть.

* * *

Утром также непогодило. Люди сидели по домам, лишь на короткое время выходили за порог, чтобы бросить скотине охапку сена да напоить её, а потому и никто не знал, даже Хомутиха, что по стечению обстоятельств Наталью приветили Ивановы старики, что есть у неё ещё одна дочка, которую уже называли по уличному Снегурочкой.

Иван уехал на ферму затемно, поспав всего часа три; да и какой это был сон — всего лишь беспокойно-радостные раздумья с обрывками воспоминаний.

Маруся тоже не стала ждать, когда распогодится; только рассосалась синева, подсвеченная белыми полосками снежной заметы, она укуталась в пуховик, чтобы не секло крупным снегом лицо, повесила на дверь замок и, по колени утопая в сугробах, через полчаса была у Кондрашовых. Старики уже не спали. Свекровь мыла посуду, очевидно, после раннего завтрака, а свёкор сидел у плиты, подбрасывая в топку дрова; огонь рвался в её нутро, с треском их пожирая, в трубе гудело от сильной тяги, и казалось, что плита задыхается, надрываясь, словно живое существо, выполняющее непосильную работу.

— Я уже на проводки, — поздоровавшись, спокойно сказала Маруся. — Может, чем помочь?

— Да со всем вроде управились, — таким же тоном ответила свекровь. И предложила. — Раздевайся, продуло, наверно.

Марусяка разделась, а свекровь продолжала говорить, и по ходу её мыслей можно было понять, что во всём свершившемся этой ночью вообще ничего необычного нет, за что можно кого-либо осуждать.

— Хорошо, что совсем не заблудились, — продолжала свекровь, — на таком ветру долго не протянули бы. На моей памяти, не один замерз в такой чичер.

Наталья села к столу, где было ближе к плите, от которой шло тепло.

— Да, вот в такую непогодь, — пояснила свекровь. — Раньше суровые зимы были, ещё круче... Но обошлось: и с самой, и с малышкой все хорошо. Спят.

В её голосе появилось тепло, им веяло от каждого слова; слушая свекровь, Марусяка чувствовала, что и у неё в груди становится теплее от слов этой пожилой женщины, прожившей большую и сложную жизнь и, как казалось Марусяке, легко разобравшейся в этой непростой ситуации. Почему непростой? Как же, только и посмеиваются по деревне, мол, это Иван Марусяки Кондрашовой начудил с Натальей, и ей, конечно, неприятно слушать такие насмешки. Свекровь, очевидно, тоже не глухая.

Неизвестно, что ещё подумала бы Марусяка, слушая свекровь и в мыслях перебирая события последних дней, пересуды деревенских баб, если бы та сама не заговорила вдруг об этом.

— Чудаки люди, — спокойно размышляла она, — из одного материала сделаны, а вот на тебе — все разные. Чего только не говорили за моего деда, мол, такой-рассякой он, то с той играетя, то с этой. Со зла, что ли, спешат люди донести, не зная в точности, так ли это на самом деле. А хоть и так, на то он и мужик... Не убивать же мне его за это, хотя, конечно, и обидно. Разводиться? Тоже не годится, да и люди в своих догадках такое могут наговорить — самой жить не захочется после.

— Умная старуха моя, — вступил в разговор свёкор. — На меня столько наговоров было, что сам удивлялся. Я, старух, виноват только тем, что такой весёлый в разговоре с бабами: пошучу, посмеюсь...

— Ишь, ожил, когда за баб заговорили, — перебила его свекровь. — Никогда не забуду, как после сватанья убежал от меня с гармошкой за речку, где девок было тьма.

— А чтобы я у тебя дома делал — возле тебя сидел? А из дома ты не шла на улицу.

— А ты меня приглашал? — съязвила свекровь. — А может, ещё скажешь, что неправда, когда работал животноводом, на ферме лапал всех доярок подряд?

— Не было этого, старух.

— Не было? — переспросила свекровь. — А как же тебе за это Настя заляпала глаза глиной?

И, уже обращаясь к Марусяке, добавила:

— Скотный двор по осени обмазывали, так он решил поиграть с Настей. Только он в пазуху к ней

свои клешни запустил — она ему все бельмы глиной и заляпала.

И опять к нему с вопросом:

— Не было?

— Ну было, — хмыкнул свекор. — но только не так.

— Вот тебе и «не так», а надо было так: тебя всего в этой глине извозить, и в штаны побольше, чтобы знал, кобелиная душа, как с чужими бабами заигрывать. В тебя дети и внуки пойдут — тебя судить судом нещадным надо будет.

Ведя разговор на такую щепетильную тему, они между тем не повышали голоса, говорили спокойно, даже как бы шутя, а потому и на сердце у Маруськи если и было что тревожное, оно незаметно улетучилось; так бывает в природе, когда вроде бы погожий день начинает хмуриться, небо темнеет, набухая влагой, которая должна вот-вот пролиться, да вдруг повеет легкий ветерок, робко скользнёт по земле первый лучик — и день посветлеет, потом засветится всеми красками радуги.

А Наталья не спала. Она лежала в боковой комнате и, слушая их спокойно-рассудительный разговор, думала о том, что неизвестно как сложилась бы её жизнь, не свяжи она свою судьбу с Иваном. Ну что делать, если такое случилось! Ни Иван, ни она не смогли поступить иначе, и теперь всё завязано в тугой узел, который ни развязать, ни разрубить они не в силах. А тут ещё вот такое приключение с нею.

Ясное дело, знают и старики, и Маруська, что она с Иваном скрутилась, а, видишь, как говорят, словно ничего и нет. Конечно, со стыда провалиться за такую подлость по отношению к ним — как-никак, а семью разбивает.

Ход мыслей прервал плач малютки; она лежала рядом, и Наталье было видно, как сморщилось её личико, губки сложились в трубочку. Не вставая с кровати, Наталья поправила завернувшийся угол пелёнки, переложила малютку на другой бок.

Занавеска на дверном проеме раздвинулась, и она увидела Маруську.

— Здравствуй, девушка, — просто сказала она, придерживая руками полотна. — Как чувствуешь себя?

— Вроде бы ничего плохого.

— И молодец. Такого, как с тобой, у нас ещё не было.

Голос у Маруськи спокойный, смотрит по-доброму.

— Можно посмотреть твою Снегурочку?

Наталья улыбнулась:

— Конечно.

— Я не глазливая, да и теперь она родня нам будет, — весело сказала Маруська, взглядываясь в черты лица малютки, словно выискивая в них это самое родство. Ей то хотелось смотреть и смотреть на это нежное создание, потом вдруг захотелось подержать на руках, но она сдержалась, не высказала вслух такого желания, а только сказала:

— Даже позавидовала тебе. Знаешь, давно не смот-

рела на младенцев. Моя старшая такой же была смоляной.

Голос у Маруськи всё такой же добрый, но в нём появились нотки мечтательности.

— Точно, Наталья, теперь она родней нам будет, а Ивана в крёстные запишешь.

И, словно соглашаясь с Маруськой, малютка улыбнулась во сне счастливой улыбкой.

* * *

Через день непогода утихла, и по белому безмолвию пошли-поехали люди. Тропки-дорожки ложились от дома к дому, до колодцев и колонок, разбросанных вдоль единственной улицы, обозначилась дорога, которая с каждым часом становилась всё оживленней, потому что по ней люди добирались до магазина, до мастерской и на ферму, а дети в школу. Это была дорога их жизни, не всегда лёгкая и весёлая, но всегда открытая для сердца и глаз ходивших по ней людей.

Удивительное дело: первой понесла по деревне новость опять же Хомутиха, что в очередной раз подтверждало: в деревне по этой части у неё равных нет. А получилось всё просто. Лишь только ослабли за стылými окнами белые сполохи непогоды, Хомутиха откомандировала Гаврила на двор. И напутствовала:

— Разлежся... Пролежни уже заработал. Ходи на двор, открой двери — пусть птица погуляет, а то надоело ей взаперти.

Гаврил и без неё уже прикинул, что надо сделать: конечно, выпустить, но сначала откопать двери. Пока Хомутиха готовила завтрак, он отбросил снег, а когда двери открыл, индюшки и куры наперегонки вывалились из полутёмного помещения и рассыпались в разные стороны в поисках корма — воля есть воля.

Гаврил сделал своё дело — и в дом. Честь по чести доложил о выполнении, добавив при этом, что птицу неплохо бы покормить, как и его, кстати.

— Покормлю, — буркнула Хомутиха и принялась собирать на стол.

А потом они завтракали; и хоть сидели за столом недолго, но, пока натёрла птице свёклы, потом грела ей воду для питья и одевалась, время пролетело. Вышла, позвала — куры прибежали какая откуда, а индюшек нет. «Подворяжки, — ругала она их в сердцах, — думаете, я за вами бегать буду. Завтра порублю».

Хомутиха недолюбливала индюшек — они не знали своего двора и могли разгуливать по всей деревне; она отказывалась их водить, но Гаврил каждый раз вступал в спор, и всё оставалось в их небольшом хозяйстве без изменений. Она знала, где искать это беспокойное племя: взяла палку и пошла к центру деревни — именно там в зарослях бурьяна находили они для себя что-то вкусное.

И на этот раз индюшки оказались на своём излюбленном месте, часть их даже перелетела через изгородь к Кондрашовым, ветврачевым старикам.

«Кыш, проклятые!» — шумнула на них Хомутиха, миновав калитку.

Индюшки продолжали копаться под окнами, возле самого фундамента. Она пугнула их еще, уже проходя под окнами... И вдруг услышала за двойными рамами детский плач. Хомутиха остолбенела: «Ребенок? — её удивлению не было предела. — Чей? Кто это у них гостит?»

Индюшки выбрались на дорогу, а она уже забыла про птицу; она скорее к входной двери, по веранде — дальше, дальше, и только взялась за ручку, собираясь войти в дом, как дверь перед ней открылась и на пороге во весь могучий свой рост встал хозяин.

— Ты? Чего тебе? — хмуро спросил Кондрашов, пытаясь оттеснить её от порога и закрыть за собой дверь.

Это у него получилось; Хомутиха сделала два шага назад, но все-таки успела ещё раз услышать всё тот же плач и знакомый женский голос, убаюкивающий ребенка. «Наталья!» — подпрыгнуло мячиком сердце. — Вот это да!» Но старика о своей догадке расспрашивать не стала, а только улыбнулась ему, через силу сдерживая раздирающее чувство ликования:

— Индюшек искала, а они у вас оказались, в изгородь забрались...

— Нечего тут шастать, — перебил её Кондрашов, — индюшек твоих тут нет.

— Да я с бабкой твоей поговорить хочу, — решила схитрить Хомутиха.

— Нечего шастать, говорю, — посуровел лицом старик. — Бабка моя болеет, не до тебя ей.

«Ясное дело, не до меня, — ликовала Хомутиха, выходя на дорогу и пошугивая индюшек. — Лопни мой последний глаз, Маруська и не ведает, что в их семье прибавка».

2

Отдохнувший Воронок затемно доставил Ивана на ферму. В деревне было не так снежно и ветрено, но когда выехал за околицу, по-настоящему оценил всю силу стихии, обрушившейся на них ночью, и понял, что вчера счастье их не обошло, — они не заблудились, вовремя прибились к жилью. О дальнейшем Ивану почему-то думалось довольно спокойно — и когда ехал на ферму, и позднее, когда делал прививки лопоухим телятам. Даже не вызывали у него беспокойства языкастые бабы с их пересудами, а уж они-то не пропустят мимо себя такое событие. Да, отсюда могут быть для них с Натальей неприятности. Но родители поняли его, а это главное. А ещё Иван смутно представлял, как поведет себя после всплеска всевозможных разговоров Маруська, хотя, если судить по вчерашнему, никаких осложнений не ожидалось.

Доярки, как и обычно, делали своё дело, готовясь к дойке, делились новостями, но в их поведении ничего не замечалось такого, что могло бы вызвать у Ивана беспокойство: ни единого намека, ни

прямых вопросов к нему или к кому-то еще. Словом, бушевала одна природа, но и она уже к обеду начинала мириться, если принимать её буйство за несогласие с их поступками.

Справившись с делами, Иван решил заскочить на поселок, проведать Илью, а заодно и попросить его, чтобы приглядывал за домом Натальи: ведь не лето, надо и протапливать его, иначе выстынет, и потом тепло придётся долго нагонять. Только сел в санки, как появился Петрович, он у отелившейся коровы удалял послед.

— Иван Дмитрич, — быстро заговорил он, — проблема тут... Тёлку украли.

— Как украли? — не понял Иван.

— Вечером все были в сохранности, а сейчас хватились — одной тёлки нет. Только обрывок верёвки остался.

Иван снова привязал Воронка к столбу, и они пошли в коровник, где собравшиеся доярки и телятницы горячо обсуждали пропажу.

— Увели, — доказывала Подшивалиха. — Некуда ей больше деться. Да и какой из Петрухи сторож — пришёл замакушенный, а тут ещё добавил с Толиком. Вот и пролялякали всю ночь в красном уголке. Даже навоз не выгребли.

— А чтобы Петруха сделал? — заступалась за него Валяха. — Свет погас, везде холодина, вишь, даже вода в поилках замерзла.

Снова все разошлись по коровнику, просмотрели,

пересчитали: да, одной телки не хватало. Прошлись вокруг коровника, затем по всем помещениям, что стояли на территории фермы, но тёлку так и не обнаружили. И никаких следов — их накрыло толстым слоем снега.

Иван был также озадачен: территория обнесена полутораметровым дощатым забором, железные ворота на замке, так что тёлка сама не могла уйти от фермы.

— Я раньше всех пришел, — услышал Иван голос слесаря Севалкина. — Минут пять с Петрухой постояли, покурили. Он мне сказал, что с вечера мимо фермы какие-то сани проезжали, кто в них — в темноте не разглядел. Может, они и увели.

Севалкина стали расспрашивать, откуда сани ехали, в какую сторону, но тот пожимал плечами, тараясь на людей, как на чудаков, и вскоре от него отстали, поняв, что с Петрухой он не только курил. Но если всем оставалось только гадать, кто проезжал здесь прошедшей ночью, то Иван сразу понял, что это его, приехавшего вечером за Натальей, случайно увидел Петруха.

Люди ещё постояли в глухом тамбуре коровника, порассуждали о пропаже, и каждый занялся своим делом. Завфермой Любочка Суетова отправилась докладывать о пропаже председателю, а Иван отвязал Воронка и плюхнулся в санки, предварительно бросив на сиденье и в передок свежего сена.

Дороги не было видно совсем, её замело основа-

тельно, а местами, где близко к ней подступали заросли бурьяна, вообще возвышались брюхатые сугробы, и Воронок, барахтаясь в них, тянул санки рывками. Иван отворачивался от ветра, пряча лицо за поднятым воротником полушубка, и только изредка косился на коня, который хорошо знал, куда надо везти хозяина.

Илья встретил его на пороге.

— Отыскался, бродяжий сын, — поздоровавшись, упрекнул старик. — Смотрю в окно — едет.

И шутливо похвалил:

— Хороший мальчик. Но вчера был плохой: полдня проискал, а по такой погоде ходить — одни муки.

В доме у Ильи было все просто, как бывает всегда у людей трезвых и самостоятельных, не теряющих своего человеческого достоинства и по-хозяйски решающих все житейские вопросы. Просыпался он всегда рано, но вставал не сразу: лежал, размышляя о вчерашнем дне, прикидывал, что ему предстоит сделать, словно приглядывался к новому дню со стороны. А потом были несложные дела по хозяйству, но в любом случае беспорядка в доме не наблюдалось, всегда было чисто и аккуратно прибрано, и каждый, кто навещал Илью, не испытывал неприятных чувств от посещения.

Иван снял полушубок и, отряхнув с него снег, повесил на гвоздь, забитый в стену возле двери; на другом, над дверью, повисла шапка.

— Ближе к столу, греться будем, — ставя на стол

бутылку, сказал Илья. — Меня тоже продуло, ходил смотреть, что там в доме. Замело хорошо.

Илья не сказал конкретно, куда, в какой дом ходил, но этого и не требовалось, так как сейчас они думали об одном и том же; не стал он спрашивать и о Наталье, что было признаком правильного его воспитания: надо будет — расскажет сам. Так же думал Иван, а потому и не собирался что-либо утаивать от старика.

— Тебе теперь придётся походить туда, — сказал он. — Не довёз я её вчера, у стариков моих они. С полдороги развернулся.

— Кого привёз? — сощурился Илья, и в глубине его глаз, в самой их глубине, зажгётся добрый свет.

— Снегурочку. Будет кому косички заплетать.

— Ну что ж, хорошо, что девка, теперь у неё веселее будет. Эти-то уже на отходе, а жизнь потянется ещё, так что давай выпьем за их здоровье.

Они чокнулись, выпили дружно, и ещё долго, до самых сумерек, сидели за столом и, как родные люди, вели на эту тему откровенный разговор.

* * *

Наталью Иван проведать только на третий день, когда возвратился из райцентра, а ездил он в ветле-чебницу за лекарствами. Не зная, как отнесётся к нему мать на этот раз, Иван чувствовал себя стеснённо, и она это заметила. Конечно, она поняла, откуда у сына это доселе незнакомое ему чувство, но виду

не подала, а, чтобы создать нормальную атмосферу общения, только спросила, как обычно спрашивала его с самых малых лет:

— Что-то голос у тебя простуженный, уж не заболел ли ты?

— Да вроде бы нет, — ответил Иван; хотел ещё сказать что-то, но мать и не думала его слушать, перебила.

— Зима плохая, а ты всё на ветру. Я раньше думала, что у тебя самая хорошая работа: сам себе хозяин и всегда найдёшь время домашние дела поделать; люди уважают тебя, и зарплата есть, а сейчас что-то по-другому думается. А как, смотри, иначе? Вот налетело — а ты будь на ферме, езжай в райцентр...

Иван засмеялся:

— Да не один же я в колхозе такой. Люди работают — идут доить коров, кормить-поить телят, молоко везут, за хлебом едут. По всей стране так.

— Я о том, что беречь себя надо.

— Старуха, — отозвался из-за стола отец, — он молодой, в таком возрасте не простужаются...

— То-то ты на улицу носа не кажешь, спрятался за печкой, — перебила его мать.

— Да я старый уже.

— Старый? Водку пить не старый, — мать уже оседлала своего коня, — с молодыми равняешься.

— Старуха, — не сдавался в неожиданно возникшем споре отец, — в его возрасте, да и в моём, на фронте никто не простывал. Зимой купались на сне-

гу: веток еловых под ноги, воды горячей на себя — только пар стоит.

И махнул перед собой указательным пальцем, словно подвёл черту:

— Не болели, потому что всегда были в работе, в напряжении.

Увидев над столом его большие огрубевшие руки с длинными и толстыми пальцами, мать распалилась:

— Растопырил каталки! Весь в тятю!

— Прекратите! — не выдержал Иван. — Я не успею ваши слушать пришел... Каждый раз одно и тоже.

— А чего он?..

Мать взволнованно ходила от стола к газовой плите, потом заглядывала то в холодильник, то в буфет, повторяя одну и ту же фразу:

— Всё он!.. Всё он!..

И вдруг налетела на Ивана.

— А ты чего пришёл?

— Хлеба вот принёс вам.

— Только нам?

Голос матери был сердитым, но чувствовалось, что запал её уже пропадал: так разбушевавшаяся от ливня река входит в свои берега.

— Я говорю, нам только?

Иван растерялся: он не сразу понял, на что она намекает.

— А им вот, — и подал пакет, в который в районном продмаге наложили ему конфет, печеньев, апельсинов.

Течение реки уже было спокойным.

— Иди сам вручи, акушер... Хотя нечего тебе там делать, — и вдруг позвала. — Наталья!

Из боковой комнаты вышла Наталья. Иван смотрел на неё и ничего не видел, кроме бледного лица и синих глаз, из которых, это он хорошо разглядел, обещали пролиться слезы: глаза набухли, вместе с синим светом из них струилось необыкновенно теплое чувство, желанное для него.

— Вань, спасибо тебе, — просто сказала она, и голос её дрогнул, — за всё.

Постояла, помяла в руках пакет; взгляд её был потуплен, очевидно, хотела скрыть свои чувства, и это ей удалось.

— Да, Ванька молодец, — сказала мать.

Какой смысл вкладывала она в свои слова, ни Иван, ни Наталья так и не поняли, им было не до этого; они ещё посмотрели друг на друга, и Наталья ушла за перегородку, где неожиданно отозвался, словно почувствовал родную кровь, ещё один свидетель их разговора.

* * *

Наталья прожила у Кондрашовых несколько дней; потом в один из вечеров, когда на деревню напозднили синие сумерки и в окнах зажглись огни, а дед Илья хорошо протопил в её доме, Иванов Воронюк знакомой дорогой без приключений доставил их туда. Что говорили по этому поводу в колхозе —

плохого, хорошего, Наталья не знала. Она жила первые дни после рождения дочери одними заботами, давно знакомыми ей, но забытыми, а как всё у них получается с Иваном, что скажет деревня, ей было теперь всё равно: это только их дело — Ивана и её.

У Кондрашовых Наталье было хорошо, но вместе с тем и неудобно перед хозяевами: как ни суди, а она разбивала семью их сына, и наверняка слух об этом дошёл до них. Она тогда ждала Ивана, чтобы увидеть, как он будет вести себя при родителях, как сами старики — по отношению к нему. И как же облегчённо вздохнула, когда со Снегурочкой переступила порог своего дома.

В январскую стужу ей помогал по дому Илья: приносил воды и угля, откапывал занесённые снегом двери, колол дрова. Через неделю, как переехала в свой дом, пришли на проводки с фермы. Шумной ватагой перекатились через порог, весёлые, пропахшие морозом и силосом, и в считанные минуты стол был уставлен выпивкой и закуской.

— Вот мы на тебя и посмотрим, как ты тут зимуешь со своей Снегурочкой, — разрезая буханку хлеба, хохотала Веруха, исполняющая на ферме обязанности техника по искусственному осеменению. — У тебя в доме не всё хорошо: нас много, а стол маленький, — нужен большой.

— Тебе, Веруха, не о столе надо думать, — перебила её другая хохотушка. — Коров осеменяешь, а о себе забыла; поучись у Натальи...

По дому хохот, а как выпили, пожелав счастья матери с малышкой, и вовсе от шуток и песен жарко стало.

3

И новый день обещал быть погожим. Перед этим спал мороз, угомонился, залег в набитых снегом лощинах юго-восточной ветер, тот самый, что со страшной силой налетал из-за Неручи несколько дней подряд и трепал, трепал нахохлившиеся дома и скотные дворы. И вот уже которое утро светло и радостно выходит народ на улицу. «Звяк-звяк», — это прошёл к колонке с пустыми вёдрами дед Вася; «тук-тук», — это сосед с другой стороны, тоже Иван, а по-деревенски Кулачок, отбивает примерзшую дверь откоска, где зимуют его овцы; «гав-гав», — и за деревню выкатывается собачья свадьба.

Иван в этот час обычно уже катил с первой фермы на вторую, а сегодня побывал только на первой — и к дому: надо побриться, умыться, переодеться и успеть на собрание в Дом культуры. По каким вопросам собрание — не уяснил, председатель колхоза на ферме предупредил всех, чтобы пришли, и весь разговор.

— Что-то Николай Максимыч невеселый, — заметила Любочка.

— Чему радоваться, — сочувственно сказал Иван.

— Со всех сторон жмут колхоз, а ему, бедолаге, за всё в ответе быть.

А начинались девяностые годы, и в стране творилось непонятное: все хотели свободы, демократии, депутаты во всех Советах клеймили, позорили партийную номенклатуру, но та не сдавалась, и в этом противостоянии деревне с её извечным укладом становилось всё хуже и хуже. И Кондрашову не по душе такой бардак, а потому осуждал каждого, кто пытался бросить плохие слова в адрес человека с партийным билетом в кармане, хотя сам в партии не состоял.

Вступить в партию у него не получилось, и не по его вине. Иван часто вспоминал эту неприятную историю, в какой-то мере повлиявшую на его жизнь, но разговора о ней не вёл ни с кем, разве что иногда с Ильей. Так уж устроена человеческая жизнь, что, шагая по ней, каждый из нас не может уйти от прошлого. Не ушёл и он, вспоминал, как начинал работать в колхозе, как выбрали его секретарём комсомольской организации. С обязанностями вожака молодёжи справлялся, с работой тоже, и однажды в преддверии одного из съездов КПСС ему предложили вступить в партию. Тогда он не захотел, считая, что проживёт и без партии, но позднее, когда пришло время расставаться с комсомолом, вдруг осознал свою ошибку и написал заявление.

Ему дали рекомендации бюро райкома комсомола и два старейших коммуниста. Но к этому времени у Ивана сложились неприязненные отношения с тогдашним председателем колхоза Сотовым, и тот сделал все, чтобы партийное собрание проголосовало

против. В чем только не обвинял он Ивана: собрал все плохое, что было на тот момент в хозяйстве, а ведь тогда мало что зависело от него, всё больше от самого Сотова.

Очевидно, по его же указке секретарь партийной организации, ровесник Ивана, только-только выдвинутый на эту должность и готовивший его к приёму, вдруг обвинил в неуплате комсомольских взносов. Иван хотел возразить, мол, это неправда, он даже за других платил те самые копейки, которые они задолжали в комсомольскую кассу, но ему не дали слова.

Коммунисты, а это были простые колхозники, с кем Кондрашов встречался каждый день, решая самые разные вопросы, недоумевали: к чему такой концерт? Послышались недовольные голоса, и всё могло сложиться в пользу Ивана, но в этот момент, почувствовав критическую ситуацию, взял слово присутствующий на собрании второй секретарь райкома партии Морозов.

— Я думаю, обсуждать этот вопрос не стоит, и так всё ясно, — сказал он. — Как вы проголосуете, товарищи коммунисты, — это ваше дело, но мы в райкоме ещё посмотрим.

И ударение сделал на слове «мы».

Кто эти «мы» — стало ясно; и тон его голоса был таким, что все стихли, и никто не посмел сказать ни одного слова в пользу Ивана, как и не поднялось ни одной руки, а те двое, что давали рекомендации, просто воздержались. Трудно сказать, как сложи-

лась бы дальнейшая жизнь Ивана Кондрашова, колхозного ветврача, попавшего в немилость к председателю, человеку желчному и мстительному; возможно, лишился бы он и работы, но, видно, не судьба была сбыться этому: разглядели вскоре в райкоме, что представляет из себя Сотов как человек и руководитель, и убрали его из колхоза, а на смену ему пришёл Николай Максимыч. И в жизни Кондрашова всё отладилось, но в партию вступать по новой отказался; почему — объяснил так: доверие к партии утратил, ведь столько пороков у неё и как ломает судьбы человеческие!

— Это не партия виновата, — убеждал его тогда третий секретарь райкома, ведающий вопросами идеологии, — это вина конкретных людей. Ведь разобралась партия за ошибку с тобой, да и за другие ошибки, Морозов от работы освобождён. И Сотов тоже.

«Но партия и состоит из конкретных людей», — ответил ему Иван и остался при своем мнении. И все последующие годы он жил легко и просто, обвешанный хозяйскими заботами, рядом с односельчанами, среди которых были и проголосовавшие против него. И, самое главное, общаясь с ними, Кондрашов никогда в разговорах не возвращался к прошлому и ни разу никого не упрекнул за это, потому что обиды в душе не держал. Они жили одной жизнью, и сегодня, как и все прошедшие годы, им вместе предстояло решать какие-то вопросы в Доме культуры, куда подкатил на Воронке Кондрашов.

Люди сходились неспеша. Кто посвободнее — пришел пораньше и топтался на высоких порожках у входа в фойе; кто-то только подтягивался, это были в основном работники ферм — доярки, телятницы, слесари, спозаранку поделавшие дела на ферме, потом домашние. Слышны веселые разговоры, смех, шутки. У входа курильщики — дым клубами вместе с паром. Чуть в стороне, ближе к углу, на холостом ходу гарахтит трактор. Подвыпивший тракторист, низкорослый, рыжеватый, в фуфайке и ватных штанах, на голове шапка набекрень, вместе со всеми докуривает уже не первую сигарету; разговор бессвязный, перескакивает с одного на другое, то злой, то с шутками.

— Мне зарплата нужна, — сердито твердит тракторист. — Отработал месяц — отдай. Не важно — сколько, но отдай, я заработал.

— Ты и сейчас работаешь, — это ему мастер-наладчик Юрин.

— Работаю. Корм вожу на ферму.

— Больше пропиваешь, чем зарабатываешь.

— Ты в чужом кармане не считай, — сердито огрызается тракторист. — В своём считай.

— А они у него худые, — подначивают Юрина, — а потому денег никогда не бывает.

— У него баба всё вытряхивает.

— Нет, зазноба — она деньги любит.

— И его тоже.

Для Юрина это сполна: все знали, что есть у него

подруга жизни, что нередко не добирается он после работы до дома, а ночует у неё. На порожках смех, а Юрин что-то бубнит в их сторону и отворачивается, недовольный разговором.

— Свои пропиваю, — хорохорится тракторист, — пропил — ещё заработаю. Зиме конец, скоро сеять поедем. Там и заработаю.

— Насеял осенью, — это снова Юрин. — Одни огрехи.

У тракториста улыбка во весь рот:

— Это не мои, это Николаич виноват, — и тычет пальцем в сторону коренастого, пузатенького мужика, одетого в такую же фуфайку. — Это он на сеялке был. Сеялка перестала сеять, а он все не видит. Уже на краю поля спрашиваю, где перестала сеять, а он мне: «Вон там, от того грача». Грачи сзади, я развернул трактор и по этому же следу снова от тех самых грачей. «От того грача», — передразнил тракторист Николаича и продолжил. — Грачи-то по полю вслед за сеялкой, от какого грача, в каком месте — не определишь, а он мне: «От грача...».

— Ты лучше расскажи, как он тебе в мотор масла доливал, — смеётся Юрин.

Невесело уже Николаичу.

— О, это комедия, — живо откликнулся тракторист. — Утром, думаю, надо побыстрее в поле, вот и говорю ему: «Ты, Николаич, сделай доброе дело: пока я прошприцую, долей маслица в мотор». Копаюсь, вижу: и он работает. Смазал, шприц прячу и спраши-

ваю, мол, долил масла-то? А он мне: последнее ведро сейчас...». Я чуть не умер. Он на щуп не смотрел и не знает, что это такое; он собирался доливать до тех пор, пока масло не покажется в горловине. Ещё, говорит, ведёрочку, а туда надо было не больше литра.

Тарахтенье трактора заглушает взрыв хохота. Но веселье неожиданно стихло, когда почти к самому порогу Дома культуры подкатил уазик, а из него вылезли двое: один — в кожаном пальто и каракулевой шапке, из-под черных густых бровей пристально-строгий взгляд; его спутник — в короткой куртке на меху, вид интеллигентный. Они поднялись по порожкам, поздоровались и уже было прошли в фойе, как вдруг тот, что был в кожаном пальто, остановился у входа и, обернувшись, спросил:

— Чей трактор? Кто приехал?

— Ну я, — отозвался тракторист.

— Как фамилия?

— Похлебаев.

— Чего он рыкает, солярку жжёт. Заглушите или на работу езжайте.

Похлебаев, если выпивши, — неуправляем.

— Каждый пастух мне будет указывать.

Взгляд приезжего посуровел, по лицу красные пятна. Развернулся круто — и в фойе, где в боковой комнате уже собирались члены правления и отраслевые специалисты во главе с председателем. А на порожках снова оживленный разговор на тему только что увиденного. Главный вопрос — кто это был?

— Судить по шоферу и машине — заметил Юрин, — из райкома человек. По всему, самый главный.

И уже к Похлебаеву:

— Уезжал бы ты, друг, отсюда подальше.

Похлебаев уехать не успел: из Дома культуры вышел главный инженер, откуда-то появился участковый, и скоро тракториста уже везли в райотдел милиции, а трактор молчаливо стоял на машинном дворе.

— Заработал, — ухмыльнулся Юрин. — Посидит до утра, потом отпустят, но штраф пришлют обязательно. И за пьянку в рабочее время приварят.

Кто-то сочувственно поддакнул, кто-то молча согласился, потому что так всегда и было: работал человек, к примеру, тот же Похлебаев, отлично, если пахал зябь — от зари до зари, по две нормы выпаживал, спал в поле, возле трактора, а по итогам полевых работ бухгалтерия начисляла ему большую зарплату и хорошую премию; но потом передовик производства уходил в загул, то есть пил денно и ночью, мог на тракторе в пьяном виде что угодно сотворить, и как результат — зарплату пропивал. За пьянку в рабочее время его лишали премии, а потому в карманах у него всегда было пусто.

На этой грустной ноте и закончился их разговор, все направились в зал. Из боковой комнаты вышел Николай Максимыч, следом за ним гости из района, и все трое поднялись на сцену, где стоял длинный стол, накрытый красной плюшевой скатертью,

и стулья. Члены правления, а это были в основном главные специалисты, зашли в зал минутой раньше и разместились на первом ряду, места на которых никто из простых колхозников из-за своей скромности не занимал, за исключением пенсионеров, страдающих глухотой. Зачем правленцев приглашали в бочошку, никто не знал, но по их виду сидящие в зале предположили, что разговор предстоит серьезный. И не ошиблись.

Николай Максимыч встал, молча посмотрел в зал, ожидая, когда наступит тишина, затем объявил, что на собрании присутствует первый секретарь райкома партии Потуроев Иван Иванович и главный инженер управления сельского хозяйства Торопов Виктор Николаевич и что в повестке дня собрания включены два вопроса: о подготовке к весенне-полевым работам и организационный.

О том, как идёт ремонт тракторов и прицепного инвентаря, доложил главный инженер колхоза Суханов и начальник машинного двора Паршин. По их словам, механизаторы своё дело знают, запчасти есть и, несмотря на морозы и снега, значительная часть техники подготовлена. Затем выступал Торопов, который говорил о готовности к весне в районе в целом, сравнивал с показателями соседей, дал несколько советов, как ускорить ремонт гусеничных тракторов. Но все его отчеты и советы люди слушали без особого интереса, они ожидали главного, ради чего, как они предполагали, и пригласили их сюда.

— Переходим ко второму вопросу, — объявил наконец Николай Максимыч. — Он организационный. Слово для информации предоставляется первому секретарю райкома партии Ивану Ивановичу Потуроеву.

Потуроев вышел к трибуне, говорил недолго, и речь его была предельно проста и понятна каждому.

— Работа в вашем хозяйстве организована неплохо, — говорил он. — Животноводческая отрасль стабильно справляется с планами, подготовка к весеннему севу, как вы слышали, ведется. Правда, с трудовой дисциплиной не везде ещё в порядке. Вот только сейчас, перед собранием, пришлось одного нетрезвого тракториста отправить в милицию, но это частности, главное — вы на правильном пути. Вопрос в другом: Николай Максимыч подал заявление с просьбой освободить его от работы.

В зале стояла гробовая тишина, потом вдруг возник шум; так бывает, когда среди дневного затишья вдруг почувствуется легкое движение воздуха, затем как бы пробежит сквознячок и вслед за ним, устроив хаос, прошумит-промчится ветер.

Потуроев говорил ещё что-то, но его уже не слушали: каждый пытался сказать свое, перекричать соседа, так что некоторое время собрание было неуправляемым. Порядок наступил лишь только после того, как к трибуне подошел Николай Максимыч.

— Ну вот, — сказал он, — а то раскричались. — Да, подал заявление и прошу вас отпустить меня.

В зале снова шум. Однорукий Осипов Шурка, глу-

ховатый старик, с чудинкой в разговорах и поведении, тянул Хомутиху за рукав и надрывался ей на ухо:

— Уходит?... Снимают, что ли?...

Та отмахивалась от него, стараясь все увидеть и услышать, что говорили люди.

Когда шум утих, снова заговорил Потуроев.

— Не снимаем мы. Я же говорил, что он руководит хозяйством грамотно, но мы предложили ему работу поответственной, если можно так сказать — помасштабней... с повышением, что ли. Бюро райкома рекомендует его на должность начальника управления сельского хозяйства, а вам подобрали новую кандидатуру, вы уже познакомились — это Виктор Николаевич Торопов, — и сделал жест рукой в его сторону.

Битый час Потуроев и Николай Максимыч не могли утихомирить собрание. Правда, иногда становилось потише, но это затишье было перед бурей: одни кричали, что Николая Максимыча не отпустят, другие уперто твердили, что чужаки им не нужны, третьих взбесило, что с их мнением в районе не считаются.

Истинную причину смены руководства в колхозе знали не многие. История эта тянулась ещё с прошлогодней весны, когда на День Победы в колхозной столовой был праздничный обед, и Николай Максимыч усмирал одного из подвыпивших ветеранов войны, Шурку Осипова, а тот каким-то образом потерял юбилейную медаль. Ветерана попросту усадили в машину и отвезли домой, но ему стало обид-

но: как же, я бывший пулеметчик, офицер запаса, а со мной так!.. И написал письмо в ЦК, да изобразил происшедшее в другом свете: мол, праздник ему испортили, награды сорвали. Оттуда письмо переправили в обком, из обкома на райком, причем с резолюцией: во всем разобраться, а виновных наказать. Естественно, разобрались, что не прав Шурка Осипов, учинивший дебош; но вот медаль-то оказалась на полу, и он утверждал, что её сорвал с груди председатель. А по письму надо давать ответ о принятых мерах; на бюро райкома партии Николаю Максимычу объявили выговор и одновременно приняли решение об освобождении его от работы. Это было официальное решение, о чём уже сообщили в обком партии.

Но у райкома была и другая точка зрения: Николай Максимыч опытный хозяйственник, а кадры надо беречь, и потому можно доверить ему ответственную должность начальника управления сельского хозяйства. Так решили в райкоме; и Потуроев приехал в колхоз проводить решение в жизнь, но это у него не получалось, а потому не вписывалось в их планы.

Трудно сказать, сколько бы времени ещё бурлило собрание, если бы не Паршин. Как начальник машинного двора он был безупречен в работе, состоял в партии, и все хорошо знали его человеческие качества, считались с его мнением; и когда он неожиданно встал со своего места и вышел к первому ряду, в зале опять стало тихо.

— И-и так мы будем до ночи шуметь, — чуть заикаясь, тихим голосом сказал он. — У меня так-к-кое п-п-предложение: и-и если просит Николай Максимыч, мы н-не должны ему отказать. А в-в-в вместо него...

Паршин замолчал, очевидно, выискивая нужные слова, помял в руках шапку, словно их выдавливал из неё, и вдруг добавил без всякого заиканья:

— Кондрашова.

Какое-то время в зале стояла тишина; потом слышался одобрительный гул, кто-то захлопал в ладоши, и Потуроев с облегчением вздохнул, так как теперь можно было надеяться, что решение бюро райкома он выполнит — пусть даже в первой его части, которая предусматривала освобождение Николая Максимыча от должности председателя.

Собрание шумело уже не так сильно, очевидно, обсуждало предложение Паршина. Потуроев понимал, что на людей надо ещё надавить и убедить их проголосовать за Торопова, но как это сделать, ещё не знал, хотя считал себя опытным в таких делах. «А что, надо спросить самого Кондрашова, — мелькнула мысль, — вдруг откажется... Да-да, конечно, послушать, что скажет он».

И с просветленным лицом объявил:

— Товарищ Паршин очень правильно сказал, что можно до ночи шуметь, и всё без толку. Бюро райкома считает, что Виктор Николаевич справится с обязанностями руководителя колхоза. Вы предлага-

ете кандидатуру Кондрашова, значит, надо узнать его мнение.

Такого поворота событий не предполагал никто, а для Ивана тем более это было неожиданностью. Он некоторое время размышлял, как ему поступить; слышал гул одобрения сидящих в зале, видел, как Николай Максимыч жестом приглашает, и, ещё не зная, что скажет людям, вышел к трибуне.

* * *

Вся следующая неделя была для Ивана Дмитрича Кондрашова совсем не похожа на те, которые он встретил и проводил за время работы в колхозе: все её дни были наполнены новыми заботами. Выйдя тогда к трибуне, Иван понял, что судьба уготовила ему ещё одно испытание, и он как бы готов к этому; а ещё понял, что люди, чьи глаза он видел перед собой, доверяли ему и готовы именно с ним идти по жизни дальше.

Иван согласился, они дружно проголосовали за него, но своё первое утро в качестве председателя он также встретил на ферме, и в дальнейшем этой традиции не изменил. Трудно сказать, почему: то ли должность приучила его к этому, то ли дорого ему было прошлое, тот самый день, когда в красном уголке впервые так близко увидел Наталью, её васильковые глаза, глубокие-глубокие, словно предвесеннее небо.

В его поведении практически ничего не измени-

лось, он также вел себя с людьми: говорил о делах, шутил, но с грустью заметил, что впервые в помещении фермы вошел без своей сумки и словно чувствует себя виноватым, так как надо бы выполнять свою прежнюю работу, а он не может.

Как и в тот памятный день, перебрасываясь шутками, доярки затащили его в красный уголок, заставили обмыть новую должность; Иван предполагал, что так оно и будет: шутками да намеками, а то и напрямую напоят ему о традиции обмывать новое место работы рюмкой вина.

— Так, Иван Дмитрич, — куртка на Любочке нараспашку, красный шарф ниже пояса, а сама — руки в бока, ну вылитая боярыня, — с тебя два магарыча: первый — тебя обмоем, второй — телку.

Иван никак не поймет, что значит «телку».

— А так: ставь магарыч, председатель, нашли мы телку.

— Нашли, нашли, — скороговоркой вторит ей Веруха. — Пришли утром, слышим — где-то мычит корова, как бы за забором. Начали искать — за забором никого, только снега почти на метр; стали по этой стороне смотреть — сугроб выше забора. Полез Петруха на сугроб, да и провалился в него с головой. Оказывается что: возле забора лежала копна сена, телка отвязалась, и никто не видел, как она вышла из помещения и спокойно пристроилась к сену, между забором и копной. А что ей надо? От ветра спряталась, стоит себе, пожевывает. Метель закру-

тила, ну и засыпало ее. Три дня стояла тихо, потом, видно, скучно стало — и замычала...

Это отложенный магарыч: времени-то прошло вон сколько, а ты всё тянешь.

— Да я не знал, что нашлась, — оправдывается он.

Доярки хохочут, Иван — с ними. Но всем им, рано-рано начинающим здесь свой рабочий день, ещё неизвестно, что наступят другие времена, и вслед за полкой водой ветры перемен принесут новые заботы и тревоги; приближалось время великого позора, когда ломались устои общества и государства, и ошалевшие на волне беспредела люди будут попираť извечные общечеловеческие ценности и нормы морали.

4

Короток зимний день; ещё короче он становится, когда человеку от забот даже пообедать некогда: в этом Иван убеждался довольно часто в начале своей работы в новой должности. И если до этого он жил заботами только одних ферм, то теперь список его должностных обязанностей распух неимоверно: на Кондрашова свалились заботы и тракторного парка, и агрономической службы, и общехозяйские.

А время шло к весне. Осталась позади Аксинья-полузимница, полухлебница — по народному земледельческому календарю этот крестьянский праздник приходится на 6 февраля. О нем Иван прочитал в районной газете, и ещё о нескольких, относящихся

к февралю, запомнил их, и нередко перечитывал эту статью, стремясь уяснить смысл народной мудрости, заложенной в поговорках и приметах. Хорошим знатоком народных праздников и обрядов считали в деревне учителя местной школы Немыткина. Уже находясь на пенсии, Олег Борисыч продолжал учить деревенских детей русскому языку и литературе, и лучше его это делать не смог бы никто. Большой эрудит во всех областях человеческой жизни, он с охотой и подолгу мог объяснять любому, как правильно выращивать картошку и помидоры, разводить пчел, хотя соседи видели, что у него самого нередко не все получалось в этих делах. Но это на практике, а теорию он знал превосходно, а потому и прилипло к нему деревенское прозвище Теоретик.

Немыткин уже несколько раз заходил к нему после занятий в школе: то поздравить с должностью, то просил выписать зерна, как он выразился, петушку поклевать нечего стало, и Кондрашов тогда подписал накладную, но поговорить с ним не пришлось: спешил в госбанк. На этот раз в делах наступило неожиданное просветление, и, увидев в окно поднимающегося по ступенькам учителя, он настроил себя на разговор.

Олег Борисыч поздоровался и попросил разрешения присесть. Зная его ещё со школьных лет, Кондрашов заметил одну странность в поведении учителя: он не любил рукопожатий, первым руку никогда не подавал, а если это случалось, как бы между

прочим, незамедлительно доставал из кармана платочек и, раз-другой фыркнув в него для видимости, старательно вытирал им руку.

— Дай, думаю, зайду, — усаживаясь на стул, приятно улыбаясь, заговорил Немыткин, — все-таки ты мой ученик.

— А в колхозе, наверно, все ваши бывшие ученики, — засмеялся Кондрашов.

— Да, почти полвека учу, с самой войны.

Его живые глаза словно заискрились, в них прибавилось света, да и сам он весь как бы встрепенулся, очевидно, чувство гордости за работу, которую выполняет, в нем не дремало.

— Это не пять лет, не десять... Но уже душа покоя просит. Иду вот, а кости ломит, по всему перемену погоды чувствуют.

— У вас, Олег Борисыч, барометр свой и всегда при себе, — пошутил Кондрашов, — а я сейчас сидел и размышлял, как угадывали погоду предки наши.

— О-о-о! — оживился учитель. — Это целая наука. Крестьянин извечно смотрел на небо, вокруг себя, так как полная зависимость от природы заставляла его изучать явления, улавливать их закономерности и связи между ними. Существовало множество правил и примет, верных наблюдений, которые накапливались десятилетиями, веками, и хорошо бы сегодня знать их каждому деревенскому жителю, да и городскому тоже.

— Кто-то знает... Я знаю, что вчера, да, шестого февраля, была Аксинья-полухлебница; от неё пол-

срока осталось до нового хлеба, и надо посмотреть, сколько фуражного зерна съедено, а значит, столько ещё съедим до новины... Потому и называют полу-хлебницей.

— Кто-то, где-то... — перебил его Олег Борисыч. — Я же говорю: это целая наука, и её надо изучать; она несет пользу, она интересна. Ну хорошо, вчера была Аксинья. В году вон сколько дней, и почти каждый с именем и своими приметам. После Аксиньи Григорий Богослов... А ты знаешь его приметы? Кондрашов пожал плечами.

— А-а-а, — протянул с превосходством победителя учитель, — тогда слушай: наши предки наблюдали за погодой в течение всего этого дня. Каков день с утра до полудня, такова, говорили, будет первая половина следующей зимы. Вот и записывай себе, какая зима будет.

— Мне важнее, какими будут весна и лето. Да осень еще.

— Да нет, — не согласился тот, — допустим, завтра тебе надо будет навоз с фермы вывозить, и ты с вечера планируешь, кому что делать; а ещё соломки про запас на половодье завезти собрался и вроде бы рассчитал всё, как вдруг на другой день метель... Нет-нет, что это я? Наблюдательный мужик посмотрит на небо, оглядится и по приметам и угадает, что приближается ненастье. Неожиданности не будет... Да-да-да! — заметив сомнение на лице Кондрашова, задакал Немыткин и указал пальцем в окно: — Видишь га-

лок? Я обратил внимание сейчас, что они обсиживают нижние ветви деревьев, значит, ненастье зачуяли.

— А может, наоборот?

— Наоборот, мил человек будет, если на верхние ветки громоздиться начнут... Да, тогда жди мороз. Вот под новый год завируха поднялась, а для меня она не стала неожиданностью: перед этим вышел ночью кобеля отвязать, вижу — месяц непогожий над речкой: столбом стоит, нижний рог повис, а сам весь в каком-то кругу туманном. Что гадать-то? Ожидай метель назавтра, да ещё с морозом. И сбылось же.

Кондрашов слушал своего неожиданного собеседника, с чем-то соглашался, о чём-то переспрашивал и неожиданно для себя заметил, что этот человек ему сегодня был кстати, что в каждодневной суете за председательскими делами у него ещё не было такого безоблачного часа, несущего душевное удовлетворение. Кондрашову казалось, что именно этого и не хватало ему; и он с какой-то жадностью стал расспрашивать Немыткина о школе, о той жизни, которая была где-то рядом и о которой практически мало что знал, потому что, к его стыду, уже не помнил, когда заходил в школу последний раз.

Учитель заспешил домой, а Кондрашов ещё долго сидел в тишине кабинета, размышляя о мудрости предков, сравнивая их с людьми, живущими рядом.

«А ничего, — размышлял он, — предки умные люди были, но и наш народ ничего, не глупый. Вот Олег Борисыч всё знает; у деда Ильи мудрости на-

браться; отец вот... мать...» Мысли привели его к отцовскому дому, к событиям недавних дней. когда он, похожий на Деда Мороза, появился из снежной круговерти с дорогим для себя и Натальи подарком. «Как-то они там», — подумалось ему; и он тут же пожалел, что о Наталье и Снегурочке знает только со слов Ильи, а сам так и не удосужился заехать к ним. Кондрашову стало как бы неловко за себя; он встал из-за стола, оделся и, словно спеша расстаться с этой неловкостью, быстрыми шагами вышел из кабинета.

Но неловкость оказалась настырной: она не отставала от Ивана, она вселилась в него и начинала разрастаться, перехватывая дыхание. В таком растревоженном состоянии Кондрашов постоял на пороге, полупился на галдящих галок, а ещё вспомнил, что, по словам учителя, в пристяжку с Григорием Богословом, в этот же день, празднуется Ефрем Сирин — запечник, прибаутник, сверчковый заступник. В этот день предки кашу варили и ставили на загнетке, как бы задабривали домового, чтобы он оберегал скотину. Почему Ефрем Сирин, Иван не знал, на эти заботы предков смотрел с улыбкой, но вот что касалось приметы: на Ефрема ветер понесся — к сырому году, он задумался и решил записать её и проверить.

Неловкость не покидала Кондрашова; ему даже казалось, что она лишь отголосок более глубокого чувства, лежащего в недрах его души и постоянно приводящего его в трепет при мысли о Наталье.

«Да, конечно», — мысленно поддакнул сам себе

Иван. Он ещё полупился на галок, слушая их непонятный разговор, потом сошёл с порожков и направился к зерноскладу, посмотреть, как идет сортировка семян и как они хранятся. Ворота были открыты; в глубине помещения, освещенного двумя небольшими лампочками, шумела очистительная машина, было сумрачно и пыльно, и Кондрашов вначале не узнал женщин, обслуживающих машину. Механика разглядел — Иван Кузнецов, по-деревенскому Кулачок.

— Это Куталиха с Назарихой да Карповна, — подойдя к нему поближе и поздоровавшись, подсказал он. — Ничего, дело идет, бабы работу знают.

Кондрашов улыбнулся на слова механика: ну и привычка у русского человека — величать людей по-уличному. Давно заметил, что сам он тоже склонен к этому: нет-нет да и назовёт кого-нибудь по прозвищу, и, самое главное, люди не обижались, потому что сами жили по неписаным законам деревни.

— А ты? — поддел его Кондрашов.

— А мое дело простое: сита поставил, машину смазал — и вперёд. Так вокруг неё кругами и хожу целый день.

— На первый класс вытянем?

— А это дело агронома, — хмыкнул Кулачок.

— Где он сейчас?

— Как раз пошёл на первый класс тянуть.

— Это как понимать?

Механик засмеялся; в разговоре наступила неболь-

шая пауза, и Кондрашов понял, что здесь что-то не так и Кулачок недоговаривает не случайно.

— Так где, говорю, агроном?

— Я и говорю: в другом складе семена отбирает, завтра собрался пробы в лабораторию везти.

Склад стоял рядом; в нём было также сумрачно, но в небольшой конторке, сбитой из теса, горела лампочка, и света хватало с избытком, чтобы даже читать газету. Агроном Михаил Савелич Лылов сидел на лавке, стоящей возле стены, как раз под лампочкой, придерживая на коленях широкую деревянную лопату с рассыпанными на ней зернами ячменя, и длинными тонкими, как у музыканта, пальцами откатывал из общей массы самые крупные, а затем смахивал их в ладонь и сыпал в небольшой мешочек. За этой работой и застал его Кондрашов.

— У тебя, Михаил Савелич, своя сортировка работает, — съязвил он — Хорошо идёт дело. Завтра ты мне доложишь, что семена первоклассные, а на самом деле будем сеять мусором. Так говорю?

Лылов даже не покраснел и не заставил ждать ответа:

— Все так делают, — и осторожно поднял лопату с коленей. — Для чего? Во-первых, в сводке будет выглядеть неплохо; во-вторых, ругать нас за этот показатель не будут; и в-третьих, мы-то знаем, какие они у нас, ещё пропустим через сортировку. Опоздать не опоздаем: вторую машину запустим.

— А чего тянуть с другой, запускай.

— Нет, дорогой мой человек, нельзя сейчас.

Лылов свою сортировку закончил; мешочек положил в карман пальто, а оставшиеся на лопате зерна, по его мнению, ниже классом, просто сыпал в стоящее тут же ведро.

— Нельзя сейчас в полную силу работать, — повторил он в раздумье. — И когда можно будет, не скажу... Нет, скажу: когда спадут морозы чуток. Вся сложность в том, что на морозе зерно становится хрупким, вот и колется при сортировке, что, конечно, нежелательно. Вывод простой: надо подождать, но мы, как полагаю, не отстанем, до сева успеем.

— Тогда какой резон лукавить со сводкой? Что имеем, то и надо давать в отчёт.

— Дело ваше, Иван Дмитрич, — не стал спорить Лылов. — Ну хорошо, отвезу пробы на анализ без моего отбора, контрольно-семенная своё дело сделает, и в сводке мы можем оказаться в хвосте. Это значит, надо будет готовиться на бюро, а какие выводы там делают, вы знаете.

— Положение поправим.

— А мы и без бюро справимся, нам погоняльщики не нужны.

То, что сильные морозы создают такие сложности при сортировке зерна, Кондрашов услышал впервые и, доверившись практике опытного агронома, перечить ему не стал. Лишь только напомнил, уходя из

склада, что люди, которые будут на подработке семян и на севе во время полевых работ, должны пройти медосмотр в районной больнице.

5

Тихо и звёздно. Только-только отгорел закат — ясный, подсвеченный сверху жёлтым светом, словно из далёкого лета лоскуток луговины с цветущими одуванчиками проплывал над горизонтом и зацепился за тонкий осколок месяца; осветил людям в синих сумерках, порадовал — и угас. Кондрашов ехал из райцентра и в раздумьях о завтрашнем дне вначале не обращал внимания на эту красоту. Закат горел как бы в стороне, потом дорога шла через лес, но когда выехал на проселок и она повернула направо, к закату, — и открылась его взору величественная картина встречи дня и ночи. Много раз, уже в новой должности, возвращался он домой в вечернее время, но красоты такой, как ему показалось, ещё не видел. Воронок весело пофыркивал, также весело поскрипывали железные полозья, и, впитывая в себя все звуки, цвета и запахи уходящего дня, Кондрашов чувствовал, что эта величественная картина, написанная талантливейшим художником всех времён, вливает в него новые силы. И ему веселее стало думать о делах, которыми он был занят сегодня и которые ожидали своей очереди. Они забрали у него весь световой день, хотя, как ему думалось, некоторыми из них могли бы зани-

маться с успехом отраслевые специалисты — агроном, инженер, зоотехник; ветврача Кондрашов ещё не успел подобрать, его прежняя должность оставалась вакантной, и на фермах хозяйничал пока один Петрович.

Конечно могли бы, как в своё время делал это он, но почему-то ему приходится вникать во все мелочи. «Не доверяю, что ли? — подумалось вдруг Кондрашову, и он тут же обрадовался своему открытию. — Да, так и есть. Если Лылов решает свои вопросы, то зоотехник всё больше говорит, а вот в делах не особо».

Он стал перебирать в памяти, чем занимался в последние дни зоотехник; зримо представил, как тот проводил на первой ферме контрольную дойку, как сидел над отчётами в конторе, как ездил в райцентр за молочными бидонами. Но опять же именно он заставил его сделать это после того, как побывал на ферме и поговорил с доярками. Он не видел, что не хватает бидонов? Видел. А ведь хватало. Почему не хватает, молока прибавилось? Спросил у него, и тот не моргнув глазом дал ответ: разворовали. Заставил разобраться, у кого они были под отчетом, — у завфермой; значит, пусть или платит за них, или находит. Ещё воруют сено; скирдок стоит возле фермы, и берегут его молодым теляткам, потому что сено, как чай, — душистое, мягкое — луговое, и убирали его в погоду.

Подумал о телятах, а мысли, как всегда, дальше:

вспомнил Наталью. Вообще-то о ней он помнил постоянно; чтобы ни делал, а зримо подумает о ней, хоть на секунду, но представит, как, например, идёт она за водой, как стоит у плиты и готовит обед; самая главная картина — как держит на руках малютку. Иван только один раз и посмотрел на неё, когда перевозил Наталью от родителей: чёрненькая, лупастенькая, а глаза — две синих полынью, на щеке родимое пятнышко.

— Чёрная — в тебя, — сказала тогда Наталья, — да и родинка твоя. И не одна — как у тебя, вот где приклеить сумел.

С этими словами она распахнула пелёнку и показала их целую россыпь.

В светлых думках через полчаса Иван был уже в деревне, но домой не поехал, а сначала завернул в контору; посидел с полчаса в кабинете, просматривая почту, потом позвонил по неотложным делам и наконец, считая рабочий день законченным, решил проскочить на ферму, где по ночам, словно зайцы молодые яблони в колхозном саду, общипывали скирдок сена ночные гости. Конечно, посмотреть на скирдок — это был всего лишь повод поехать в ту сторону; на самом деле Ивана потянуло к Наталье, с которой не расставался в мыслях, которую хотел видеть и слышать вместе с малюткой.

В помещениях фермы горели тусклые огни. В самом дальнем, а этот был телятник, где в своё время хозяйничала Наталья, покряхтывал навозный транс-

портёр, очевидно, ночные скотники, заступившие на дежурство, выкачивали навоз. Скирдок стоял за телятником, и Кондрашов привязал Воронка на привычном месте, а сам медленно пошёл в ту сторону, вслушиваясь в темноту. Его шаги скрадывала рассыпанная по снегу то ли солома, то ли сено, а потому к скирду Кондрашов подошёл неслышно; остановился, прислушался: за его углом слышалось недовольное бормотанье, непонятный шум, по всему кто-то ворошил сено.

Тот, кто дергал из скирда сено, должен будет идти мимо него, прикинул Кондрашов, так как вокруг фермы забор и всё занесено снегом, а дорога к деревне только через ворота, которые давно примёрзли и не закрываются. Он стоял и думал о том, что будет делать в этой ситуации; и даже потужил, что завернул на ферму: ну зачем ему эта война с народом за вязанку сена или соломы? Кондрашов считал, что украсть людей гонит нужда, и, кроме колхозного скирда, им разжиться больше негде.

Ну остановит он ночного вора, постыдит, обругав при этом, и заставит вязанку отнести назад; а человека-то всё равно будет жалко, так как, может, он и рад был бы сено выписать и уплатить деньги, да на заседании правления решили никому не выписывать — ни за наличные деньги, ни в счёт зарплаты. Выходит, виноват колхоз: не обеспечил кормами.

Кондрашов вспомнил рассказ председателя соседнего колхоза, как тот боролся с хищениями сена: по-

сидел под скирдом, дождался, когда человек с вязанкой пошёл домой, и, тихонько подкравшись сзади, на ходу чиркнул спичкой и сунул её в вязанку. От этих мыслей Кондрашову сделалось неприятно; он круто развернулся и быстрыми шагами пошёл от скирда.

* * *

И вот уже в который раз за эти годы Воронок торопится к Натальиному дому. В морозной тишине поскрипывают гужи, санки переваливаются на сугробах с боку на бок — дороги-то на посёлок никакой, как не было их совсем недавно по всему колхозу: поработали прошедшие недавно снегопады, а трактор с бульдозерной навеской подготовить к зиме не смогли. Сани и люди торили свои пути — узкие и ровные, и по этим набитым дорогам легко ходилось и ездилося. Вот почему Кондрашов не спешил расставаться с Воронком и пересаживаться на «уазик». «Пусть постоит, — решил он. — Надо мотор перебрать, да и по мелочам много чего надо сделать».

Уже две недели водитель с утра до вечера в гараже, а Иван — с послушным Воронком; дёрнет за вожжи, причмокнет губами, словно подсказывает, куда надо ехать, и умная лошадь понимает хозяина. Так и сейчас: причмокнул губами, шлёпнул по крупу вожжой — и Воронок по сугробам к посёлку. Днём посёлок как на ладони — рядом и весь просматривается, а сейчас не разглядеть. В эту зиму у его жителей особой нужды не было: кормов и топли-

ва заготовили, а остальные мелкие заботы из-за снегопадов отставили, разве что узенькой тропкой выберутся в магазин за хлебом.

Но и без дороги Воронок скоро стоял на своём обычном месте, у электрического столба, а Иван — под окнами; они ярко светились, они звали его. Короткий стук в стекло, а сам к двери — замер, слушает: гудит на морозе электрический столб, стучит в груди сердце; а ещё слышит он, как скрипнула, открываясь и потом закрываясь, в доме дверь, слышит лёгкие шаги за входной дверью и её голос:

— Кто там?

— Я, Наталья.

Дверь открылась, и Наталья очутилась в его объятиях — тёплая, нежная и желанная-желанная, каккой, как казалось ему, ещё никогда не была.

И когда они вошли в дом, Иван не стал оставаться со своими чувствами наедине; он снова обнял Наталью, поцеловал сначала в одну щеку, затем в другую, несколько легких поцелуев прильпился ей на кончик носа, и, глядя ей в глаза, признался:

— Люблю, и сильно. Всё время хотел к тебе, да дел много было. И Снегурочку посмотреть хочу.

Наталья счастливо улыбалась, глаза её влажно блестели. С минуту они стояли посреди комнаты — глаза в глаза, нос к носу, потом, словно очнувшись, Наталья сказала:

— Ну иди, посмотри, какая она у нас.

Малышка лежала в коляске, стоящей возле пли-

ты; Иван подошел, наклонился над коляской: родной для него маленький человечек, завернутый в пелёнки, спал, посасывая пустышку; и чем больше смотрел на него Иван, тем роднее он становился ему, а сердце захлестывало волной светлое чувство близости.

Потом они сидели за столом — ужинали, вели неторопливый разговор, обсуждая все дела, — и колхозные, и личные. Они с удовольствием проводили время, потому что соскучились друг по другу и хотели рассказать, как жили всё это время, чем занимались, о чём думали.

— Вань, а я думала, что ты меня забыл, — призналась Наталья. — Каждый день ждала, а тебя всё нет и нет.

— Радость, не забыл и не забуду.

Они сидели на углу стола: она по одну сторону, он по другую.

— Не забыл и не забуду, — повторил Иван.

Он положил на стол вилку и хлеб, погрузил в ладони её руки, поцеловал их, прижал к своим щекам.

— Глупышка, я без тебя жить не могу. Чтобы ни делал — все думки о тебе и о малышке. Ты её так и назвала Алёнкой?

— Да. Редкое имя, ласковое. Да и ты, по-моему, не против был.

— А я ничего. Хорошее имя, а как звучит-то: Алёна Ивановна.

— Вань, — она погладила указательным пальцем его брови, потом нос и губы и снова брови, — как это

воспримут, если запишу Аленку на тебя? Ивановной?

— Не знаю. Кто как, и лично меня это не волнует.

— Я что-то тебя не пойму: рассуждаешь, как чужой.

— Ну почему чужой? Не чужой, я, может...

— А как тогда понимать твоё «не волнует»? — перебила его Наталья. — Правильно, значит, мне недавно сказали за тебя. Все верно: корова телится, у быка задница не болит.

— Наталья, ну причем тут бык и ещё кто-то? Я же тебе сказал, что мне всё равно, кто и что подумает. Это наше с тобой дело, и на каждый роток не накинешь платок.

У Натальи слёзы близко: Иван ещё не закончил говорить, а у неё уже повлажнели ресницы.

— Я что, — сквозь слёзы заговорила она, — сижу вот. Это ты меня посадил, и сижу, жду, а тебя всё нету и нету...

— Наталья, ведь столько дел свалилось, — начал оправдываться Иван. — Ну разве я враг себе... Нам? Я же сам к тебе хотел, а всё никак не получалось.

— Я не знаю, где ты, с кем ты, что думаешь... Ты хотя бы письмо прислал, если сам не мог приехать, — почта к нам ходит.

— Видишь — приехал, — успокаивал её Иван. — Не плачь. Работа сложная, всё ново, но вот начал осваиваться, значит, проще теперь будет...

Иван снял со спинки стула полотенце и, поддерживая одной рукой её голову, вытер им слёзы. От того, что он говорил и делал, Наталье сделалось лег-

че, на сердце отлегло, она снова поверила: это не просто доброта его души, это тревоги и волнения любящего человека; а слёзы сами по себе перестали застить свет, и близко-близко увидела она его лицо, наполненные тревогой глаза; она успокоилась, потому что рядом был любимый человек, который её не забыл, не бросил, значит, она ошиблась, и сомнения её были напрасны.

— Вань, — словно из последних сил, тихо, как бы высказывая просьбу, промолвила Наталья, — не бросай меня, ладно? Бросишь — считай, что я мёртвая сразу. Алёнку только не оставь одинокой, доведи до ума.

— Ты что несёшь чепуху! — возмутился Иван. — Я же тебе сказал, что и в голове у меня ничего такого не было.

— А знаешь, Вань, ведь я тогда ещё, давно, уже хотела покончить с собой: дура, подумала, что ты меня бросил, и не захотелось жить. Потом поверила — не бросишь, а сейчас опять к тому же.

— Наталья ты, Наталья, — осуждающе сказал Иван, — травмишь свою душу домыслами, всякими выдумками. Ты лучше думай теперь о ней, — и показал пальцем на коляску, где заворочалась, всхлипнув во сне, Алёнка, — а я каким был с тобой, таким и останусь.

Наталья посветлела лицом:

— Ты знаешь, я вообще-то тоже так думала. И совсем тебе поверила, когда ты, как Дед Мороз, меня и Снегурочку в метель спасал.

— Вот и я говорю, нам теперь надо о Снегурочке думать, — сказал Иван и вдруг засмеялся.

— Чего тут смешного?

Наталья не видела причины для смеха.

— Чего смешного-то? — переспросил Иван. — Скорее, — весёлого: ещё одно имя будет у малышки — Снегурочка.

— Ваня, я о ней думаю. Она вырастет, — уверенно сказала Наталья, — мне не особо тяжело с ней. Хорошо, что помогает Илья, без него, конечно, труднее было бы. Я вот сейчас всё о ней, а думки мои и о тебе тоже; и, знаешь, о тех девках, о старших моих, стала меньше тревожиться. Наверно, надеюсь на них — уже взрослые, а самостоятельные с детства; им нянька не нужна: и постирают на себя, и обед приготовят. Они меня понимают; приезжали недавно... Как же рады были Алёнке! Купали её...

Наталья, как на исповеди, рассказывала о своём житье-бытье; Иван молча слушал, иногда поддакивал или что-то переспрашивал, и весь их долгий разговор похож был на семейный совет на пороге какого-то большого события.

6

Время бежало вместе с талой водой. Поздней весной, уже по теплу, когда стал править делами май, разукрасив в зелёный цвет луга и сады, а затем разбросав по этой зелени жёлтые одуванчики, вихрастые кисти сирени, по просохшему просёлку, кото-

рый вёл от берёзового перелеска, подскочил к дому крытый грузовичок. Наталья толком ничего не успела расспросить, как водитель с напарником разгрузили и занесли в дом пахнущие свежим деревом диван, кровать, стол и несколько стульев. Она, конечно, догадалась, кто старается ей помочь, хотя на её вопрос: «Откуда всё это?» — водитель промолчал; а его напарник буркнул что-то невнятное: мол, им сказали в магазине отвезти, а остальное не их дело.

В доме похорошело после небольшого косметического ремонта: Илья переложил плитку и помог оклеить стены обоями, затем собрал и расставил по местам мебель; под потолком сверкала, переливаясь огнями, весёлая люстра, а на окнах висели шторы — широкие и такие же цветастые, как светозарный июнь. И, глядя на Снегурочку, которая в свидетельстве о рождении была записана как Алена Ивановна Семенова, Наталье было легко и радостно: дочка с каждым днем набирается сил, и где-то рядом, совсем недалеко, Иван, самый близкий для них человек. Так она думала и чувствовала это сердцем.

Но порой сомнения снова закрадывались в её трепетное сердце; проходили день за днем, а его всё не было; даже Илья, у которого пыталась расспросить, не видел ли он Ивана, даже Илья не мог ничего сказать конкретного и только пожимал плечами. «Дорог у него много, и все в заботах, — говорил он. — Обещался заехать». Время измерялось днями, неделями, и всегда получалось, как говорил Илья. Он

приезжал уже на уазике, и уже не со стороны фермы, а с противоположной, от берёзового перелеска; он словно подкрадывался узеньким просёлком, и всегда либо перед сумерками, либо в ненастную погоду, когда меньше всего была вероятность встретить на пути постороннего человека, тем самым избежать ненужных сплетен.

— Собака не видит — не брешет, — говорил он. — А то прославят на всю округу.

Встречи их были такими же жаркими, а потому казались короткими, и, очевидно, только поэтому расставались они с желанием скорее увидеться снова. И хотя Иван говорил Наталье, что к работе привыкает, осваивается, что возможность увидеться теперь у них будет чаще, но надежды его не оправдывались; наоборот, всевозможных забот прибавлялось, они забирали всё свободное время, они засасывали его, как трясина, и когда Иван приезжал, он чувствовал себя виноватым перед ней за долгую разлуку.

Так прошёл год, потом ещё один; Алёнка подрастала, и Наталья уже подумывала, что надо бы выходить на работу, но вот как быть с малышкой, не знала: до детского сада далеко, да и водят туда детей часам к восьми, а на ферму ей надо будет уходить затемно. Она так и не придумала ничего хорошего, а потому смирилась со своей судьбой домохозяйки, и все думки её в свете уходящих дней были похожи одна на другую. Но вот в один из дней цветущего лета стукнула калитка, и Наталья увиде-

ла за окном свою старшую, Настюшку: сумочка через плечо, в руках пухлый целлофановый пакет, очевидно, с вещами. Она за порог; посмотрели друг на друга и засветились, засияли от счастья-радости, заговорили наперебой:

— Приехала, дочка.

— Да вот, мам, и приехала.

— И молодец; а то я вспомню-вспомню вас.... И посмотреть на вас хочется, и поговорить вот так.

Маленькая Алёнка сидела за столом; она чайной ложкой ела манную кашу и с интересом смотрела, как два взрослых человека радуются, словно малые дети. Но скоро малышка оказалась на руках у Настюшки; она обнимала Алёнку, прижимала к себе, теребила черные волосы, а то брала в рот её маленькие розовые пальчики и начинала их играючи кусать; и на все эти заигрывания с нею ребёнок заразительно смеялся, обнимая Настюшку за шею, пытался как-то спрятаться от неё, отстраниться, вернуться, но не в силах это сделать, захлебывался от счастливого смеха.

— Ах ты, Снегурочка! — Настюшкиному счастью не было предела. — И как это тебя не заморозил тогда дедушка Мороз.

Наталья быстро поставила на стол еду. Они продолжали разговор, и Наталья, также счастливая до бесконечности, с материнской нежностью любовалась детьми, говорила им ласковые слова, угощала. Приезд Настюшки сделал всех под крышей Натальино дома счастливыми.

На своём веку этот дом повидал много всякого, что выпадало на долю его обитателей: и плохого, и хорошего, и теперь вот становился свидетелем события, которое вместе с короткой радостью несло им новые заботы и тревоги. С приездом дочери отошли на второй план её беспокойные думки о любимом человеке; она все больше думала о Настюшке, о Ларисе, и даже Алёнка как бы меньше стала получать от матери душевного тепла. В своих раздумьях она неизменно приходила к мысли, что судьба её старших дочерей складывается такой же незавидной, как у неё самой; иначе о них думать не могла, ведь выросли без отца, с детских лет постоянно были в домашней работе: помогали по хозяйству, пололи огород, потому что большую часть времени Наталья проводила на ферме, и, кроме них, помощников у неё не было. С детьми Наталье легче было переносить трудности, какие преследуют матерей-одиночек, и это она почувствовала, когда они после восьмого класса сельской школы ушли учиться в райцентр, где была десятилетка с пришкольным интернатом.

Судьба повела дочерей дальше, в город, но Настюшка учиться и получать высшее образование не захотела, посчитав, что проживёт и без него. Наталья переубеждать её не стала, — очевидно, нет интереса к учебе, подумала она, хотя видела, что училась дочь легко, без напряжения, словно мимоходом, справлялась с уроками, любила читать художественную литературу и подолгу могла рассказы

вать о прочитанном. Настюшка пошла работать на завод приборов сборщицей, и по всему такая жизнь её вполне устраивала. Лариса более серьёзно смотрела на жизнь и потому выбрала для себя другую дорогу: после десятилетки подала документы в педагогический институт, сдала экзамены и перебралась в студенческое общежитие.

Дочери были для неё и моральной поддержкой; Наталья уже по-иному смотрела на житейские неурядицы, иногда оценивала свои действия и поступки с их позиций: мол, девки мои сделали бы именно так, не иначе; или в разговоре с кем-то скажет одно, а потом поругает себя, мол, девки мои так бы не сделали.

Они ушли от неё, жили своей жизнью, и Наталья это видела; в минуты большой грусти она чувствовала себя одинокой и думала о том, что с каждым годом её дети будут уходить всё дальше и что это неизбежность в судьбе каждого поколения. Но она мирилась с этим до тех пор, пока не вошёл в её сердце Иван; нет, теперь она не представляла себя в одиночестве, она знала: даже если и останется одна, всё равно не будет чувствовать себя одинокой. А когда появилась на свет Алёнка, это невинное дитя земли и неба, словно Снегурочка, сотканная из белых хлопьев снега и синевы небес, Наталья совсем забыла об одиночестве, и её трепетное сердце пугало лишь одно: она боялась потерять Ивана, которого любила не меньше, чем своих детей.

На другой день их радость улеглась; Наталья и

Настюшка переговорили о многом, и впервые мать уловила в поведении дочери, во взгляде, в её разговоре что-то новое, чего раньше не замечала: взгляд стал более выразительным; разговор был уже не юной девушки, в нем присутствовали рассуждения человека с определенным жизненным опытом, способного к анализу. «Это от самостоятельности у неё, — подумала Наталья. — Слишком рано ушли от матери. Пожить бы им рядом со мной — лучше было бы». Наталья только подумала, а в голове вихрем пронеслись события далёкой юности, когда namного моложе дочери вышла замуж, а в её возрасте — нет, чуть постарше — уже возвратилась с детьми в родительский дом, оставив мужу всё, что нажили совместно. И хорошо, что рассталась, а то мучилась бы с ним всю жизнь: по разговорам, доходившим до неё, бывший муж спился совсем, дважды пытался завести новую семью, но его избранницы также расставались с ним, как это сделала в своё время и Наталья.

«Да, девки созрели уже, — подумала Наталья и тут же спросила Настюшку, сама не зная, зачем:

— Настюш, что-то не похвалилась ты за женихов своих?

— Мам, а что хвалиться — ухаживают, провожают. Один особенно усердно: давай, говорит, поженимся.

— И что он из себя представляет?

— Так себе: высокий, стройный. В торговле работает: мать его каким-то начальником, вот и пристроила. Машину купила ему.

— Ну а ты?

— А что я? Провожает, подарки дарит. А знаешь, мам, — и Настюшка доверчиво прижалась к матери, посмотрела ей прямо в глаза, — не люблю я его. Приятно с ним бывать, но мне нравится другой.

— А он?

— Кто?

— Тот, который нравится?

— Тоже провожает, но только ничего не предлагает.

Наталья в задумчивости поправила завернувшийся воротничок её платья:

— И что же ты думаешь делать?

— А что бы ты сама сделала?

Наталья даже растерялась; и, правда, чтобы сделала? Она помолчала, вспоминая свою первую любовь. Конечно, это была не любовь; мать же говорила: «Дура, какая любовь тебе, если человек из плохой семьи и сам что зря. Одумайся». Говорила, а она не одумалась. Как же — любила.

— Чтобы я сделала? — переспросила она. — Не знаю. Я выходила замуж, как мне тогда казалось, по любви, но, видишь, лучше бы не выходила. Это была не настоящая любовь, скорее, сильное увлечение. Лучше выйти без любви, главное, чтобы жизнь хорошей была. Мне мать рассказывала, что раньше так и выходили замуж, без любви: пришли сваты — родители смотрят, из какой семьи жених, то есть хорошие ли хозяева его родители, долгожители или нет, может, какие больные; если что не так — хоро-

шие хозяева ни за что не отдадут хорошую девку.

— Мам, а я какая, плохая или хорошая?

— А я какая хозяйка?

И они весело засмеялись, но при этом Настюшка поспешила мать успокоить:

— Ты хорошая, значит, и я тоже. А ещё скажу тебе по секрету: провожая меня сюда, Андрей сказал... — и тут же пояснила, — его зовут Андреем, — да, Андрей сказал, что через неделю приедет меня сватать.

Наталья опешила:

— Ты это всерьёз?

— Да, так и сказал.

— Это какой Андрей, что предлагал жениться?

— Да, так и сказал.

— Что же тогда молчишь, ничего не говоришь? Приедут сваты, и чем я их угощать буду?

— Сказала, — и Настюшка виновато улыбнулась, мол, что тут поделаешь — виновата; но в душе она обрадовалась, что мать восприняла её сообщение, словно бы уже дала согласие на их свадьбу. — Мы договорились, что Андрей привезет продукты.

— А что будем делать с любовью? Может, она не нужна людям, и всё — выдумка?

— Не знаю, — призналась Настюшка.

— Девка ты, девка, — сочувственно сказала Наталья, — запуталась в женихах совсем. Мать была дурой, и дочь такая же непутевая. Твоя бабушка говорила: семья — не хомут, с шеи не сбросишь, хотя, конечно, времена другие теперь, все можно.

Но если смотреть по матери, то ничего страшного нет: мать твоя всех переплюнула — в шестнадцать лет выскочила замуж, а тебе вон уже сколько.

Наталья в волнении заходила по комнате: от стола к окну, потом к плите и обратно к столу, загромила посудой.

— Ты думаешь, мне легко было замужем? Иди попробуй, а ещё лучше — пораспрошай у кого-нибудь, как там живётся.

— У всех разная жизнь.

— Правильно, я об этом и говорю. Мне замужем хорошо жить счастье не выпало, а дочери, может, повезёт.

— Мам, а, собственно, я не собираюсь замуж.

— Зачем же тогда это сватовство?

— Я ему говорила, что нечего огород городить, а он своё: приедем да приедем. А прямо сказать, что я за него замуж не пойду, духу не хватает.

— Надо было говорить.

— Мам, спасибо. Ты у меня хорошая, — и Настюшка поцеловала её в щеку. — Я тебя понимаю, а себя ещё не совсем. Андрей тоже хороший: выпивает мало, не курит, постоянно в делах и с родителями ладит; во мне души не чаёт, и мне всё чаще становится его жалко.

— Ну и хорошо тогда. Приедут — значит, приедут, вот только бы Ларису предупредить надо.

— Она всё знает, Андрей за ней заедет.

— Девка ты, девка, — в очередной раз тяжело

вздохнула Наталья и заспешила управляться с делами на двор, где давно повизгивали в ожидании кормёжки два хрячка: недели две назад Иван вытряхнул их в закутку из мешка и пообещал вскорости заехать и сделать из них боровков.

* * *

Все последующие дни прошли у Натальи в хлопотах. Вместе с Настюшкой они мыли, скребли, подбеливали, и в доме заметно посвежело, стало выглядеть празднично, особенно после того, как повесили выстиранные и выглаженные шторы. Алёнка с интересом таращила свои синие глаза, пыталась в чём — то помочь им, но настоящей трудовой спайки со взрослыми у неё не получалось.

— Снегурочка, не мешай, не до тебя, — отмахивались от неё взрослые, и Алёнка, обиженно надув губы, уходила в свой угол, где лежало много больших и маленьких разноцветных игрушек.

Иван заехал с Ильёй. Они сразу пошли на двор, и скоро оттуда донёлся поросычий визг; через полчаса всё закончили и уходили, и как ни старалась Наталья уговорить их зайти в дом и перекусить, Иван отказался.

— Ты знаешь, при девке неудобно как-то. Мы лучше у Ильи посидим, — объяснил он. — Всё равно приятно на душе будет — рядом же; и на тебя вот посмотрел.

— Вань, она уже взрослая; и я уже тебе говори-

ла, что они всё знают. Да, и еще: замуж она собралась, на днях сваты должны приехать.

Иван расплылся в улыбке:

— Поздравляю. Глядишь, скоро бабкой станешь.

— Пойдет в меня — и стану, — и пожаловалась. —

В пень стала, целыми днями на ногах.

— Сказать Илье, чтобы помог?

— Это не его работа, а женская.

— Может, чем ещё помочь?

— Я же говорю, всё женская работа.

Илья давно ушёл домой готовить закуску, а Иван всё стоял с Натальей под окнами, расспрашивал об Алёнке, ещё о Настюшке и Ларисе, и за этим нехитрым разговором им обоим было тепло и радостно. Понимая, что времени прошло много и Илья заждался, Иван заспешил уходить.

— Иди, — сказала Наталья, легонько подергав его за полу пиджака, — но смотри не шельмуи с кем зря.

— Никого, кроме тебя, у меня нет, — успокоил её Иван, — и даже в мыслях не держу.

От её слов на душе у него стало неуютно. «Не доверяет, — подумал он, — думает, что я кобель». С тем и пошел к Илье, где стояла его машина.

Они сели за стол; дед разливал свою фирменную по рюмкам, Иван резал хлеб; затем чокнулись, но, прежде чем выпить, Иван попросил:

— Илья, доберись завтра до кладовой: возьми мяса и принесешь Наталье. Я скажу кладовщику.

— Понял, — кивнул головой дед и опрокинул рюмку в рот.

Иван не отстал. Пока закусывали и выпили по второй, к нему пришли другие мысли. «Это у неё не от плохого, — думал он, — ревнует — значит, любит». Об этом и сказал Илье.

— Молодой человек, — откликнулся на его откровения дед, — после всего, что произошло у вас, глупо думать по-другому.

Сказал — как поставил точку в разговоре на эту тему.

7

Как ни ожидала Наталья сватов, а нагрянули они неожиданно. С утра с Настюшкой и Алёнкой они носили из колодца воду, потом сидели под окнами на лавочке, грелись на солнце и размышляли, что ещё можно приготовить из мяса, принесённого Ильей. Перед обедом собрались сходить в магазин и посмотреть чего-либо, чего, по их мнению, не будет хватать на столе, как вдруг из-за сада неслышно выкатилась легковушка, за ней другая, и, просигналив, они остановились у калитки. Открылись дверцы — и к дому толпа людей с шутками-прибаутками.

— Хозяйка, открывай двери-ворота, — и молодые озорные ребята кто через калитку, а кто через изгородь; кто постарше — степенно, оглядывая её домишко и их, стоящих возле порога с пустыми сумками.

Наталья повернулась к Настюшке, чтобы отдать ей сумки и пойти встречать приехавших, и ужаснулась: дочь стояла бледная, готовая заплакать. Вчера и сегодня утром они снова вели непростой разговор; Настюшка твердила одно:

— Не люблю и замуж за него не пойду.

— Дура, — также настойчиво убеждала мать, — тыщу раз не предлагают. Иди, семья хорошая. Посмотри, кругом одна пьянь, а этот, говоришь, не пьет, с деньгами, с машиной. Барыней будешь жить.

Выслушав материнские речи, Настюшка согласилась.

— Мам, ладно, пойду, пойду. Разве плохо замужем быть, тем более барыней, — говорила она, похохатывая, и мать не могла понять, шутит ли её девушка, или всё это на полном серьёзе.

Наталья сунула сумки дочери в руки и строго сказала:

— Шагай в дом, быстро приведи себя в порядок.

А сама — к сватам; на лице вымученная улыбка.

— Здравствуй, хозяйка!

Сватам весело, у них на душе праздник, а у Натальи — кошки скребут: и рада всему, что происходит, и не рада. Сквозь землю провалиться бы, да не провалишься.

— Здравствуйте, здравствуйте!

Улыбка на лице Натальи потеплела: вместе с молодежью Лариса, тоже весёлая, смеётся, с каким-то кучерявым за руку держится.

Пока молодёжь суетилась вокруг неё и Алёнки, подошли старшие, очевидно, родители.

— Добрый день. Савельевы здесь живут?

— Не ошиблись. Проходите, — приглашает Наталья, а сама смотрит, где Лариса. — Дочь, позови Настюшку.

Через минуту они появились на пороге; Настюшка успела переодеться, поправить причёску. Тот самый кучерявый, что держался с Ларисой за руку, подошёл к Настюшке.

— Вот и мы; как говорил — приехали.

— Поздравляю, — буркнула в ответ Настюшка.

Наталья видела, как трудно приходится дочери совладать с собой, а потому и сама была на грани срыва. «Упаси Боже испортить всё дело, — мысленно уговаривала она Настюшку. — Непорядочно будет всё выглядеть». Дочь словно услышала молитву матери: она улыбнулась, кому-то помахала рукой, при этом хохотнув, но не каждый мог разобраться, что за её смехом скрывается и что несёт он с собой. И потом уже, когда сваты зашли в дом и сели за столы, когда в разноголосье подвыпивших людей Настюшкин смех звенел, как колокольчик, Наталье показалось, что дочь не сможет пересилить себя и тем самым причинит матери острую душевную боль.

Но молитва матери дошла до Настюшки: «Всё хорошо, — сказала она сама себе, — это всего лишь простые посиделки, они ничего не решают». И Настюшка веселилась: в очередной раз смешно хохот-

нув, поцеловала Андрея в кучерявую макушку, когда он после долгого молчаливого сидения попытался ей что-то сказать; сваху назвала мамой. Она превзошла сама себя: так могут играть на сцене самые талантливые актеры, а в жизни простые люди, суть характера которых поэт объяснил стихами: «В грозы, в бури, в житейскую стынь, когда нелегко и когда тебе грустно, казаться улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство».

Так получилось, что ухаживания Андрея Настюшка всерьёз не принимала. Провожает? Всех девчат провожают. Дарит подарки? А кому их не дарят? Порой ей казалось, что Андрей какой-то бесхарактерный, всегда больше молчит, даже побриться хорошо не умеет. Подруги спрашивают, что, мол, он у неё такой смирный? А он не её. Завидуют, что с машиной... Приятно, конечно, но отвергать его ухаживания у Натальи основания были, и о них Настюшка ещё никому не говорила, даже матери...

Наталья угощала сватов: то водочки нальет, то предложит котлету, и всякий раз старалась сделать так, чтобы они на Настюшку обращали внимания меньше. Это ей удалось: сваха — её звали Полина Григорьевна — от выпивки не отказывалась, но каждый раз пила не больше одного глотка; полная, светловолосая, лет сорока пяти, она оставляла о себе мнение как о женщине скромной, воспитанной, с хорошими манерами, чего нельзя было сказать за свата.

— Я Иван Иваныч, — подвыпив, сипел он на

ухо своему соседу, одному из друзей Андрея, — а вы зелень пузатая. Не жили ещё... Что мой отпрыск, что ты — ещё лиха не знаете. Это я говорю, Иван Иваныч.

Услышав пьяный бред мужа, Полина Григорьевна дёрнула его за ухо:

— Сиди смирно, а то в машину пойдёшь.

Иван Иваныч по всему был слушником: несколько минут старался сидеть тихо, потом всё повторялось по такому же сценарию. Но за это время свахи не спеша порешали многие вопросы; самое главное — договорились: если молодые решили, они перечить не будут; с ответным визитом, как обычно говорят, смотреть лавки в доме, где жить молодым, тянуть не будут — через неделю.

Сваты уехали, а вместе с ними и Лариса — у неё своё, утром на занятия. Наталья, усталая то ли от хозяйских забот, то ли от душевного напряжения, а может, от того и другого вместе, присела на лавочку под окнами дома; рядом пристроилась Настюшка. Она обняла мать, положив голову ей на плечо, и сквозь слёзы призналась:

— Мам, я ради тебя это сделала.

— Не плачь, дочка, всё будет хорошо, — тихо ответила Наталья, и голос её дрогнул: Наталья тоже плакала.

Не плакала только Алёнка; такая же уставшая от ласк незнакомых ей людей, которые постоянно хотели её понянчить, просто подержать на руках или

потискать, она подошла к матери, положила голову ей на колени, а маленькими ручонками так же пыталась обнять, как сделала это её старшая сестра. Алёнка не плакала, но вся жизнь у неё была впереди, и, как было написано у них на роду, никто не избежит участи проливать горькие слёзы от житейских невзгод и слёзы любви и счастья.

* * *

Два дня, не переставая, лил дождь. Тёмно-бурые тучи клочьями висели над посёлком, и там, где они были ниже и темнее, водяные потоки белесыми полосами опускались с небес, заслоняя горизонт и всё, что было перед ним: лес и столбы высоковольтных линий электропередачи, помещения фермы, колхозный сад. В доме было также сумрачно и прохладно, а потому Наталья решила протопить; принесла дров, и скоро от горячих кирпичей и раскаленной чугунной плиты повеяло живое тепло. Настюшка с Алёнкой только пообедали и задремали на кровати, накрытые лёгким одеялом; а она села на стул перед дверцей, ноги к поддувалу, и ей сделалось хорошо в этой безмятежности, навеянной ненастьем и самой обстановкой в доме. Таких дней в её жизни было мало: все они проходили в хлопотах и тревоге, и — самое главное — душа не находила покоя, а тут вдруг на тебе: никому до неё нет дела и душа не бунтует; полнейшая безмятежность — никуда не хочется идти, ничего не хочется делать. Нет, это состо-

яние её души нельзя было назвать слабостью, скорее, к ней пришло чувство удовлетворения при виде всего, что её окружало; что к ногам подбирается тепло и теплее становится на душе, словно солнечный лучик карабкается по ногам всё выше и выше, до самого сердца.

Рассуждала Наталья просто: Алёнка растёт, и все зовут её Снегурочкой. Снегурочка так Снегурочка. Фамилия, имя, отчество есть, а остальное всё не важно. Настюшка работает, Лариса учится. Что ещё надо? Самой не везёт в жизни? Что делать, судьба такая выпала: была замужем, потом стала разведённой, а сейчас мать-одиночка. Такое вот её бабье счастье. Но что плохого, если всё по любви? Пусть она украденная, но она есть, она греет, и сильнее, чем эта плита. А любить и быть любимой — разве это не счастье? Но это она, а вот Настюшка... Может, и дочь этого хочет — любить и быть любимой. Да все они имеют на это право.

Подумала так Наталья — и сильнее забилося сердце, и меньше стало умиротворения в доме, потом пришло ощущение, словно и вовсе не было его, а бунтуют в этом стареньком доме страсти большого накала. Что это так — показали дальнейшие события.

* * *

На третий день непогоды небо посветлело; подгоняемый ветром дождь отполоскал туманные поймы Неручи и пошлепал дальше, куда уносила река свои

светлые воды, а вслед за дождём заторопилась на центральную усадьбу и Наталья. Чувствуя себя в этой ситуации беспомощной, она решила найти Ивана, к тому же утром Илья ей посоветовал то же самое.

— Иди к нему, ты помоложе меня, — сказал он. — У начальства сейчас много дел, так что заедет он сюда не скоро, а тебе без него не обойтись. И спешить: опоздаешь — уедет куда-нибудь.

Наталья пораньше управилась с хозяйством, наказала Настюшке приглядывать за Алёнкой, а через полчаса уже подходила к правлению колхоза; всего полторы версты от дома, а припарилась: шла напрямки, тропинкою через луг, часто сапоги её скользили, однажды чуть не упала.

Первый после ненастья погожий день развёл по рабочим местам даже самых ленивых. Кто-то по такой грязи выходить из дома не захотел, посчитав, что со своими проблемами можно подождать, а потому в правлении сидели одни работники бухгалтерии. Председательский узик стоял за углом на асфальтированной площадке; значит, Иван никуда не уехал, сделала вывод Наталья и сразу направилась к его кабинету, который размещался на втором этаже. Вошла осторожно, без стука. Иван сидел за широким столом, что-то писал в толстой тетради; поднял голову, сперва удивился, потом обрадованно улыбнулся:

— Что случилось?

— Ну здравствуй, дорогой, — поздоровалась Наталья, всё ещё стоя у порога.

— Здравствуй, здравствуй, — ответил он, вставая из-за стола и подходя к ней. — Что по такой погоде примчалась?

— Решила вот на тебя посмотреть, как ты тут с чужими бабами шельмуешь, — шутливо ответила она на его вопрос, но дальше в таком тоне разговор вести не смогла: голос её задрожал, на глаза навернулись слезы.

Иван взял её за руки, подвёл к столу, где стояли стулья.

— Присядь и рассказывай, что за беда.

— Правильно, Вань, беда, да ещё какая.

Наталья замолчала, не зная, с чего начать, потом собралась с мыслями:

— Тебе я говорила, что Настюшка собралась замуж. Готовились — и они, и мы, а сейчас упёрлась: не хочу, говорит, за него, и всё тут. Сил у меня больше нету её уговаривать.

Иван внимательно слушал, а она ему рассказывала, что приезжали сваты и как вела себя Настюшка, что решили; рассказала о своей тревоге за неё, ведь живёт в душе боязнь, что заблудится среди ребят, собьётся с пути, а беспутная не будет нужна никому.

— Она-то что говорит? — спросил Иван.

— Не люблю, говорит, его, и всё.

— А зачем затевали сватовство?

— Сначала говорила, что не против, а вообще-то всё от сватов. Взяли да приехали. Вань, может, я виновата, что убеждала её сама: мол, кругом одна

пьянь, а он парень видный, трезвый, родители вроде порядочные.

Жалкий, растерянный вид Натальи встревожил Ивана, но чем он мог помочь близкому человеку, не знал.

— Это когда лавки смотреть?

— Через два дня, в субботу.

— Думать тут особо нечего, — стал размышлять Иван. — Как и в любом деле, здесь три варианта: идти замуж — значит, ехать смотреть лавки; не идти — значит, не ехать; или повременить со свадьбой, но все равно ехать.

— Вань, она же не хочет ехать, — в сердцах сказала Наталья.

Иван ещё помолчал, очевидно, прикидывая, что ещё можно сделать в этой ситуации, и решил:

— Ладно, приеду сегодня, попробую поговорить с ней.

* * *

Чего-либо другого Иван придумать не смог. Провожая Наталью, заметил, как она облегченно вздохнула и посветлело её лицо; наверно, он рассудил правильно, и Наталья с ним согласилась.

Перед вечером обляпанный грязью уазик, давно заменивший Воронка, по-тихому подкрался к посёлку и замер за углом Натальино сада. Иван подошёл к дому, постучал в окно, а когда хозяйка появилась на пороге, сказал, чтобы Настюшка вышла к нему. Подождал её, и потом они долго сидели в

машине, но весь их разговор останется тайной и для матери, и для Настюшкиных сестер, и для сватов, которые всю эту неделю обновляли в своей квартире обои, красили, покупали продукты для застолья и подарки для невестинной родни и молодым.

Иван уехал. Настюшка с каменным лицом появилась на пороге, и Наталья поняла, что время, проведенное в машине, напрасно не прошло.

— Дочь, — сказала Наталья, — это и мой совет тебе. Дальше видно будет, как жить, но сейчас я плохого не желаю.

И погладила её по голове, как пожалела.

Наутро они встали как обычно; весело обсуждали свои дела, потом завтракали, но к обеду Настюшка помрачнела, стала ссориться с матерью по пустякам, раза два не поладила с Алёнкой, и та отреагировала на это плачем.

— Настюш, в чём дело? Что-то опять не так? — спросила её Наталья. — Ты чего, опять за своё.

— Да, мам, опять. Чужой он для меня.

Наталья так и села на стул; не будь его — лежала бы на полу.

— Дочь, живой в могилу меня отправляешь.

— Я первая в неё лягу — услышала она в ответ.

В обеде зашел Илья; потоптался под окнами, поправляя покосившуюся скамейку, затем его молоток простучал по корыту, в котором она давала курам мешанку и которое требовало ремонта. Наталья вышла к нему, и уже через минуту деда не было возле

дома: сунул инструменты за порог, поправил на голове фуражку и потопал той же тропинкой, по которой вчера ходила Наталья.

— Сходи в правление, — попросила она его, — скажи Ивану, чтобы приехал. Он знает зачем. А мне уже неудобно — вчера была у него.

Иван не заставил долго ждать, приехал сразу, вместе с Ильёй. Как прошлый раз, стукнул в окно, предупреждая о приезде, но ждать, когда к нему выйдут, не стал, а сразу вошёл в дом и, поздоровавшись от порога, сразу спросил:

— Ну как тут у вас?

— Никак, — Наталья сердито посмотрела на Настюшку. — Ветер у неё в голове, и наши слова — как горох об стенку.

Иван присел у стола, Илья примостился рядом.

— Ведь мы вчера с тобой договорились, — Иван строго посмотрел на Настюшку. — Как же теперь понимать?

— Дядя Иван, что вы меня сватаете? — заговорила она. — Избавиться от меня хотите? Так я для дома не обуза — живу сама по себе, работаю...

— Одним днём живёшь, — перебила её мать. — Жизнь-то потянется.

— И что мне потом делать?

— Жить, как все живут. Тебя любят, достаток будет.

— А если у меня к нему ничего нет... Да, Андрей

неплохой, внимательный ко мне; да, любит... Но я-то равнодушна к нему.

— Дочь, время всё сгладит.

— Настя, ты вчера вроде согласилась со мной, — Иван внимательно следил за выражением её глаз и видел, что она колеблется в своем решении и словно ищет сейчас поддержки, но не находит. — Конечно, мать выходила по любви...

— Казалось, что любила, — поправила его Наталья. — Не любовь это была.

— Но иметь свою семью желание было, значит?

— Было, наверно, если шла.

— Вот и я говорю, что у женщины это основной инстинкт, от природы он, и в основном он влияет на выбор жизненного пути.

— У меня он ещё не заработал, я ещё не хочу создавать свою семью и иметь детей от Андрея, — не сдавалась Настюшка. — Что ухаживает — мне приятно, пусть ухаживает, но жить вместе с ним — не представляю такого.

Илья слушал доводы сторон и молчал. По просьбе Натальи он также пытался внушить Настюшке, что выходить замуж за Андрея — это лучшее на сегодняшний день, но в душе соглашался с ней: это сегодня, а что будет завтра?

— Настя, а скажи мне, — вступил он в разговор, — какой ты представляешь свою жизнь дальше?

— Какой? — переспросила она. — Такой же, как и сейчас. — Работать, отдыхать с друзьями.

— А в семейной жизни?
 — Не знаю. Полюблю — выйду замуж.
 — А если тебя никто, кроме Андрея, не полюбит?
 — Такого не бывает.
 — Бывает. Ты полюбишь, и твой любимый предложит тебе выйти за него замуж, а любви-то у него, может, и не будет, как у тебя, к примеру, сейчас. Выйдешь ты за него, а он вдруг да и поймет, что ошибся, и бросит тебя. Что будешь делать дальше?

— Жить.

— Это верно, жить дальше надо будет, но жизнь-то уже надломленной окажется.

— Взаимная любовь — это лучшее, — сказал Иван. — Но так бывает редко; всё больше — увлечение. А для девушки хорошо, когда её любят, ценят.

— Конечно, выйти замуж — не за водой сходить, — согласился Илья. — Но обычно молодые поживут-поживут вместе, и так их засасывает семейная жизнь, что трудно сказать, где у них любовь, а где увлечение; они своё предназначение выполняют перед обществом, при этом хорошо и им, и обществу. Но если где-либо не стыкуется, если кому-то плохо при этом — связи рвутся.

Хотел сказать, как получилось у Натальи, но не сказал, хотя об этом думала и сама Наталья. Она копалась в своей жизни и находила в ней многое из того, что ещё говорил Илья.

Настюшка сидела на кровати напротив, держа на коленях Алёнку; прижимая её к себе, она словно

хотела спрятаться, словно искала защиты от людей, которые всегда были добрыми, но сейчас почему-то говорили не те слова и заставляли совершить плохой поступок. А потом вдруг подумала, что ей всё же Андрей нравится, иногда она скучает, когда его долго не видит, и, выходит, они советуют всё-таки не плохое; просто ей не нравится, когда дают советы, да ещё так настойчиво.

И как бы завершая мучительно долгий разговор, Иван встал, посмотрел на часы, на Настюшку, потом ещё на часы и спросил, тихо, словно заранее сочувствуя по поводу принятого ею решения.

— И что будем делать дальше?

— Подумаю, — ответила Настюшка, улыбнувшись; но улыбка её была вымученной.

8

Иван уехал от Натальи в глубоком раздумье; выполняя просьбу любимой женщины как-то повлиять на Настюшку, он, тем не менее, приходил к выводу, что в этой ситуации все правы: мать тревожится за будущее дочери и, убеждая её дать согласие выйти замуж, делает это не от плохого; дочь сомневается в правильности этого решения, хочет самостоятельности в выборе своей судьбы. Все хотят добра, но о путях к нему судят по-разному. И неожиданно Иван пришел к мысли, что советчики со стороны в этом деле не нужны по многим причинам: самое главное, — велика ответственность, если

совет дадут плохой, следовательно, плохими будут последствия. Так он размышлял. А хозяйские дела, словно водоворот, закручивали его по спирали с раннего утра и до потёмок, и мало-помалу эта проблема близких ему людей отошла на второй план.

Шел июнь. После обильных дождей прихлынуло тепло; напившись вдоволь влаги, запенилось цветами разнотравье; по буграм, где белела кашка и краснела ягода, поплыл медовый запах, в полях зацвели краснотравье клевера. Надо было всё это добро косить, сушить и складывать в стога, как делали испокон веков их предки; но о косах теперь вспоминали все больше для другого: их доставали, чтобы убить сорняки на прилегающих территориях, а чуть позднее — скосить ботву на огородах перед уборкой картофеля. Буренкам своим луговую траву почти не косили, а ждали, когда закончатся заготовки сена в колхозе и будут выделены проценты — то ли вики, то ли многолетников, которых вполне хватало прожить безбедно зиму.

— Смотрел записи, — доложил ему повстречавшийся перед правлением Немыткин, — следующая неделя сухая будет. Месяц народился, обмыло его. Как раз давно пора на огороде порядок навести.

— Да, всё заросло, — согласился Кондрашов, а сам подумал о другом: пора сенокосная идёт давно, во всяком случае, сроки её пришли, травы перерастают, а сена ещё ни клочка. За два дня до этого, когда дожди свалились в низовье Неручи, а солнце

и ветер, как заботливые хозяева, на славу потрудились в полях, он выгнал все косилки на клевера. «Пока отладят технику — не один день пройдет, — прикидывал он. — И держать их надо на одном поле, пока не скосят; потом на другое. Пораньше уберём, глядишь, другак будет».

После обеда Иван решил проехать на поле, где работали косилки. Издали заметил: трактора не работали, сбившись на краю загонки, там же стоял узик. «Кажется, районное начальство», — подумал он. Подъехав поближе, узнал Николая Максимыча. Расставшись с колхозом, он по-прежнему был для людей своим человеком; частенько его видели в поле и на фермах среди колхозников, с которыми связывали годы работы в председательской должности; хорошо знал каждую семью, порой помогал им в решении личных вопросов, так как люди не стеснялись обращаться к нему, непременно рассчитывая на участие.

— Дай, думаю, посмотрю, как у тебя идут дела, — поздоровавшись, сказал он. — От графика все отстают, и намного. Понятно, что дожди, но наверстывать надо. Прогноз обещает сухую неделю, так что теперь всё зависит от вас самих.

Механизаторы докуривали, слушали разговор. Очевидно, об этом говорил Николай Максимыч и с ними.

— Не подведем, — откликнулся Похлебаев, — только сюда бы наркомовские и обед.

Все засмеялись, довольные условием.

— За этим дело не станет, — и Кондрашов оки-

нул взглядом поле. — Здесь сто пять гектаров. Три косилки по семь гектаров за световой день, вот и считайте, сколько дней вам отведено. Почем что — завтра утром скажу, но чтобы на поле чисто было.

Довольные разговором, механизаторы сели в кабины, трактора рыкнули — только чёрные дымки в небо, а они присели на рубежке.

— И правильно, — сказал Николай Максимыч. — Пусть знают зарплату. И не скупись, а то больше потеряешь; запоздаешь с сеном — все силы уборка зерновых заберёт, а дальше сев, пахота, словом, захлебнёшься от работы. Да и время-то какое.

— Время поганое, — кивнул головой Кондрашов. — Все советское, наработанное десятилетиями, сметают с лица земли. Колхоза «Россия» теперь не будет; читал постановление? За слово «Россия» в названии теперь надо будет платить большие деньги, а их и так не хватает на зарплату. Как же — рынок. Он диктует цены. А почем сегодня нам предлагают бензин, солярку и почем покупают зерно, молоко — без штанов останешься. Как жить? И все молчат. Раньше хоть партия вслух о проблемах наших говорила, государство поддерживало.

— Иван Дмитрич, ты же умный человек; какая партия, если все партийцы, как крысы с корабля во время пожара. Ты вот беспартийный, а я недавно на внеочередной партийной конференции был, и выступал, точнее, на двух; всё решали, как жить партии дальше. Я на первой выступил, так меня представи-

тель обкома смешал с грязью: мол, что это за коммунист, если он идёт вразрез с установками партии. Я взял слово на второй, они шли одна за другой через неделю; не мог утерпеть, но жаль, что не было того представителя.

— Я таких чиновников от партии встречал в своей жизни, — сказал Кондрашов, — потому и беспартийным остался.

— Сегодня ситуация очень сложная. Влияние компартии ослабло. Из-за чего получилось: чтобы как-то привлечь в свои структуры умных, энергичных людей, хороших организаторов, они повысили работникам райкомов, обкомов, парткомов оклады. Люди в грязи, в навозе, а получают меньше этих чистоплюев. Вот и говорю, не утерпел, на второй конференции всё и высказал с трибуны.

— Я краем уха слышал.

— Ты понимаешь, пошли на партию нападки, а защитить её некому. По планам жили: столько-то принять рабочих, столько-то колхозников, да самых лучших работников, передовиков, чтобы партия могла гордиться. Да, они лучшие в работе, но в политической борьбе на них нельзя рассчитывать — не смелые, не способные дать отпор оппонентам. Хорошо работать — это требование для каждого, а трезво оценить обстановку в партии, в стране в целом и сказать об этом вслух некому.

— А ещё не дают сказать, — добавил Кондрашов.

— Да, всё смотрим наверх, ждём команды — нас

к этому приучили. Как же на меня они смотрели, когда я предложил сократить аппарат райкома и оставить в штате пять-семь должностей: инструкторы, заведующие отделами, кабинетами — все на общественных началах! Надо быть патриотами, тем более в работе с людьми. Вся страна переходит на хозрасчет, а в партии штаты разбухали, зарплата — во! — и Николай Максимыч поднял над головой руки. — Тем самым они оторвались от первичных организаций, от простого народа.

— А кого набрали инструкторами, секретарями парткомов — молодых ребят после армии, — перебил его Кондрашов. — Приехал ко мне такой и давай учить, что и как делать в колхозе. Я почти на двадцать лет старше его, у меня опыт, а он нигде ещё толком не работал и с людьми разговаривать не умеет. Но зато после пленумов, дней секретаря, что проводил райком, обязательно на нашем пруду; все молодые, весёлые, бреденьком туда-сюда, а то, глядишь, подерутся. У народа на виду, как на ладони.

— Знаешь, как это называется? — спросил Николай Максимыч и сам же сразу ответил на свой вопрос. — Политической близорукостью. Нам бы, например, на наш маленький район и одного секретаря райкома хватило. Зачем нам три? А как бы хорошо звучало: общественный инструктор райкома партии! А на базе райкома создать бы партклуб; в его больших комнатах на сэкономленные на зарплате средства обеспечить удобства для общения — ви-

део, шахматы, бильярд. Пришел этот общественник туда в свободное время и работает с документами, играет, слушает лекции, участвует в дискуссиях, и, думаю, ничего плохого не будет, если даже бутылочку пива выпьет.

Николай Максимыч был взволнован: говорил быстро, жестикулировал руками, словно художник — мазок за мазком — рисовал кистью картину на широком полотне ясного июньского дня.

— Говоришь правильно, а что по жизни получает, — внимательно выслушав его, сказал Кондрашов.

— В том-то и дело, что ничего хорошего; КПСС уже нет, так как деятельность её запрещена. Президент по пьянке пугнул, и все разбежались. Есть Российская Федерация, и надо в районе создавать партийную организацию КПРФ; работа большая, и как это будет выглядеть, пока никто не знает, но в столице она уже проводится.

Николай Максимыч замолчал, долгим взглядом посмотрел на Ивана и неожиданно спросил:

— А ты не хочешь вступить в партию?

Ивана его вопрос не застал врасплох; разговор шёл о партии, и, слушая Николая Максимыча, он вспоминал, как в своё время проходил эту процедуру, от которой до сих пор на душе оставался неприятный осадок.

— Не хочу, — ответил он. — По молодости хотел, я даже не представлял себя вне партии, а теперь уже ни к чему. У меня и без партийного билета хватает

смелости высказывать своё мнение по любому вопросу, да и своими принципами никогда не позволю поступиться.

— Вот такие бойцы и нужны сегодня партии.

Николай Максимыч встал, стряхнул прилипшие к брюкам травинки; поднялся и Кондрашов.

— Ну что, я поехал, — подавая руку, попрощался Николай Максимыч. — А ты не пропадай, заходи ко мне почаще. Я всё-таки начальник управления сельского хозяйства и чем-то могу помочь. Ты видишь: в стране инфляция, цены скачут, и на этом фоне есть уже банкроты, так как государство в помощи отказывает и называет весь процесс свободным плаванием в рынке. Знаешь, страшно становится, когда видишь эту разруху и понимаешь, что порой бессилён бороться с ней.

Он сел за руль, хлопнул дверцей — и запыхлённый уазик тёмно-зелёным пятном поплыл по просёлку среди запахов прихлынувшего сенокоса.

9

Этому посёлку всегда не везло, его словно преследовал злой рок: начисто стёрла посёлок с лица земли война, так как выпала ему доля стоять на передовой фашистской обороны; на полгода замерла здесь линия фронта, и всё это время — с февраля по июль — огонь с жадностью пожирал крытые соломой хатёнки. Часть их сгорела у жителей на глазах, как горели остальные, уже не видели: в марте всех погрузи-

ли в вагоны и вывезли в Белоруссию, а когда фашистов прогнали, то вернулись уже к пепелищам.

Мужики воевали, а жизнь надо было налаживать; и бабы помаленьку строились сами. Но не все мужики вернулись к своим хозяйкам, многие остались лежать на всём пространстве от дома и дальше, куда погожими днями спешит молчаливое солнце. Время дотрепывало посёлок и после войны, и за все эти десятилетия так и не нашлось для него хорошего заступника. Полтора десятка оставшихся домов, что спрятались в садах и вдобавок отгородились от внешнего мира вихрастыми ракетами, видели на своём веку много всякого: их хозяева рожали и крестили детей, играли свадьбы и умирали; не подсчитать, сколько было пролито вдовьих слез на этих берегах безымянного ручья: когда-то здесь стояли шестьдесят пять домов, и более чем в половине из них слышали рыдания — не по мужу, так по сыну или дочери. Ах, этот злой рок! Он не оставил в покое и детей не пришедших с войны, и тех, кто родился уже позднее: они сгорали в огне во время пожаров, замерзали в сугробах, тонули в пруду, спивались от безрадостной жизни. Многие, спеша избежать плохой участи, срывались с обжитого места и начинали метаться по стране в поисках лучшей доли, но злой рок настигал их и там.

В полтора десятка входил и дом Антоновых. Добротным назвать его было нельзя: из шлакоблочного кирпича, небольшой; кухня со спальней да зал вполне

удовлетворяли в своё время родителей Натальи, а потом и её, когда она после их смерти возвратилась сюда. Что Наталья ушла от мужа, соседи её не осуждали, они хорошо знали и помнили Николая — дерзкого и хулиганистого сына Ольги Савельевой, от которого всегда были одни проблемы. В своём колхозе он закрепиться не сумел; выпивками и дебоширством нажил плохую славу, а потому решил уехать подальше, чтобы начать новую жизнь, с чистого листа, и уговорил на это Наталью. После их отъезда соседи иногда спрашивали Ольгу, его мать, мол, как там живет её Николай, на что она всегда отвечала: «О, Колька мой молодец! Не пьёт, работает» — тем самым лукавила и перед собой, и перед людьми. Колька её также пил, работал кое-как, а потом вообще спился и загиб. Плакать по нему уже некому было: мать к тому времени умерла, а Наталья свои слёзы выплакала давно, так что для неё он был чужим.

Но это всё касалось мужа. Теперь же происходили события, о которых, как она считала, лучше бы никому не знать. Вот родила дочку, и всем надо знать, где её отец. Она с Иваном тайну сумели сохранить, Илья тоже, а больше никому ничего не надо знать. Чтобы замазать людям глаза, особенно самым надоедливым, говорила, что нашла ухажёра, когда лежала в больнице: думала, что сойдутся и будут жить вместе, но он её обманул. А со временем все разговоры поутихли, стали считать, словно так должно и быть, и только одна Хомутиха жила беспокойно.

— Нет, лопни мой последний глаз, председатель наш попялся к Наталье, — твердила она в своих разговорах. — А иначе зачем бы он в такую метель, как Дед Мороз, таскался с нею. Вот и слепили Снегурочку.

Одни смеялись над Хомутихой, другие по-тихому думали, что такое возможно, третьи вообще ничего не брали в голову, считая подобные сплетни делом несерьёзным. Приезд Настюшки к матери, состоявшееся сватовство и связанные с ним дальнейшие события были настолько стремительны, что за ними никто из деревенских не уследил. В субботу рано утром, как и договаривались, Андрей подрулил к дому своей будущей тётки, усадил её, Настюшку и Алёнку в машину, и уже через час они сидели в роскошной городской квартире сватов, где предстояло жить молодым. Настюшка вела себя в рамках приличия, хотя прежней весёлости у неё уже не было; пугала неизвестность, а непонятный холодок в груди заставлял думать, что её поступок не есть окончательное решение. Да, она согласна, и поток событий неудержимо несёт и несёт её в неизвестность; ей страшно, но сил бороться нет. Нет и прежнего веселья; и за всё время застолья, пока многочисленная родня жениха выпивала и закусывала, а сваты вели переговоры о том, где играть свадьбу, сколько приглашать гостей, где будут расписываться молодые, её обычно заразительный смех не потревожил торжественность просторных комнат; так бывает в жизни,

когда человек собирается сделать какой-то важный шаг, но неожиданно задумывается, чувствуя личную ответственность перед людьми за совершаемое. Наталья пристально следила за Настюшкой; она радовалась, что дочь спокойна и не дает повода плохо думать о себе, и в то же время пугалась — ведь такой её видела редко.

У сватов они долго не задержались: порешав все вопросы, поучаствовав в общем веселье, каким обычно оно бывает в застольях подобного рода, Наталья засобиралась домой. Полина Григорьевна отнеслась с пониманием: всё, что надо, оговорено — свадьба через месяц, тянуть не стоит; сыграют её не в городе — проще будет в колхозной столовой, да и распишутся в сельском Совете. И Андрей, не бравший в рот спиртного, к вечеру отвёз их обратно.

Последние события, произошедшие в Натальиной семье, для Хомутихи также не прошли незамеченными; воистину великим человеком была она в своём деле — уже через неделю с видом знатока рассказывала на посиделках новости из Натальиной семейной жизни:

— Иду в магазин, слышу — машина догоняет; я в сторону, а она как раз напротив меня и тормозит. Стеклошко пассажир опустил и спрашивает, так вежливо: «Девушка, как проехать к Савельевым?» — «Это к каким?» — спрашиваю.

— Девушку нашли, — ухмыльнулся Гаврил. — Эта девушка скорее на Бабу Ягу похожа.

— Сиди, Иуда! — налетела на него Хомутиха. — На себя бы посмотрел сначала, потом говорил. Приснишься кому — три дня спать не будет!

— Смотри кому, — всё с той же миной на лице ответил Гаврил. — А вот тебе только в мультфильме играть роль Бабы Яги, точно... и волка ещё.

— Заткнись! — сердито рявкнула на строптивного мужа Хомутиха. — Не мешай, говорю!

Она отвернулась от него и продолжила свой рассказ: «Это к каким Савельевым? — спрашиваю. — У нас их много». А он такой принаряженный, усики тоненькие, а вот тут — как у овечки».

И с этими словами провела указательными пальцами по вискам и ниже.

— Бакенбарды это, дура, — поправил её Гаврил.

— Сиди, говорю! — огрызнулась Хомутиха, но с рассказа не сбилась. — «Да, — говорит, — к тем, у которых дочь недавно просватали». Я так и опешила, а сама думаю: по нашей деревне у Савельевых никого не сватал, да и некого; стало быть, на поселке, у Натальи, точно — у Натальи. У меня сердце мячиком запрыгало: ага, думаю, хорош женишок, а сама спрашиваю: «Что же ты такой плохой жених: сватал, а дорогу к невесте уже забыл?» — «А я не жених?» — говорит. «Родня?» — спрашиваю. «Нет, — говорит, — друг». Все понятно, думаю, и указала дорогу на посёлок, к Наталье. А то ещё раньше, смотрю, бежит Наталья в правление, потом в магазин и продуктов набрала; ага, думаю,

что-то много набираешь, не поесть вам столько со Снегурочкой, значит, что-то будет.

Где только не затевала Хомутиха такие разговоры, какие только доводы не приводила в подтверждение своих предположений, порой ошибочных, но её циклопий глаз не лопался, а, как посмеивались бабы, даже становился зорче. Но однажды он подвёл крепко. Сидела сплетница возле магазина, судачила всё по этому же поводу и не заметила, как сзади подошла Маруська.

— Да, бабы, — поглаживая лежавшую на коленях сумку с двумя только что купленными бутылками вина, бубнила Хомутиха, — вчера опять тот самый, что другом назвался, приезжал. Я машину узнала — жёлтая такая. Лопни мой последний глаз, председателю нашему скоро на свадьбе гулять. Девка у Натальи точно его, родня, значит. Повариха говорила, что председатель приказал навести в столовой порядок, мол, свадьбу там будут справлять. Кто — не сказал, но, бабы, точно: председатель родную кровь чует.

— А ты что, в ногах у них стояла? — не дослушав, что ещё нагородит, перебила её Маруська.

Хомутиха испуганно замолчала, оглянулась, потом вскочила с порожков; сумка с коленей на бетон, зазвенело разбитое стекло, из сумки потекла красная жидкость.

— А я ничего, люди говорят.

— Ты это видела? — сдернув брови, переспросила Маруська. — Я тебе говорю.

Хомутиха топталась на месте, что-то ещё хотела сказать в своё оправдание, но Маруська не стала дожидаться.

— Погань, — приблизившись к ней, зло сказала она, и жирный плевок залепил циклопий глаз. — Ты моего мужика не трогай. Не позорь, на то он и председатель, что во всех делах должен быть первым, и с бабами тоже. Работа у него такая.

Никто из сидящих здесь подружек Хомутихи не засмеялся, даже ни единого слова не услышала Маруська; она не стала выяснять отношения дальше, а повернулась и ушла в магазин. Что и говорить, какой бабе не обидно станет, когда на её мужика такую напраслину возводят. Небось, скажи какая за её Гаврила, как он к своей залётке бегаёт, — глаза выцарапает сразу, сперва, конечно, ей, потом ему.

Маруська купила хлеба, немного сыра и, расплатившись, направилась к выходу; Хомутиху и её подружек как корова языком слизнула.

Но настроение уже было испорчено. «Вот поганка, — думала Маруська, — всё неймётся ей, пачкает людей, и надо же — сходит с рук». Потом подумала о том, что в каждой брехне есть доля правды, что Иван, возможно, и протоптал дорожку к Наталье; а кто знает, где он пропадает целыми днями и до полночи. Раньше к дому прибывался пораньше, особо не пылился, только лекарствами, бывало, несло от него, а сейчас приезжает весь в пыли и, как квартирант, — по хозяйству ни в чем не помогает,

некогда, говорит. Надел хомут на шею и тянет. То был сам себе хозяин, а теперь не поймешь, ради чего каждый день куда-то спешит, кто его торопит.

День был погожий. Маруся медленно шла по улице; думки ворохались в её голове также медленно, словно нехотя, и были они разного цвета: одни — с налётом грусти, другие — посветлее, это когда вспомнила о детях, которые умчались подальше от дома, живут самостоятельной жизнью, а к родителям уже редко-редко. Младший, Сергей, закончил железнодорожный техникум, побыл в армии и теперь работает. Серьёзный парень: собирается поступать в институт, о женитьбе не помышляет; и все, что он делает, что думает о своей жизни, Маруся кажется неестественным, словно так серьёзно в его возрасте не рассуждают; и, конечно, она понимала, почему так ей кажется: она всё ещё считала его ребёнком, по-матерински жалела — ведь в семье он был самым младшим.

О дочерях думала по-другому, потому что их жизнь зависела от других людей, с которыми их связало замужество. Получилось это у них быстро и как-то весело; учились в Орле, домой в редкую стезжку — если денег да за продуктами, по выходным, конечно. Начнёт спрашивать, что да как, — засмеются, отшутятся, мол, живут нормально, свободное время проводят с друзьями в одной компании. А однажды приезжает старшая, Ирина, и заявляет, что выходит замуж. Что в таком случае делать матери — иди.

А через полгода другая, Ольга, запросилась; подошли к ней, держат друг за друга за руки и лукавенько так говорят: «Мам, ничего, если мы поженимся?». Она ещё от первой свадьбы не отошла, и слова не у кого спросить, что в таких случаях делают, — не было ещё в деревне, чтобы в одном доме с такой скоростью свадьбы играли. Только и спросила: «Давно дружите?» — «С Иринкиной свадьбы», — отвечают. Полгода, значит. И сказала, что ничего: разгонять-то их не было смысла — выбрали друг друга. И эту свадьбу сыграли; Иван как хороший хозяин денег насобирав на сберкнижке, ещё порезали поросят, так что и Ольгу отдали замуж достойно. Да и работа позволяла Маруся заниматься всеми свадебными проблемами — работала в школе техслужашей и всегда могла выкроить час-другой свободного времени, а на свадьбу её вообще отпустили на несколько дней.

Но всё это было уже позади, вспоминалось с той самой грустью, какая обычно лёгким облачком неспешно плывёт навстречу и, не в силах что-либо изменить в природе и в душе человека, также медленно уходит дальше, растворяясь в синей чистоте дня.

«Наверно протоптал, если молотят в открытую, — думала она, подходя к дому. — Хотя по его поведению нельзя сказать, что это так». И когда взяла тяпку и в огороде наводила порядок на грядках, эта злодейская мысль сидела в ней, как заноза. Наталья не могла отделаться от неё, приводила разные доводы, вспоминала все разговоры с Иваном на эту

тему и всё искала, искала какую-либо зацепку, что подтвердило, хотя бы чуть-чуть, правдивость Хомутихиных слов. Нет, Иван в её глазах оставался верным, она не находила ничего такого, что могло бы принести душевные страдания: в отношении к ней был добр и внимателен, в горячую пору в домашних делах стал плохим помощником, но это не значит, что нет заботы о доме, — то уголь привезет, то петуху поклевать, а это большое дело. Он и со всеми людьми такой же, никому ни в чем не отказывает: кому машину — бери, сена, соломы — не проблема, в посылке нужда — ещё поможет погрузить, а потому в каждом доме был желанным человеком.

Вечером за ужином разговор на эту тему возник сам собой, когда Марусяка управилась с делами и хлопотала на кухне.

— Вот она, бабья доля, — каждый день у плиты, — рассуждала она вслух, пока Иван переодевался в домашнее, — и с утра до вечера: себе приготовить, пороссятам сварить и три раза отнеси, курам насыпь, собакам дай, гуси кагакают — есть просят; с коровой, конечно, летом легче, но все равно вовремя встань, в стадо сгони; а огород к себе зовет, и получается как на каторге, потому что ещё работа есть и её не бросишь — пенсию-то зарабатывать надо.

Говоря такие слова, Марусяка всё-таки кривила душой: эта домашняя работа не была для неё в тягость; она со всеми делами справлялась легко, но теперь не хватало его рядом, потому что за многие годы привык-

ла видеть мужа в определенные дневные часы возле дома и неизменно что-то делающего. Рано вставая и уезжая на ферму, муж, тем не менее, мог возвратиться к позднему завтраку и часа два-три быть дома, до той поры, когда начинается обеденная дойка; после обеда свободного времени у него было больше, если, конечно, не надо было ехать на какой-либо вызов или проводить со скотом запланированную работу.

— А тебе стало проще, — подытожила Марусяка, — натянул галстук — и на целый день. А где ты, с кем ты обедаешь...

Она смолкла, как бы обдумывая, говорить ей дальше или закончить этот неприятный разговор, но после небольшой паузы продолжила:

— Иду, а эта балаболка всем рассказывает, где ты бываешь.

У Ивана сердце ёкнуло, как уже ёкало однажды, когда они вот так же сели ужинать и Марусяка, краем уха уловив что-то о тайных связях мужа, сразу сказала ему об этом.

— Это кто, говоришь?

— Хомутиха, говорю.

— Где я бываю?

— Тебе лучше знать — где: у Натальи.

— Совьют верёвку любому, — стараясь быть равнодушным к услышанному, сказал Иван.

— Зря не скажут.

— Скажут, — протяжно возразил он. — И такое наговорят, что диву даваться будешь.

— Откуда тогда этот разговор?
 — Откуда? — переспросил Иван. — Рожать-то возил? Возил. Приходила — то зерна выписать, то мяса. А недавно приходила и денег в счет зарплаты просила.

— А какая у неё зарплата, если не работает?
 — Я ей об этом и сказал.

Ивану стало легче, напряжение спало.

— И что?

— Собирается выходить на работу и, говорит, сразу рассчитается. А как не дать — свадьба у нее, говорит, старшую просватали. А ты знаешь, как их справляют.

Маруся это знала хорошо, а потому не стала расспрашивать мужа о Натальиных проблемах; в свадебных делах у всех они одинаковые, к тому же Маруся чисто по-бабьи жалела Наталью, понимая, как трудно с детьми одной.

10

Вторую неделю над поселком синь, на небе ни облачка. По утрам свежо и прозрачно, от росного луга аромат разнотравья — запахи меда источает всё, что каким-то цветком смотрит в эту синеву. Пойдет Настюшка к колодцу за водой — в глазах пестрит, от запахов голова кругом; солнце теплой бархатной ручкой гладит по открытым плечам. В колодце вода близко; смотрит Настюшка в колодец — и там синё и прохладно, и не вода это вовсе, а небо,

такое же чистое, подсвеченное синевой. Ведро плох — и зачерпнула синевы, через край плескается; и несет его осторожно — расплескать-то жалко.

Но солнце свою работу знает: по раkitам карабкается всё выше и выше, чтобы видеть всех и чтобы его видели, ведь без солнца жизни на земле не будет. Утром с одной стороны оглядит землю, а к закату со всех четырех полюбуется по-хозяйски, заодно где подсушит, где подкрасит, согреет. И рады под ним живущие — тянутся к нему, встречают и провожают, славят делами добрыми.

Наталья с утра в огороде; после дождей пришло тепло, сорняки полезли в рост, и никак с ними не справится. Настюшка помогала, а всё равно лезут и лезут. «И будут лезть, — сказал вчера Илья. — Агрономы у нас плохие — севооборот не соблюдаем. До войны такого не было, потому что два года подряд на одном поле одну и ту же культуру не размещали. А у нас картошка с войны на одном и том же месте, значит, один и тот же сорняк прет и болезней накопилось тьма!

Вот и снова вышла пораньше; по прохладе веселее тяпкой махать — земля мягче после ночной прохлады и росы. Настюшку брать с собой не стала — в отпуске, пусть отдохнет, выспится. Да и вообще заметила она, что такая работа на свежем воздухе и в одиночестве ей в удовольствие: думается обо всем спокойнее, дышится легко. А о чём сейчас Наталье думать, как не о Настюшкиной свадьбе, — осталось-то до неё всего ничего, и вроде бы все главные

вопросы решены. С Иваном договорилась, что застолье будет в колхозной столовой: на кухне есть всё необходимое, само по себе помещение просторное, так что будет где разместиться, да и деньги за него не платить. Сельсовет рядом, и день уже назначен.

Шмыг да шмыг Наталья тяпкой; думки все об этом, а время идёт да идёт. Посуше стала земля, потому что солнце из-за ракич вылупилось во все глаза на бабу с тяпкой уже около часа назад и не стало спрашивать у неё, что делать, а ещё выше залезло; потянул легкий ветерок, и он ли принес, или без его помощи, — донёсся от недалёкой станции гудок поезда; показалось, что где-то рядом, очевидно, за садом, проехала машина. Хотела пойти посмотреть, что делают её девки, но раздумала: а что они делают — спят или проснулись и лежат забавляются. Наталья улыбнулась, представив, как Настюшка играет с Алёнкой, — смешно смотреть, и зовёт её не Алёнкой, а Снегурочкой. Только через час после этого она положила тяпку на борозду и пошла к дому. На полпути бросила взгляд на калитку: приоткрыта, а чуть в стороне, за сиренью, — легковушка. «Кто бы это? — подумала. — Но не Андрей. У него «Жигулёнок» синего цвета, а это жёлтый. И вроде разговаривает кто-то».

Подошла — Настюшка и незнакомый парень.

— Здравствуйте, — поздоровался он.

— Мам, это Павлик, — торопливо добавила Настюшка. — Я рассказывала тебе о нём.

— Здравствуйте, — ответила Наталья и, не зная, что ещё сказать, повернулась и пошла к дому.

Алёнка по всему проснулась давно; она сидела на кровати и внимательно рассматривала куклу, подаренную сватами. Увидела мать — отложила куклу в сторону, быстренько спрыгнула на пол и помчалась навстречу, издавая губами какие-то булькающие и только для неё понятные звуки: очевидно, они выражали восторг. Мгновение — и она уже на руках у матери; ещё мгновение — и вот уже она под потолком; вверх — вниз, вверх — вниз... Потом она прижала Алёнку к себе, шутливо куснула её за ухо.

Но неожиданно прилив радости закончился, веселье улетучилось, и так стремительно, что и Алёнка вдруг перестала смеяться и с удивлением посмотрела на мать: мол, что это с ней? Такими и представили они перед Настюшкой и Павликом, когда Наталья с Алёнкой на руках снова вышла за калитку.

— Это который Павлик? — спросила она, как бы настраиваясь на продолжение разговора, всего лишь минуту назад начатого дочерью. И при этом пристально посмотрела на парня, стараясь разглядеть в нём то привлекательное, что приводит в трепет Настюшку; во всяком случае, так она призналась сама. Но ничего особенного в нём не увидела: такой же черноволосый, как дочь, ростом чуть повыше Андрея...

— Мам, ну я же тебе рассказывала о нём, — быстро ответила Настюшка. — Это Павлик; мы всегда вместе отдыхаем. Он шофёр, возит начальника мехколонны.

— И что, специально к тебе из города приехал?
— Начальник в райцентре на собрании, а я решил повидаться, — вступил в разговор Павлик.

— Как я знаю, ты уже не первый раз сюда приезжаешь, и тебе известно, что ты опоздал, милый человек.

Увидела на их лицах удивление; конечно, они удивились, откуда Наталье известно, что Павлик сюда уже приезжал. Наталья повторила, но уже более твёрдо:

— Да, мил человек, сам знаешь, что опоздал. Да это и вся деревня знает, — и, уже обращаясь к дочери, добавила. — Пригласила на свадьбу?

Все стояли и молчали. Лишь только Алёнка что-то мурлыкала себе под нос и дёргала ногами, тем самым показывая, что не хочет быть на руках.

Но вдруг Настюшка подняла опущенную голову, посмотрела на Павлика, потом на мать:

— Не, мам, не опоздал, — голос её тоже стал твёрдым, взгляд прямой. — Нет ещё.

— Ты это о чём?

— Да я просто, — хохотнула Настюшка, — ни о чём.

У Натальи в груди холодок, и по спине пробежал.

— Тогда домой, нечего попусту молоть, — рассердилась Наталья и, перебросив Алёнку на другую руку, снова к дому.

А на сердце легла тревога от слов, сказанных дочерью. Что она задумала? Что значит её «ещё не поздно?» Это и стало предметом их разговора, когда дочь проводила друга.

— Пока это ничего не значит, — дернув плечами, объяснила Настюшка. — Ему друзья сказали, что я в отпуске и уехала в деревню, что меня уже просватали, вот он и примчался на меня посмотреть.

— Он уже не первый раз сюда дорогу топчет, — уточнила Наталья.

— Да, не первый. Но он мне нравится больше всех других. Наверно, я его всё-таки люблю. А Андрея... нет, конечно. Мам, скажи, как жить с нелюбимым?

— Опять за своё, — занегодовала Наталья. — Ничего больше не скажу, но знай, что через неделю свадьба.

— Знаю, — услышала в ответ.

— Тогда больше нечего говорить. Я пошла на огород, готовь завтрак.

* * *

До осени ещё далеко; ещё лету благоухать и радовать теплом и всякой вкуснятиной, зреющей в садах и огородах, а дни, как осенние листья, стремительно летят в прошлое — не остановить их, даже не замедлить бег, а, наоборот, становясь короче, они ещё стремительней скрываются в той стороне, куда спешит уйти малиновое солнце. Наталья в этих днях вся в заботах и тревоге; но, чувствуя неладное сердцем, так и не заметила она, как ещё дважды подкрадывался к саду жёлтый «жигулёнок» и Настюшка под каким-то предлогом отлучалась из дома; о них шептались в саду деревья, на них лупились во все

глаза ромашки — за бугром, куда стремительно увозил свою подружку Павлик, но она так и не заметила этого, не сумела выследить заговорщиков вовремя. О чём они говорили там, знали только те самые лупастые ромашки да жёлтый донник, который дышал им в лицо медовым настоем; а ещё неслышно подкрадывался ветер-прелюбодей и нащёптывал, нащёптывал им самые красивые слова о любви и верности.

А подошла суббота, тот самый день, когда Настюшке предстояло надеть белое свадебное платье и на руке должно было засверкать золотое обручальное кольцо — его она с Андреем примеряла сразу после сватовства.

Перед обедом, пропылив по просёлку и нещадно сигналив, к Натальиному дому подкатила кавалькада машин — все в разноцветных лентах. Жених с дружкой впереди; смех, девичий визг, шутки — давно не видело это захоlustье такого веселья. Помпезности сватов только завидовать: лица светятся в довольстве от важности подступившего события; у Полины Григорьевны пышная причёска, Иван Иванович блистал пёстрым галстуком, как попугай перьями, и ещё в их облике было много чего такого, что заставляло обращать на них внимание.

Подружки к Настюшке; Лариса, наобнимавшись с Алёнкой, достала из шифоньера свадебное платье:

— Настюшка, пора надевать, через час в сельсовете ждут на роспись.

А невеста в какой-то задумчивости; говорит всё

правильно, делает тоже всё правильно: вот и платье белое уже на ней, складочки-сборочки расправляет, в зеркало смотрится, где что ещё поправить; Лариса с подружками сзади оглядывают.

Вдруг открылась дверь, и кто-то позвал Ларису. Она ушла, через минуту возвратилась и что-то пошептала невесте на ухо. Не надо было пристального взгляда, чтобы заметить, как расцвело пунцовым цветом её лицо.

— Так, всё хорошо, — хохотнула Настюшка.

Ах, этот хохоток! Наталья уловила его среди всего шума и гама, и снова тот самый холодок обжёт в груди: снова что-то не так. Но виду не подаёт, со сватами всё о том, как да что будет. Краем глаза заметила, что Настюшка пошла к выходу и скрылась за дверью.

В суете, когда все думали об одном: что вот ещё немного — и вместе с невестой они отправятся в сельсовет, где официально брак будет зарегистрирован, особого внимания не обратили на то, как невеста вышла за калитку, где также толпилась молодежь, как подошла к одному из парней и о чём-то быстро переговорила с ним. Кому какое дело, с кем и о чём захочет поговорить в этот торжественный день невеста? А она тем же следом назад, в дом. Подружки начинают примеривать на неё фату, а она о своём думает, оглядывается по сторонам. Потом вдруг подходит к матери и тихо так на ухо шепчет:

— Мам, я замуж за Андрея не пойду. Приехал

Павлик и говорит, чтобы я за него замуж выходила.

Наталья обмерла, не зная, что ей сказать, что делать дальше. А дочь — как ни в чём не бывало, опять к зеркалу; и снова тот самый хохоток. Наталья вышла на улицу: все весёлые, все шутят, смеются, а у неё на сердце камень. Видит: Илья стоит с Петровичем. Подошла, отвела Илью в сторону; у самой лицо белое, руки трясутся.

— Дед, та самая беда и случилась: говорит, не пойду расписываться с Андреем.

У Ильи брови к переносице — большие и рыжие, как колосья; вывод сделал сразу:

— И не заставишь силком.

— Я тоже так думаю. Прошу тебя: сядь на машину, найди Ивана — пусть поговорит в сельсовете, может, распишут с другим. Приехал, за бугром дожидается.

Быстро нашли водителя одной из машин, сказали ему, что надо срочно доскочить до сельсовета, и дед умчался. Приехал назад через полчаса, и можно себе представить, какими они были трудными для Натальи.

— Нет, — сказал Илья. — Ивану сказали, что нельзя. Надо новое заявление и новый срок.

— Что же делать? — чуть не плача, спросила она.

Илья молча пожевал губами, посмотрел на молодёжь, суетящуюся у дома, на нарядные машины:

— Что делать? Свадьбу играть. Столы-то уже накрыты.

— Со стыда сквозь землю провалишься. Как сватам-то говорить?

— Как-нибудь надо.

— Дед Илья, скажи. Я не смогу, — и заплакала.

Илья ещё с минуту постоял в раздумье, чуть ли не выругавшись сгоряча, и потопал к калитке. Свагов нашёл в доме. Они уже знали его, а потому поздоровались как со своим. Илья осторожно взял Полину Григорьевну под руку, отвёл её к окну и, подыскивая нужные слова, произнёс:

— Свах... это, значит, такое дело: свадьбы не будет — невеста с отказом.

И замолчал. Полина Григорьевна оторопело смотрела на него, не в силах переварить, что услышала. Наконец до неё дошло. Круто развернулась и — к двери. На ходу дернула за рукав мужа:

— Пошли.

— Куда? — не понял тот.

— Пошли! — уже от порога зашипела на него Полина Григорьевна.

Когда её каблуки застучали по коридору, Наталья стояла в кладовке; как она потом рассказывала, спряталась от стыда подальше и плакала. Какие они были, её слёзы, и сама не могла сказать: горькие ли — от того, что плохо вышло по отношению к жениху и его родне; слезы ли счастья — что у Настюшки всё-таки получилось по любви.

Каблуки стук да стук рядом.

— Я с самого начала своей задницей чувствовала, что будет неладно, — услышала она голос свахи. — Сколько денег угробили.

Шаги стихли, и она вышла из своего укрытия. Родня жениха усаживалась в машины; с невестой остались подружки.

Вошел Андрей; Настюшка увела его в спальню, где они о чём-то недолго поговорили, а затем жених стремительно вышел оттуда, хлопнул входной дверью, и, ещё сильнее пыля, но уже не сигналив, кавалькада машин умчалась туда, откуда приехала.

Через несколько минут к калитке подкатил тот самый желтый «жигулёнок» — это был Павлик с друзьями. Настюшка встретила его на пороге в белом платье, в фате. Так и предстали они перед Натальей — рука в руке, взволнованные, но счастливые.

Как сложится у них жизнь дальше, никто из присутствующих сказать не мог; одно лишь было ясно: они нашли друг друга, а сделать это было невероятно трудно; они смогли избежать ошибки, которую в своё время совершила Наталья.

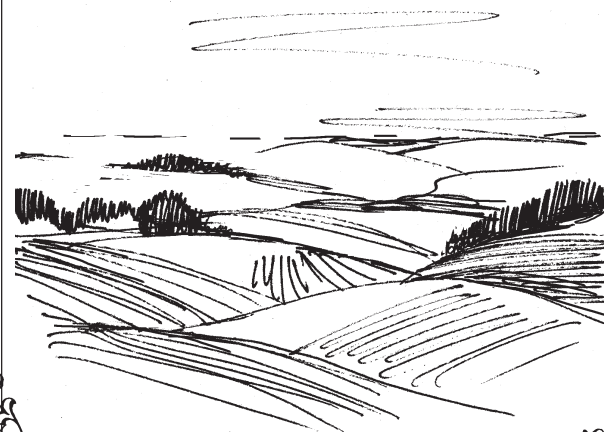
Остается добавить, что свадьбу они сыграли в тот же день, ведь в колхозной столовой столы уже ждали гостей; была лишь маленькая поправка: свадебные торжества начались на несколько часов позднее, зато они стали самыми счастливыми и для Натальи, и для молодых, которые начинали новую жизнь. Но это будет уже другая жизнь, другая история любви.

Конец второй части.

8 марта 2007 г.,
д. Васильевка.

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

ОЧЕРКИ

СЫНКИ И ПАСЫНКИ

Уже не первую неделю стояли крутые морозы, по ночам было даже за тридцать, и люди, кажется, привыкшие к сиротским зимам, похожим на прибалтийские, в любом разговоре перво-наперво справлялись о погоде: что, мол, обещает Москва, потеплеет ли?

Удивительное дело: если кто-то говорил, что центральное радио выдало такой-то прогноз, люди, радуясь или печальясь, верили, так как жизнь свою они всегда сверяли по Москве: она была компасом во всех планах и делах человеческих в прошлом и осталась им же в настоящем.

Так думалось мне всегда. Но в последнее время всё чаще и чаще ловил себя на мысли, что люди сельской глубинки — простой рабочий люд или же интеллигентный, врачи, учителя, — начинают смотреть на столицу нашу с каким-то недоверием, словно Москва златоглавая для них не мать родная, а мачеха, что есть у неё сынки, а есть и пасынки, в число которых и входят они. А как ещё понимать, если у врачей, учителей низкие зарплаты, если много

денег требуется на тот самый прожиточный минимум. Не скажет иначе и ни один селянин, потому что также живут на безденежье: зарплата маленькая, да и ту задерживают; скотину выращивать стало сложно, как и всё то, что произрастает на огороде; пенсии на жизнь не хватает, потому что цены и тарифы всегда впереди и галопом скачут, и т. д. и т. п.; и будут утверждать, что все эти беды от Москвы плывут, где сидят народные избранники и самые никудышные для них законы придумывают. А если бы по-другому было, не кидались бы за работками на сторону. «Сторона» эта начинается уже в райцентре и — до Москвы. Туда же устремлены и из райцентра, и из Орла. Москва, словно магнитом, притягивает к себе людей разных профессий, которых судьба на этом отрезке времени обидела в работе или обделила в зарплате.

Но сердце подсказывает другое: да не может такого быть, чтобы пасынками!..

Как на распутье, смотрю налево и направо, а перед глазами встают картины прошедшего десятилетия. Во времени мы жили одним, заботы наши измеряли одними мерками, а результаты труда были разные.

На карте района их было четырнадцать — хозяйств средней руки, имеющих неплохую производственную базу, способных обеспечить жизнь всем работникам и их семьям. Сегодня также можно сказать, что они, эти хозяйства, есть, но существуют формально, — не раз обанкроченные, оставшиеся без

энергетического ресурса, раздавленные тем самым рынком, который, по мнению стратегов рыночной экономики, должен был вывести их из застоя. Самое печальное — морально раздавлены люди.

Я сознательно так говорю: все хозяйства под одну гребенку. И делаю паузу, потому что хочется услышать, не важно от кого, несогласие: не все «дохлые», есть примеры обратные. Да, на одном и том же временном отрезке дела и заботы свои люди измеряли одними мерками, но результаты труда были разными. Тому пример — сельхозпредприятие «Сеньково», которое в эти окаянные годы уже было уложили, но титаническими усилиями подняли, и сегодня оно выполняет свои основные функции перед людьми: даёт им работу, а значит, кормит, одевает-обувает, учит детей, помогает старым. Люди работают не лишь бы день прошёл, умеют получать хорошие урожаи, высокие надои, и уже не первый год они лучшие в районе.

Могу предположить, что найдутся в этом хозяйстве и недоработки, и упущения, и слышал я не раз о том, как из-за тех самых «рыночных» цен на горюче-смазочные материалы и зерно уплывала из мозолистых крестьянских рук часть прибыли; можно ещё прибавить к этому что-то из необдуманных решений Москвы, т. е. правительства, касающихся проблем села, но уж никак не могу согласиться, что только для сеньковцев Москва в эти годы была доброй матерью, а для всех остальных — мачехой. Вы-

вод здесь один: все остальные плохо работали. Не хотели или не сумели — это уже другой вопрос.

В те морозные дни конца января пришлось мне побывать на подведении итогов сельскохозяйственного года в агрофирме «Глазуновские Чернозёмы». Все её четыре подразделения — «Завет Ильича», «Богородское», имени Чапаева и «Аграрник» — практически провалили работу по всем показателям. Ну разве можно выжить в рынке, получая с гектара по 16 центнеров зерна, причем самого низкого качества. Сеньковцы с трех тысяч гектаров получили шесть миллионов рублей прибыли, а агрофирма с пяти тысяч гектаров зерновых шесть миллионов рублей убытков.

Только что возглавивший эту агрофирму И. В. Горохов озвучил ещё одну цифру: более 700 тысяч рублей убытков получено от животноводства. Ясно, что, имея убыточное производство, агрофирма не смогла полностью выплатить работникам заработную плату, и хорошо будет, если её отдадут, а новый год принесёт хорошие результаты. Во всяком случае, из своего разговора с Гороховым я понял, что основания надеяться на это у него есть.

Но во всём этом присутствует и другая сторона медали, не менее важная. Да, мы во главу угла сегодня ставим заработную плату работников: насколько она высокая, регулярно ли она проплачивается, перечисляются ли средства в Пенсионный фонд, так как это, в конечном итоге, влияет на размер пенсии. И

совсем забываем о других налогах, а в связи с вступлением в силу закона № 131 о местном самоуправлении они, эти налоги, должны быть проплачены.

— Да, — подтвердила глава Сеньковского поселения А. С. Кузина, — без пополнения бюджета не решить ни одной проблемы, а пополнять его, кроме как с налогов, больше нечем.

В 2005 году сельхозпредприятие «Сеньково» перечислило в местный бюджет различных налогов около 500 тысяч рублей. Хорошие деньги для местной власти, и они были истрачены на заработную плату бюджетникам, на ремонт медпунктов, проплатили коммунальные услуги, даже компьютер купили.

На 2006 год источники пополнения бюджета Сеньковского поселения те же, например, 237 тысяч рублей будет получено от налога на землю, т. е. СПК «Сеньково» таким образом рассчитается с государством за землю, арендованную у крестьян.

Можно смело говорить, что дела и заботы во всех сельских поселениях одни и те же, но по воле судьбы они, эти поселения, поставлены не в равные условия.

— У нас много чего надо сделать, — говорил в беседе со мной глава Медведевского поселения М. А. Кулешов. — Во-первых, благоустроить центральную часть села; во-вторых, деньги нужны на ремонт мостов, дорог; в-третьих, и самое важное, требуются большие затраты на газификацию Дома культуры и библиотеки, так как до сих пор отапливаем электричеством, а это дорого.

Да, на всё нужны деньги, а их нет, бюджет пуст, хотя, по мнению Кулешова, можно было бы многое решить из этого списка проблем, перечисляй «Глазуновские Чернозёмы» ежегодно налоги. Их не перечисляют не один год.

— Более 400 тысяч рублей налогов на землю и на доходы физических лиц нам задолжало только СХП «Завет Ильича», — сетовал Кулешов. — А ведь есть ещё хозподразделение «2-я пятилетка» агрофирмы «Золотая Поляна», которое также в крупных должниках.

Не представить не посвященному в заботы Медведевского поселения человеку, как жить будет местная власть и в текущем году, если эти две структуры, расположенные на её территории, снова не проплатят налоги на землю и на доходы физических лиц, которые в общей сумме составить должны без малого 300 тысяч рублей. Думаю, денежек они так и не получат, потому что дела у должников, особенно у «Золотой Поляны», очень и очень плохи: даже с выплатой зарплаты есть сложности уже не один месяц.

Не претендую на точность цифр, по неофициальным данным, все те структуры, работающие в аграрном секторе нашего района, имеют перед бюджетами сельских поселений и районным довольно большие долги по налогу на доходы физических лиц, т. е. по подоходному налогу. «Орловский лидер» более-менее платит, а вот «Золотая Поляна», включающая в себя три бывших садоводческих хозяйства, задолжа-

ла уже более одного миллиона рублей, близки к этому «Глазуновские Чернозёмы», «Суровское» тоже.

В своих поездках по району я встречался с многими людьми, приходилось вести с ними разговоры разного характера, и собеседники мои, в большинстве своём, зная меня как газетчика, не скрывали той правды, которая, по их мнению, «колола глаза» и которую я обязан высвечивать на страницах газеты. Чаще всего это были проблемы на местном уровне: плохо с водопроводом, плохая дорога по селу, негде взять зерна для своего подворья, воруя от дома всё, что плохо лежит...

Самое горькое впечатление оставалось от встреч, когда люди, не стесняясь в выражениях, полоскали власть всех уровней, вплоть до Москвы, за то, что никак не отдадут многолетние долги по зарплате. Я их понимал: у всех семьи, их надо обувать-одевать, кормить. Можно было не спрашивать, как они живут, потому что ответ у всех был бы один: плохо. Плохо живется крестьянину, плохо пенсионеру с его небольшой пенсией. И так по всей стране — от Москвы до самых до окраин.

А в памяти моей картины из того самого «застойного» периода, но совсем непохожие на те, что вижу ежедневно.

Жил в поселке Садовый Николай Яковлевич Буров — человек доброй души, отличный плотник; да что там плотник, на все руки мастером был, и не

однажды его спрашивал при встречах, как, мол, живешь, и всегда слышал один ответ: хорошо. Это значит, у пенсионера проблем не было, государство и колхоз помогали ему жить безбедно, а если судить в масштабах государства, забота эта о человеке шла от Москвы, и работали на это законы, принятые там, в столице нашей.

И всё-таки буду утверждать, что Москва для нас была, есть и будет родной матерью, потому что даже в это смутное время мы всегда можем найти строку или букву в законах, которые защищают интересы простого человека. На памяти моей много примеров, когда, опираясь на те самые строки и буквы, люди «выколачивали» долги по зарплате. Спасибо Москве — приняла такой закон. Москва выделила деньги, а область включила в план строительство водопровода в д. Гремячево, и гремячевцы также говорят Москве спасибо. Если меня спросить, за что бы я сказал тёплые слова благодарности столице, олицетворяющей все лучшее и дорогое, я в первую очередь назвал бы два национальных проекта, касающихся медицины и образования: они в какой-то мере компенсируют моральные потери людей, работающих в этих сферах, и послужат решению многих проблем на перспективу. С ними всё просто и ясно, чего нельзя сказать о проекте «Развитие агропромышленного комплекса». Желающие участвовать в проекте есть, но не всем это удаётся, так как с получением кредитов пока сложности. А без креди-

та новейшие технологии в производстве любой продукции не освоить.

В советское время посмотреть на них мы ездили за рубеж, только посмотреть. Сегодня они уже рядом с нами. В Глазуновском районе они используются пока на полях, а в животноводстве люди работают ещё дедовскими методами, и новейшие, самые передовые технологии для нас — пока что сказка. Когда станет былью, сказать трудно. Мне рассказывали, что уже нечто похожее могло быть в ООО «Суворовское», где даже закупили импортное оборудование для молочного блока, но оно так и осталось лежать в бездействии: судебные приставы вывезли коров за долги, а краснослободцы стали безработными.

В прошлом году такую сказку я увидел воочию, побывав в закрытом акционерном обществе «Славянское» Верховского района. Обычный колхоз, имеющий 3050 гектаров пашни. Урожайность зерновых — 57,5 центнера с гектара, сахарной свеклы — 570 центнеров. 6000 голов КРС, в т. ч. 330 коров, дающих в год по 6640 килограммов молока. Привесы — 890 граммов в сутки. Получили 33 миллиона рублей прибыли, а на каждого работающего — 206 тысяч рублей.

ЗАО «Славянское» сумело организовать высокоэффективное производство, систематически получает высокий доход, в несколько раз увеличило все экономические показатели, стабильно обеспечивает социальные гарантии для всех своих работающих.

Имеется спортивный комплекс, где функционируют секции бокса, мини-футбола, волейбола, работает тренажёрный зал. За счёт средств ЗАО «Славянское» содержится штат тренеров. Затраты по содержанию спортивного комплекса составляют 1.5 млн. рублей.

Высокая организация труда, четкое распределение должностных обязанностей, применение интенсивных технологий во взаимодействии с наукой и передовым опытом, высокая культура производства — вот слагаемые стабильной работы ЗАО «Славянское».

Возможны ли такие успехи в нашем районе? Хотелось бы верить. И тогда многое бы изменилось в поселениях в лучшую сторону.

УРАГАН НАД ВЕРХОВЬЕМ ОКИ

В селе Тагино в последние годы бывал я не часто. Но поездки эти запоминались надолго, особенно — если случалось приехать туда в весеннюю пору, когда звенели по оврагам ручьи, а переполненная тальми водами Ока глухо ворчала, унося большие синие льдины. Впервые я увидел такой разгул природы почти сорок лет назад, когда приехал работать в бывший колхоз имени Чапаева после окончания Глазуновского сельскохозяйственного техникума, и до сегодняшнего дня стоят перед глазами картины тех далеких лет.

Но время безжалостно по отношению к людям: хотел ты или не хотел, оно стирает с лица земли порой самое дорогое для человека или же так изменяет её облик, что на ней людям становится легче жить и работать, светлеют их взгляды и мечты. Тагино — тому пример.

Плывут перед глазами картины прошлых лет. Вот по-над речкой выстроились в два порядка аккуратные домики с шиферными крышами, которым тесновато на этом обжитом предками берегу. В центре — трехэтажное здание средней школы; на стене прикреплена мемориальная доска, напоминающая о том, что в селе Тагино в декабре 1825 года были арестованы декабристы Никита Муравьев и Захар Чернышев, что здесь проживала Александра Муравьева, доставившая в Сибирь знаменитое послание Пушкина. О, эта школа, только что выстроенная, светлая и по тем временам очень просторная, была гордостью всего района! Но и она с трудом вмещала подрастающее поколение приокских деревень — столько было детворы.

Потом были семидесятые годы, когда люди старались трудиться с полной отдачей, но условия их труда и быта практически не улучшались, низкой была и заработная плата. И молодежь покидала деревню после окончания школы. Увы, именно эти годы лягут черной полосой в истории не только нашего района, но и всей страны, так как именно в эти годы был взят курс на постепенное сселение неперспективных населенных пунктов.

В те годы в нашем районе не один населённый пункт был стёрт с лица земли, но тагинцам это не грозило, село ещё прочно стояло на ногах, хотя, конечно, молодёжи в нём поубавилось. В то критическое время в районе был разработан комплексный план переустройства деревенской жизни, включающий в себя меры по улучшению условий труда и быта селян. На фермы пришла механизация, двухсменка, началось строительство жилья, и молодёжь уже не спешила уехать в город. Во всех начинаниях тагинцы были первыми, а вся эта работа начиналась в местной средней школе.

Именно там делали всё необходимое для воспитания у детей любви к родной земле, умело ориентировали их на хлеборобские профессии. Лучшими в районе были тагинские доярки и телятницы, комбайнеры и трактористы.

В летнюю пору в те годы во время уборки урожая на тракторах, комбайнах, на механизированном току и других важных участках трудилось немало школьников. В основном, конечно, это были старшеклассники, прошедшие хорошую практику в школьной производственной бригаде. У членов бригады было всё: земля, техника, хорошие наставники и — самое главное — желание работать на этой земле самостоятельно. По итогам областных конкурсов эта школьная бригада не однажды занимала первые места, становилась и победителем: В местном хозяйстве, и в тех, что располагались рядом с Тагино, не

было проблем с механизаторскими кадрами, так как в школе их готовили на высоком профессиональном уровне.

В качестве примера такой факт: в одну из уборочных тех лет у десятиклассника Николая Редькина был лучший результат на жатве — скошил 800 гектаров зерновых.

В колхозе стучали топорами две строительные бригады, и скоро для молодых тагинцев выросли целые улицы новых домов со всеми удобствами. Их называли беляевскими — по фамилиям бригадиров строительных бригад Беляевых — Николая Федоровича и Николая Ивановича.

И вот ещё одна поездка в Тагино. Осень. После недавних дождей в природе всё ещё полетнему: тепло и прозрачно, деревья в зелени. Село, словно уставшая от забот хозяйка, тиха и задумчива. На новых улицах, тех самых, беляевских, видна жизнь — возле домов трактора, комбайны, легковушки.

Пониже и вдоль Оки — дома словно спрятались в ракигах и бурьяне, как и сама Ока. По селу из конца в конец, как это было когда-то, уже не проехать, да и домики как пропололи: кто-то умер, кто-то уехал, а в оставшихся доживают свой век пенсионеры. Лет тридцать назад тагинцев было более двух тысяч, сейчас осталась четвертая часть.

Намного веселее в центре, где школа, магазины,

почта, местная власть. Школьная трёхэтажка все эти годы терпеливо наблюдала, как приходит запустение на благодатные земли, которые много веков обживали их предки, как рушатся устои общества и государства. А как сказать иначе, если бывший колхоз не раз становился банкротом, если вплотную к людям подступила безработица и безденежье, а власть бессильна порой в решении жизненно важных вопросов — и федеральная, и местная: к примеру, газовая труба лет десять назад прошла мимо села, а голубой огонёк вспыхнул в домах только в прошлом году; всё дорожает, всё ветшает, у общества признаки бездуховности — опасная болезнь.

Ещё много чего такого «режет» глаз, и всё это — плоды разрушительных «окаянных» полутора десятков лет рыночной экономики. Да и сама школа почувствовала на себе искушение времени: поубавилось в классах звонких детских голосов, и даже не восполнили их пришедшие из закрывшейся Подольской начальной.

Но школа не просто свидетель урагана, пронесшегося над верховьем Оки и дальше; видеть и слышать главное в череде событий может не каждый, а если ей доверены судьбы будущего страны, значит, она, т. е. школа, просто обязана научить подрастающее поколение этому — видеть, слышать и, как сказал поэт, «быть настоящим, а не сводным сыном в великих штатах СССР». И Тагинская средняя школа эту почетную, но очень и очень трудную функ-

цию выполняет. А когда однажды в редакции раздался телефонный звонок и её директор Нина Николаевна Минакова, прояснив свой вопрос, с чувством гордости и душевного удовлетворения сообщила, что школа будет участвовать в конкурсе общеобразовательных учреждений Орловской области на получение национальной премии Президента Российской Федерации, подумалось мне, что он, этот конкурс, в очередной раз будет проверкой на прочность всего педагогического коллектива и подтверждением правильности избранного им пути.

Уже позднее, в начале осени, мы сидели в учительской школы, и моими собеседниками были Валентин Вениаминович Елисов — учитель математики, заместитель директора школы по учебной работе, и Нина Николаевна, теперь уже не директор, а просто сельский учитель.

— Всё, устала, — говорила она. — Ведь столько сделано было за годы директорства. Дальше молодым идти.

Беспокойную должность директора Минакова передала Татьяне Борисовне Редькиной, которая много лет была её заместителем по воспитательной работе, надежным помощником.

Сколько различных мероприятий за все годы было организовано в школе! Сколько побед было в районных, областных, всесоюзных и российских олимпиадах и конкурсах за эти годы у учащихся!

Сколько замечательных людей выучили и воспитали для жизни!

На стене в фойе школы увидел мемориальную доску с выбитыми на ней именами учащихся, закончивших школу с медалями. Насчитал 22 фамилии, из которых двое — «золотые» медалисты.

— С 1985 года, все мои, — с гордостью пояснила тогда Нина Николаевна. — Но это результат всего коллектива учителей, так как они все профессионалы высокого уровня, новаторы.

А потом показали мне диплом — тагинцы в конкурсе победили. Диплом в рамочке, подписан министром образования и науки РФ А. Фурсенко. Борьба была напряженной, ведь в нем участвовали 25 орловских сельских школ. Посчитав, что можно побороться за победу, тагинцы проанализировали свою работу за три года, как и предусматривалось Положением о порядке конкурсного отбора, успешно прошли первый его этап — районный и в числе девяти стали победителями на втором этапе — областном. Ясно, что победителям было что представлять на конкурс, а учитывались такие показатели, как кадровое обеспечение школы, профессиональное обучение ребят, качество знаний, эффективность использования современных образовательных технологий и воспитательных программ и многое другое, что использовали в работе учителя-новаторы.

Конечно, немало талантливых учителей и в других школах района, но чаще других, например, сре-

ди победителей конкурса «Учитель года» были тагинцы: Светлана Афиногеновна Кофанова побеждала в областном, Наталья Васильевна Екимова, учитель музыки, становилась лауреатом, Александр Иванович Володин побеждал в районном. А есть ещё в школе Светлана Викторовна Коновалова, Светлана Павловна Махмудова, Илья Васильевич Куприянов, отдающий школе уже около четырех десятилетий всё свободное время. Именно его заслуга в том, что школа одна из первых в области стала внедрять компьютерные технологии, что в компьютерной сети появился её сайт. А Кофанова на вершине славы — ей вручена президентская премия в 100 тысяч рублей как победителю среди учителей, развивающих инновационную компетентность.

Мои собеседники называли фамилии своих коллег, говорили о их умении работать с детьми увлеченно, добиваться желаемого результата. Да, конечно: пройдут годы, появится в школе ещё одна мемориальная доска, на ней будут золотом написаны фамилии учителей, которые победили во всероссийском конкурсе на получение национальной премии Президента Российской Федерации, — школе вручен диплом, как внедряющей инновационные образовательные программы, и один миллион рублей. Это заслуженная победа.

ДОБРОДЕТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Сентябрь уходил незаметно, сухой и теплый, наполненный огородными заботами; лёгкий ветерок тянул от луга паутину, на речке перекликались гуси, а на картофельных грядках копошились люди. Обычная картина мирной сельской жизни, которая всегда наполняет душу теплом и светом, заставляет по-доброму думать о будущем.

Деду Василью уже за семьдесят, но ему тоже не сидится возле дома: ползёт по борозде на коленях, ведро впереди, и крупные клубни со стуком падают в него. Извечная крестьянская работа, без которой не живет ни один сельский житель, способный держать в руках ведро.

Василь медленно сползает по борозде вниз огорода, его загрубелые руки ковыряют землю, сгребают присыпанные клубни. Но вот пальцы натываются на что-то острое; Василь разметает землю и видит кусок ржавого железа — осколок, в этот день уже не первый.

Рядом на борозде старается внук Никита, и ему сегодня везло на такие находки. А вчера трактор выпалхал два патрона. Василь посмотрел — большие, калибром больше винтовочных, и определил: от противотанкового ружья.

— Каждый год такие находки, — говорит Василь. — В 43-ем здесь фронт полгода стоял, с февраля по июль, вот и начинили землю.

И дед начинает рассказывать, как бегали немцы в панике, когда в конце февраля наши войска освободили город Малоархангельск и вплотную подошли к Неручи, на правом берегу которой деревня Глазуново. Но взять её сил не хватило, и линия фронта на много километров вытянулась вдоль Неручи, к её истоку и дальше — до истока Оки. Так образовался северный фас Курской дуги.

Много раз в те февральские и мартовские дни делались попытки прорвать немецкую оборону; Василь вспоминает, как однажды по белому снегу с высоты, что метрах в пятистах от Глазуново, с криками «ура!» пошла густая цепь пехотинцев, но до деревни не дошли: на полпути ставшая уже редкой под огнём противника цепь залегла, затем попятилась назад, оставив на поле десятки недвижных тел.

— А потом, в марте уже, нас немцы выгнали. Сначала мужиков, их отправили в Брянскую область, через некоторое время женщин и детей, — Василь смотрит в ту сторону, куда увела их дорога в тот далекий мартовский день. — Взяли что смогли, из необходимого — одежду, продукты. А перед этим на снежное поле, сразу за деревней, сел подбитый советский самолёт. Не дотянул до передовой всего какую-то версту. Лётчики — от самолёта, двое, а третий через несколько минут за ними. Следом — взрыв, самолёт загорелся, и они по дыму ушли к Куначевскому лесу. Полицай и немцы из Васильевки и Хитрово — к самолёту.

Лётчики, конечно, не спаслись: лес был напичкан танками и живой силой, так что немцы лётчиков схватили. Уже после войны ходили разговоры, что их пытали и расстреляли.

Я слушал деда Василя и ясно представлял, как всё это происходило, ведь время отделило меня от тех событий всего на пять лет. Ещё через пять лет я с друзьями бегал на это поле, засеянное рожью, и собирал алюминиевые осколки и медные патроны — что осталось от подорванного самолета — для обмена на свистки и рыболовные крючки у наезжавшего в деревню товарника.

А осенью нам не повезло. В тридцати метрах от домашних огородов, в траншее, окруженной посевами конопли, мы подорвались на mine. Помню, плеснуло пламя в глаза, и разметало нас в разные стороны; и вдруг — тишина до звона в ушах и далёкий-далёкий сквозь этот звон крик: «Ма-а-а!».

Помню белую рубашку — она была вся красная от крови и как решето; и иногда ко мне приходит чувство сожаления: ну почему не сохранил я эту реликвию — на память детям и внукам о трагедии теперь уже более чем пятидесятилетней давности? Ведь такое в нашей мирной жизни случалось и сразу после войны, и позднее, и в наше время случается.

Естественно, пережив такие события, став с детских лет свидетелем восстановления мирной жизни на земле, где полегли тысячи советских

людей в боях за её освобождение, где и сегодня, как в музее под открытым небом, окопы и воронки, я не могу оставаться равнодушным и к судьбе Отечества, и к самому празднику победы советского народа в Великой Отечественной войне, нашей Великой Победы. К её 60-летию я выпустил книгу стихов и очерков. В них, в стихах и очерках, боль и радость, самые лучшие помыслы и светлые надежды моих героев и мои — как автора. К этому меня обязывали встречи и с ветеранами войны, живыми свидетелями и участниками боёв на Орловско-Курской дуге, а первые встречи с ними как газетчика были тридцать лет назад, в середине 70-х годов, когда я пришел работать в районную газету.

Один из них — Андрей Никитович Дмитренко, полковник в отставке, в то суровое время капитан, бывший командир дивизиона 326 артиллерийского полка 148-й стрелковой дивизии, кавалер многих боевых орденов. Приезжал он в Глазуновку из Донецка, всегда с женой Таисией Ивановной и сыном Александром. Не раз проезжал я с ними по местам боев на нашей земле, Дмитренко много рассказывал о тех далеких событиях — и радостных, и печальных. Мы с ним переписывались, а однажды я получил от него большой конверт с его воспоминаниями.

«Примите наш горячий привет и пожелания доброго здоровья, — писал он. — Высылаю свои воспоминания военных лет. Я вам во время нашего пребывания говорил, что они написаны для наших внуков

и правнуков. Всё, о чём в них написано, пережито. Моя боевая подруга Таисия Ивановна говорит, что они похожи на письменное донесение старшему командиру».

*Память наша в книгах и граните.
В людях, что вершат свои дела.
Для потомков, дети, сохраните
Всё, что людям Родина дала, —
Это поле, небо и берёзы
Я о них веду сегодня речь.
Если вдруг над ними грянут грозы,
Их непросто будет уберечь.
За бедою вдруг беда большая —
Не бояться, презирая смерть,
Завещая их и защищая,
В этих бедах выстоять суметь.*

Андрей Никитович дожил до светлого дня Победы, но многие его однополчане остались лежать на глазуновской земле. И как дань памяти погибшим встали в конце 60-х годов прошлого века на землях бывших колхозов имени Жданова и имени Ленина обелиски с именами погибших за их освобождение. И те, кто приезжал в Глазуновку, находили на них имена своих друзей. Приезжали и родственники погибших. Вот один из эпизодов 20-летней давности.

В городе Александрия Кировоградской области жили три сестры под девичьей фамилией Бутовы.

Всё послевоенное время, до 1985 года, они разыскивали место захоронения погибшего в 1943 году своего брата Михаила Харитоновича. Где, на каких высотах остался лежать сержант Бутов? Остался ли след его на земле? Куда только не писали они! И вот однажды им ответили из Очкинского сельского Совета: секретарь сельсовета Любовь Петровна Брыкалина написала, что сержант Бутов числится в списках погибших на высоте 254,6 у деревни Глазуново, а захоронен в братской могиле в Александровке.

Я помню тот день 9 Мая, когда они приехали к обелиску погибшим воинам 410 стрелкового полка 148 стрелковой дивизии и прочитали на мемориальной плите фамилию родного брата; помню их заплаканные лица. Сколько же благодарных слов высказано было ими в адрес людей, увековечивших память их погибшего брата, сообщивших им, оказавших гостеприимство. Они приезжали каждый год на 9 Мая, и жители Архангельского и Васильевки тепло встречали их всегда, а дом Брыкалиных для них был родным.

К сожалению, распад Советского Союза нарушил многолетнюю традицию. Вот строки их письма: «Неизлечимой раной болит сердце за тех, кто не вернулся с поля боя, уплатив самым дорогим — жизнью своей за свободу, за счастье своих детей и внуков. И уверены, что 9 мая, в день праздника Великой Победы, будут положены цветы к подножию скромных памятников и величественных монументов. Помним:

люди не вечны, но вечной должна быть благодарность. Так будем же внимательными, добрыми и сердечными в своем отношении к ветеранам.

При одном упоминании о глазуновской земле отзывается сердце. Ведь эта земля — частица нашей жизни».

И из другого письма: «Цены растут как грибы. Жизнь ухудшается, нам больно и обидно, что так складывается. И более всего, когда видишь, что подходит праздник Победы, а мы не можем приехать».

Тому, кто хотя бы однажды бывал в этих местах, запомнится на всю жизнь их красота и своеобразный рельеф местности, который, кстати, описан в исследовательских работах российских ученых ещё конца 19 и начала 20 века. А более подробно изучался он ещё ранее, когда планировалось строительство железной дороги. Для тогдашней лапотной России это было великим событием, и для такой ответственной работы приглашались умнейшие люди Отечества и из-за рубежа. В результате их умозаключений стальная магистраль нашла в южную сторону единственный путь, не требующий больших затрат на строительство: её проложили по самому высокому месту, миновав и реку Неручь, и её притоки. А в народе до сих пор живет легенда, что железная дорога должна была пройти через город Малоархангельск, но местные купцы якобы откупились, чтобы не ломать устоявшиеся традиции их торгового

дела; они и упросили направить её в обход, подальше от города. Легенда остается легендой, а железная дорога на отрезке от Глазуновки до станции Малоархангельск делает крутой подковообразный поворот и уходит дальше, до Поньрей и дальше на юг. В центре этой подковы — деревни Васильевка, Глазуново. Сейчас уже редко кто ходит к электричкам пешком, но в своё время ходили или ездили на лошадях, и путь выбирали самый удобный, т. е. до какой станции была дорога лучше; а по расстоянию, что до Глазуновки, что до 452 километра, где также электрички останавливались, что до станции Малоархангельск, было практически одинаково — шесть километров. А ещё имело важное значение, в какую сторону дует ветер. И сегодня при тихой погоде хорошо слышно, как идут поезда на Москву, от Москвы; слышно, как после остановки набирают ход электрички, и многие по ним определяют время. Идут поезда от Москвы — после 452 километра, с левой стороны магистрали, исток Неручи, практически от полотна уходит на восток. Справа от полотна, чуть дальше — маленькая Очка; перевалишь через холм — исток Оки. На станции Малоархангельск стоит возле вокзала пакгауз — добротное кирпичное здание, один скат его крыши северный, другой — южный. Идёт дождь — и вода с северного ската течёт в Волгу, с южного — в Дон. Всё понятно: водораздел.

В 1943 году на этой земле с февраля по июль

стояла линия фронта, здесь был северный фас Курской дуги, где также решалась судьба всего сражения, начатого 5 июля. О тех событиях сегодня напоминают памятники и обелиски, установленные на местах сражений. Много для этого сделал бывший разведчик стрелкового полка, участник битвы Николай Федосеевич Шитиков, который до последних дней своей жизни возглавлял совет ветеранов 81-й стрелковой дивизии.

Он исходил все поля пешком, восстановил в памяти, где были окопы передовой, где стоять обелискам. За первые два дня, 5 и 6 июля, дивизия потеряла 2518 солдат и офицеров, но сдержала натиск врага. В скорбном молчании стоят уже почти четыре десятилетия обелиски с именами погибших, и круглый год у их подножия цветы.

Вы помните сказку великолепного детского писателя Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише, которого убили буржуи? Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей речки. И поставили над могилой большой Красный флаг.

*Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают лётчики — привет Мальчишу!
Пробегают паровозы — привет Мальчишу!
А пройдут пионеры — салют Мальчишу!*

И когда я слышу, как спешат на Москву, от Москвы поезда, слышу их гудки, я знаю, что они салю-

туют всем-всем, кто остался лежать на этих полях в далеком 43-м; их имена на мемориальных плитах. Но с грустью думаю, что притупилось в нас чувство патриотизма, очерствели наши сердца, если мы сохраним эти святыни в плохом состоянии. Не первый год идет разговор: фамилии на плитах уже трудно прочитать, плиты и сами обелиски потрескались, и время продолжает свою работу по их разрушению.

В преддверии 60-летия Великой Победы, да и позднее, я вынашивал мысль написать президенту В. В. Путину письмо с предложением выделить из федерального бюджета средства на восстановление памятников погибшим в годы Великой Отечественной, предполагая, что это, допустим, был бы один из национальных проектов. А как быть иначе, если поверженным нашим врагам сегодня устанавливают такие памятники, что приходится завидовать, а мы же победители, значит, у нас должно быть лучше. Не написал, и вот почему. Увидел как-то памятник погибшему летчику на станции Малоархангельск и порадовался — чистенький, ухоженный. Потом пришлось побывать в Тагино; памятник в центре села заставлял думать о том, что администрация поселения находит средства для его содержания, хотя у неё много и других проблем. А потом вспомнилось, что в той же Отраде Михаил Васильевич и Татьяна Алексеевна Кузякины ухаживают за памятником Алексею Ефимовичу Дроздову, погибшему здесь в 1943 году. Простые люди содержат захоронение на свои

средства, красят ограду и сам памятник, наводят чистоту. Значит, и без президента можно решать эту проблему, на местном уровне. К примеру, не так давно райсовет откликнулся на просьбу прихожан церкви и выделил средства на строительство колокольни. А почему бы не выделить и на это святое дело? К стыду нашему, в прошлом году услышал такое, что в голове не укладывалось: плиты, на которых уже трудно прочесть фамилии павших, собирались убрать, а на их месте посадить цветы.

В своё время была проведена большая работа по увековечению памяти павших, а тут вдруг решили память эту стереть с лица земли.

— А что делать, — говорили мне тогда в районной администрации, — нужно много денег на их реставрацию.

Да, дело затратное, но ведь в той же Московской области в преддверии 60-летия Великой Победы сумели это сделать, значит, можно и у нас.

Уже собирался поставить последнюю точку в своём повествовании на такую важную тему, но что-то не давало мне покоя, заставляло медлить, и я начал перебирать в памяти события, какие-то факты, пытаюсь выяснить причину этому. В своих размышлениях пришел к выводу: нет, не всё у нас плохо; нет, мы не иваны, не помнящие родства, мы знаем свою историю; из нашей памяти не выдули ветры перемен самое дорогое и ценное, оно в нашем

сознании как символ побед и мужества, глубокой печали по сложившим головы за свободу и счастье грядущих поколений. Мы — победители!

*Ты помнишь дни суровые, страна,
Клубились тучи с запада свинцово.
Навечно в твоих списках имена
Перфиловых и Кузнецовых.
И в том ряду Гороховы стоят,
Платоновы родню хотят увидеть.
Спасибо им, героям без наград,
Что можем мы любить и ненавидеть.
О мире думая, не о войне,
Они ушли на поле боя.
Они сгорели в том огне,
Но заслонили мир собою.*

Это о наших земляках, не пришедших с войны. Они остались лежать на бескрайних просторах Отчизны, защищая её сердце — Москву и всю землю русскую — от Москвы до самых до окраин. И в эти окаянные годы, когда страна, как в агонии, корчилась от мук, мы также знали об этом, но на безденежье и бесхлебье ничего не могли сделать значительного для увековечения памяти героев. Самым благодатным временем для этого были 60–70-е годы прошлого века, ведь именно тогда благодарные сельчане на свои средства устанавливали памятники иobelisks, которые сегодня напоминают о подвигах воинов 81-й, 148-й, 15-й Сивашской, 16-й Литовской

стрелковых дивизий. Именно в то время был открыт историко-краеведческий музей, а сегодня на его 170 квадратных метрах уже насчитывается 1600 экспонатов. Все эти годы он работал: накапливался материал о наших земляках — участниках войны, юные следопыты собирали сведения о воинских частях и ветеранах, освобождавших район, организовывали встречи поколений.

Главной заботой была площадь Воинской Славы в Глазуновке, где проходили по красным датам различные торжества. На большее не хватало духу, и те памятники и обелиски — символы победы, мужества погибших и печали живых — «старели» на глазах.

В этом году в преддверии Дня Победы районная администрация организовала для ветеранов войны поездку на Белгородчину, на Прохоровское поле, которое вошло в сознание людей как третье поле ратной славы России, после Куликовского и Бородинского. Сооруженный к 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне военно-исторический музей-заповедник, включающий в себя и Памятник Победы — звонницу, заставлял каждого из них думать о том, что страна-победитель дорожит героическим прошлым, и чем дальше мы уходим от тех событий, тем величественнее подвиг народа.

Далеко слышен звон колокола на Монументе Победы, он бьет через каждые 20 минут. Белока-

менная четырехгранная звонница взметнулась ввысь на 59 метров. Её венчает золоченая сфера с семи-метровой скульптурой Покрова пресвятой Богородицы. Под сферой высечены слова из священного писания: «Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя (Нет больше той любви, как положить жизнь, душу свою за друзей своих)».

На площади Воинской Славы в Глазуновке на одном из стендов можно прочесть 45 фамилий наших земляков, погибших при освобождении Глазуновского района. А всего в те июльские дни 1943 года было занесено в скорбный список 3500 фамилий погибших. Они лежат в братских могилах, над ними горят звёзды, шумят хлеба и светит солнце.

*Пролетают летчики —
привет героям!
Пробегут поезда —
привет героям!
А пройдут пионеры —
салют героям!*

И низкий поклон от всех.

ТАМ РУССКИЙ ДУХ, ТАМ РУСЬЮ ПАХНЕТ

Помню детство. Его картины и через десятилетия живут со мной; иногда кажется, что они зримее, чем из более поздней, взрослой жизни, а ведь по закону природы всё должно быть наоборот. Но это только кажется; в памяти всплывают также зримо картины уже поздних лет, и я начинаю думать, что память человека сохраняет в своих недрах только то, что в какой-то момент вызвало у него чувство восхищения или негодования, или смешанное чувство, которое возникает от сопричастности к открытию мира.

В том далеком мире детства всё было светло, по сказочному красиво. Мы открывали для себя мир. Вот единственная улица деревни, вдоль которой аккуратные беленькие домики под соломенными крышами — их дважды в год, к праздникам 7 Ноября и 9 Мая, белили мелом или известью. Огороды сразу от угла дома и тянутся до луга — сорок пять саженей ухоженной земли, на которой ни единого сорняка и благоухают в довольстве картошка, огурцы, помидоры и подсолнухи.

За узкой полоской луговины — Неручь, она начинает свой путь в торфяных болотах километрах в пяти: тихая-тихая — я до сих пор слышу её доброе бормотанье на узеньких местах, шириною не более

метра; светлая-светлая — зажмурю глаза и вижу песчаное дно, по которому туда-сюда снуют пескари и гольцы, вижу — вода по щиколотки, и мы ходим по песчаному дну, собираем в карманы камушки для стрельбы из рогатки.

Правее от деревни, всего в полуверсте, начинаются торфяные болота, где в глубоких копанях мужики и бабы замачивают посконь: её дергали и вязали в посевах конопли. Закончат работу — и к деревне напрямки, босиком по отаве, уставшие, мокрые, но довольные.

Вплотную к крайним домам деревни, с той стороны, куда уходит дорога, ржаное поле; из посевов застенчиво выглядывают васильки, чуть дальше и в сторону — крик перепёлки, ещё дальше, над редким берёзовым перелеском, — синее небо сливается с земной радостью. Стоять бы среди этого великолепия и думать, что вот она какая наша Родина, от Москвы до самых до окраин, — добрая мать, хорошая хозяйка, великая труженица.

Но мы, детвора, тогда ещё не думали так и дальше перелеска, в котором было в изобилии грибов и ягод, не ходили, да и ходить-то больше некуда было: и сегодня в нашем краю, на границе с «диким» полем — от верховья Неручи к югу, лесов до обидного мало, а тогда сталинское преобразование природы только набирало обороты: закладывали лесополосы, обсаживали железнодорожную магистраль, строили пруды.

Прошли десятилетия. Уже дети наших детей радуются от сопричастности к открытию мира. Что видят они сегодня? Что всплывёт в их памяти по прошествии лет, когда однажды они вот также закроют глаза, чтобы с душевным трепетом воспроизвести картины деревенских идиллий, словно многосерийный фильм из жизни всё той же нашей малой родины? Задаю этот вопрос и неожиданно ловлю себя на мысли, что в памяти их картины детства будут такими же светлыми, сказочными, но только с одной разницей: рядом с природой наши сказочные картины полувековой давности дышали теплом, добрым началом, которое передавалось из поколения в поколение, а дети наших детей в своих картинах уже не увидят песчаное дно мелководной Неручи — её заилило; уже не пройдут босиком по отаве, потому что луг зарос колючками, и там не только не косят, но и не пасут скотину; да и пасты некого — три года назад в деревне было 60 коров, сегодня осталось всего пять.

*А в детстве далеко
кузнечик запечный
Баюкал меня
своей песней беспечной.
Баюкал кузнечик, в ночи напевая,
И снилась мне даль
луговая-степная,*

*И снились деревни,
их белые хатки,
Что строили трудно солдаты,
солдатки.*

*Вот с крыши соломенной
солнце стекает,
И песенных птах детвора
закликает,
Азартно играет в лапту
возле школы,
И я среди них,
озорной и веселый.*

*Пусть время, как ветер,
шумнуло в деревьях
Да так, что за лесом
смахнуло деревню,
Вот-вот и другую
распахнут-развеют,
Овсом и пшеницей,
и рожью засеют —
Я верю: ты жив,
мой кузнечик запечный,
И так же баюкаешь
песней беспечной.*

*Всечасно в моей
коммунальной квартире*

Поют и танцуют сегодня полмира.
 И модные песенки
 с ритмами джаза
 Летят из Парижа, Мадрида, Техаса.
 Но только на сердце
 все больше тревоги —
 Отстал ты от времени
 на полдороги,
 Не слышат тебя мои русые дети,
 Кто путь им заветною песней осветит,
 И кто, им беспечную
 песню пиликакая,
 Поможет понять
 наше время великое.

Мы в другом веке. Их «сериалы» по прошествии лет будут с картинками, несущими в себе совсем другое начало, потому что они учатся жить на других примерах, и многое из того, что они делают сегодня, никак не вписывается в рамки жизни общества полувековой давности.

Именно об этом с горечью говорила эколог района Валентина Александровна Тарасова в одной из наших бесед. Иначе как объяснить такой факт: многое из того, что делается в районе по охране природы, не находит понимания и поддержки у населения; создается впечатление: люди не сознают, что природа сама по себе несет людям здоровье, в том числе и душевное, что человек рядом с природой становится добрее, светлее в помыслах.

Говорят, если человек воспитал сына, построил дом и посадил дерево, значит, он жил правильно. Но, как написал орловский поэт Иван Александров,

Приметил дядя ёлочку,
 Смахнул и уволок.
 И, как за провинение,
 Поставил в уголок.

Сколько же ёлок, посаженных в районном парке, было срублено! Сколько пеньков от них осталось по Глазуновке! Одни сажают, другие рубят.

Ни ёлка, соскочившая с пенечка,
 Ни конопели вспыхнувший прибор —
 Ничто не уходило в одиночку,
 А что-то уносило за собой, —

писал поэт Василий Федоров, когда размышлял о духовном обнищании нашего общества на рубеже 70–80-х годов прошлого века.

Срубленная перед Новым годом ёлка через пару недель будет умирать на сугробе у дороги, а красоту тому месту, где она стояла до этого, не вернешь, пока не посадишь новое дерево и пока оно не поднимется. Это видят дети, и затем делают то же самое.

Валентина Александровна тогда назвала такие действия обывательской привычкой, т. е. действия эти совершают люди из-за мелких личных интересов, но я не согласился с ней: только хамством, никак больше назвать такое нельзя! Срубил ёлку в общественном месте — это уже вызов обществу. И если

исходить из того, что природа несёт человеку здоровье, то сохранить природу для человека, обеспечить ему здоровую экологическую среду обязана местная власть — об этом говорится в законе об охране окружающей природной среды. Можно смело утверждать, что это у нас пока получалось плохо.

Да, были примеры, когда за варварские вырубki лесополос в ХП «2-я пятилетка» людей наказывали. Такой пример — другим наука? Не научили: гуляют топоры и пилы по посадкам. В последние годы нашли хороший метод борьбы с зарослями бурьяна на неудобьях, с соломой — на полях: взрослые ли, школьники — спички в руки, и длинные огненные языки ползут по полям. Не уследили — огонь устремляется к лесу, в лесополосы.

В этом плане не везет Васильевке. Много лет назад силами лесничества облесили балки, прилегающие к деревне. Посмотрите сегодня на них: остались в целостности-сохранности деревья в самых дальних углах от деревни, а вблизи, не дав подняться, покосили, потоптали скотиной. И те, что уцелели и поднялись, — сосны, дубы, тополя — все равно подвергаются нашествию со стороны её жителей, не однажды подпускали к ним «красного петуха».

Кстати, «красный петух» погулял и на 20 гектарах посадок у истока Неручи. Естественно, часть деревьев — береза, дуб — погибли. В один из зимних дней увидел на дороге ребяташек с санками, в руках топор; куда, зачем — не спросил. Уже вес-

ной, когда растаял снег, заглянул в посадку, что рядом с деревней. Господи, рубили тонкие, толщиной в руку, дубочки!

Когда Тарасова клеймила позором обывателей, убивающих в райцентре вечно зеленых красавиц, она неожиданно привела пример, как с такой обывательской привычкой борются в Германии: специальная служба выращивает ёлки в горшках, перед Новым годом их продаёт, а после праздника скупает, естественно, уже дешевле, и деревья хранит, ухаживает за ними до следующего Нового года.

Трудно сказать, приживётся ли такой метод у нас, думаю, вряд ли, но можно бы делать по-другому. Почему бы, например, не организовать посадку хвойных силами школьников, создав для этого в каждой школе своё лесничество, как сделали это уже много лет назад в Краснослободской средней школе. Школьное лесничество там работает, как и должно быть, руководит им биолог Мария Семёновна Ляшенко. Ребята выращивают саженцы, высаживают их, осуществляют за ними уход. 20 лет назад школа была построена за деревней, на пустыре, а сегодня она утопает в зелени. И самое главное, как считает Тарасова, в лесничестве решается основная задача — школьники получают экологическое образование — и теоретические, и практические знания.

При этом школам можно решать и финансовый вопрос — продавать населению елочки, а тем, кто участвует в этом деле, выделять их бесплатно. Словом, есть над чем подумать.

Последние дни осени были такими же хмурыми; и хотя не шел дождь и над печальными полями не висела надоедливая мгла, холодный воздух и без этого наполнен был тяжелой влагой. Сыростью веяло из лощин, легкое дуновение ветра тревожило заросли и приносило оттуда влажные запахи опавшей листвы и разнотравья. И даже на холмах, вечных свидетелях человеческих бед и радостей, чувствовалось, что прошедшая осень вволюшку напоила землю; и думалось, что по всей нашей стране, от Москвы до самых до окраин, прибавится теперь воды в колодцах, мощнее забьют ключи и полноводнее станут реки.

В один из этих осенних дней пути-дороги снова привели меня к истоку Оки. Я часто бываю в этих местах, и в любое время года хорошо побывать здесь наедине с природой. Думается о многом. Как на исповеди, вспоминаю начало 80-х годов. Все знали тогда: в этих лозняках, где множество ключей, берет начало Ока; из зарослей спешит к деревне Александровка, через неё — дальше, мимо хуторов и поселков — к Тагино, и дальше, дальше — в Волгу.

*Неширока, неглубока,
Красавицей былинною
В путь отправляется Ока,
В свою дорогу длинную.
Течет и мимо деревень,
И мимо белой рощицы.*

*В спокойных водах
теплый день
До сумерек полощется.*

*Иду зеленым бережком —
Вот здесь её начало.
Вот здесь
негромким родничком
Впервые зазвучала.*

*И низко кланяюсь Оке.
Как ею не гордиться,
Ведь к Волге-матушке реке
Она смогла пробиться.*

По инициативе рано ушедшего из жизни бывшего председателя колхоза «Заря» Николая Павловича Литвинова это место благоустроили. Поставили лавочки-скамеечки, качели, разбили волейбольную площадку. А какой появился стол из дуба-великана и сиденья — из дубков поменьше — в ивняках да черемухах на земляной насыпи; а к столу ведет мосточек с перилами, дальше — чистенькой дорожкой, одетой в асфальт, к самому истоку.

Ключей в этом месте било много и недалеко друг от друга, но выбрали поспорившей, и он много забот придал людям. Несколько раз углубляли бетонное кольцо, а вода все равно не хотела идти путем, который обозначил ей человек, — уходила в сторо-

ну даже после того, как вокруг колодца уложили асфальт. Но справились. А ещё посадили аллею елочек, как раз к 40-летию освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. И если кто-то посмотрел бы с высоты на нее, прочитал бы цифру ХХХХ.

В одну из предновогодних ночей того далекого времени кто-то приехал к посадке с топором. По следам, оставленным конскими санями, я доехал тогда до деревни Никольское.

Время безжалостно, и там, где слабеет человеческая деятельность, оно разрушает созданное людьми, а природа пользуется этим и также идет в наступление. Оглянитесь вокруг, и вы увидите, как начинающие пустеть деревни зарастают бурьяном. На левом берегу Оки Новый Хутор; когда-то здесь была большая бригада колхоза «Страна Советов», а сегодня доживают свой век почти одни старики. Скрывается в бурьяне Подлесная, Тагино, Подольня. Много веков назад в верховье Оки, на эти порубежные нераспаханные земли, граничащие с «диким полем», пришли люди жить и работать, растить детей. Много труда вложили они, чтобы окультурировать их. Людям мешали войны, но они отбивались от врагов и упорно продолжали дело, начатое предками — пахали, сеяли, строили. Оглядываясь назад, можно смело говорить: золотой век всей нашей большой Родины — от Москвы до самых до

окраин — приходится на вторую половину XX века, а точнее — на конец его 70-х — начало 80-х годов! Именно тогда мы больше всего думали о духовном, в нас жило великое чувство национальной гордости за всё, что происходило значительного в нашей стране. Сегодня в этих старинных русских деревнях полнейший раздрай, они умирают — тихие, смирившиеся с несправедливостью, гуляющей по стране, а тогда мы шли вперед с высоко поднятой головой и, верша свои дела, гордились сделанным. Истоком Оки мы тоже гордились: Ока — русская река, она берёт начало у нас, в Глазуновском районе! Об этом напоминает каждому памятный знак — стела.

Много для благоустройства истока Оки сделала Людмила Тихоновна Мартынова, работающая в то время инструктором отдела пропаганды и агитации райкома партии, — человек беспокойный, переживающий за каждую мелочь в организационных вопросах. Вспоминаю её взволнованную: надо ставить памятный знак, но вот что на нём написать, ещё не решили. Посоветовал: орловский поэт Борис Попов прошёл пешком от истока Оки до Орла, написал об этом поэму...

С тех пор каждый, кто приезжает к этому святому месту, читает на стеле слова — монолог Оки из той поэмы Бориса Попова:

*Путь мой трудный и долгий,
То он в горы, то с гор.*

*Довела я до Волги
 Девять братьев, сестер.
 Довела, породнила,
 Чтоб вовек не мелеть.
 Если вместе мы — сила,
 Нас нельзя одолеть.*

Об экологическом состоянии истока Оки на государственном уровне задумались в 1983 году. Весной студенты Орловского пединститута посадили деревья на нескольких гектарах. К осени была проведена комплексная экологическая экспертиза состояния реки Оки, по результатам которой был поставлен вопрос о придании участкам земли, прилегающим к её истоку, статуса охраняемой территории памятника природы с определенным режимом пользования. Одновременно было решено разработать в Орловском филиале института «Союзгипролесхоз» проект облесения берегов и создания парковой зоны на правом берегу истока общей площадью 25 гектаров.

В 1993 году эту работу выполнил уже российский государственный проектно-изыскательный институт «Росгипролес», и теперь согласно проекту общая площадь этого памятника природы составляет 269,8 гектара.

Когда разработали проект — выделили на эти цели средства, и в результате было сделано все, что сегодня видит каждый побывавший там. К истоку

хороший подъезд. Под сенью тех самых елок, которые уже подпирают небо, у самых ворот с башнями встречаются всех сказочные герои — застывшие в карауле гренадеры, Баба-Яга, филин.

Помните пушкинское?

*Там чудеса,
 Там леший бродит,
 Русалка на ветвях сидит...
 Там ступа с Бабою-Ягой
 Идет, бредет сама собой;
 Там царь Кощей
 над золотом чахнет;
 Там русский дух...
 Там Русью пахнет!*

Еще дальше, на взгорке, часовенка, и все это сделано талантливыми руками Валерия Николаевича Гордина и его сына Андрея.

Рядом разбили парк — будущий дендрарий, деревья в котором сажали люди разных профессий и возраста из трудовых коллективов и учебных заведений района и областного центра. А 21 сентября 1998 года архиепископ Орловский и Ливенский Памисий возвеличил этот природный памятник своим присутствием: произнёс над Истоком благословенное божие слово и окропил святой водой всё сотворенное руками человеческими.

До недавнего времени человека с топором можно было часто встретить в лесах и лесополосах нашего района.

*Я в рощу белую пришел с утра
И вдруг услышал песню топора.
Светило солнце празднично с небес
И жизнь, ликуя, весело бежала.
Та песня над величием древес
Была, как дым разбойного пожара.
Рванулся я в несчастый строй берез,
Откуда голос песни той пророс,
И увидал: коварен и остер,
По-воровски — с оглядкою и глухо
Плясал и пел губительно топор
В руках крестьянских,
 что привыкли к плугу.*

И мирились с этим, мол, что делать, если людям нечем топить, а на улице мороз, и дети мерзнут.

Да и кому за порядком было смотреть. Припомнился мне давний разговор с инженером по охране леса Глазуновского лесничества Т. Марачевой в одном из лесов, где погулял топор браконьера.

— А что тут сделаешь, если охрана леса возложена на сельхозпредприятие, — говорила она. — Мы как бы в стороне, мы их работу контролируем, а ловить порубщиков — забота её руководителя.

Руководителю сельхозпредприятия некогда было этим делом заниматься; как он считал, не в лесу ему

надо быть, а в поле, на ферме, и в результате лес оставался беспризорным; ну а если кого-то и уличали в порубках, то не наказывали — как же, свой работник, нужда у него, и наказывать жалко, а в лесу не убудет.

Пришли другие времена. Передо мной постановление коллегии Орловской области от 30 августа 2006 г. «О реализации полномочий Орловской области по использованию, охране, защите лесного фонда и воспроизводству лесов, ранее находившихся во владении сельскохозяйственных организаций, в соответствии с лесным законодательством», подписанное губернатором Е. С. Строевым.

Суть дела проста: в целях реализации полномочий, определенных ст. 47 Лесного кодекса РФ, все эти функции ложатся на региональную власть, т. е. на администрацию Орловской области. Это значит, у леса теперь есть хозяин, который будет проявлять заботу о лесе, — охранять, защищать, решать вопрос воспроизводства и т. д. Таких лесов передано 69 тысяч гектаров. И уже в этом постановлении определено организовать работы по ежегодной посадке не менее 6 тысяч гектаров лесов ценных пород деревьев.

— В нашем Глазуновском районе в этом году облесили 90 гектаров, — рассказала Тарасова. — Это в зоне отдыха в Культурной посадке. Высажены четыре вида сосны, дуб красный, береза, ель, клен остролистый.

В прошлые годы, помнится, вели посадку насаждений в урочище, и ещё тогда я задавал один и тот же

вопрос: почему воспроизводство леса ведут там, где и без того имеются его большие массивы? Ведь южная часть района бедна ими, на что в очередной раз получил ответ: цель благородная — сделать лесные массивы крупнее, так как в них гораздо лучше чувствуют себя звери. Что же, с этим можно согласиться, но если бы не одно но: южная часть района так и останется «диким» полем. Хотя и у этой точки зрения есть свои сторонники: мол, зачем перекраивать природу, пусть она останется такой, какой была много веков назад.

* * *

Пройдут ещё десятилетия, и уже новые поколения людей, заглядывая в наш сегодняшний день, будут делать какие-то умозаключения. Какие? Трудно сказать. Возможно, за что-то осудят, как осуждаем мы сегодня мелиорацию на наших землях; возможно, скажут добрые слова, какие мы сегодня говорим о сталинском преобразовании природы. В любом случае — дела и поступки наши оценит время, оно самый строгий судья.

2006 год.

За серию очерков «От Москвы до самых до окраин» по итогам конкурса Союза журналистов Орловской области 2006 года автор признан лауреатом премии А.Е. Венедиктова.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе 4

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Половодье	9
«Нет, зима не оробела...»	11
Картины года	12
Сердцу тревожно	14
Хорошая примета	16
Спасибо февралю	17
«Посыпал снег, над крышами шурша...»	18
«О бренности я думал бытия...»	19
Аксинья	20
«За полем опустился день...»	21
«В ночи снега промчались над равниной...»	22
Утром	23
«А доброта — не привычка...»	24
«Март подобрел...»	25
«Под ногами ледяное крошево...»	26
Узелок на память	27
«Весна в цвету...»	28
Дома	29
Забота	31
Цыганки нагадали	32
«Плывет над нами ночь-предвестница...»	33
«За далью лет с тобою не забыли...»	35
Царевна	36
«В лукавстве я тебя не упрекну...»	37
«Все призрачно в жизни и все непохоже...»	39
Мы живем	40

Перегруз	41
Ласточки на проводах	42
«Ничего, что исходят росой лощины...»	43
«Времени ветер над нами...»	44
«Свет погас в твоём окне...»	45
«Говоришь, тебе отпелось-отлюбилось...»	46
«Тобой владеет суета...»	47
По кругу	48
«В осенний день на сердце благовест...»	49
«Равнина в серой стылости промокла...»	50
«И вот опять ни радости, ни света...»	51
«В природе будет так всегда...»	52
«Туман холодный над рекой...»	54
«За листопадом листопад...»	56
Без тебя	57
Осенние цветы	58
«Года мои...»	60

ВРЕМЕНИ ВЕТЕР НАД НАМИ

«Загудят земные соки...»	63
«Пейзаж знакомый от окна...»	64
«Безудержно проходят годы...»	65
«Утром проснись и покайся...»	66
На кладбище	67
Тост	69
«Красота осенняя неброска...»	71
Другу	73
Метаморфозы	75
Печаль	77
Вечное	79
Подслушанный разговор	82
«К вечеру стылость сквозная...»	85

«Бабье лето идет. По буграм...»	87
«С небес сошедший чистый-чистый снег...»	89
Слепцы	90

УКРАДЕННАЯ ЛЮБОВЬ. Повесть 95

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН. Очерки 207

Сынки и пасынки	209
Ураган над верховьем Оки	218
Добродетель человеческая	226
Там русский дух, там русью пахнет	240

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

ЛАСТОЧКИ НА ПРОВОДАХ

Издательство ОАО «Типография «Труд».

Лицензия ИД № 02146 от 28.06.2000 г.

Подписано в печать 2007 г.

Формат 70x100¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 10,56. Тираж 999 экз. Заказ № 7101.

Отпечатано в ОАО «Типография «Труд».

302028, Орел, ул. Ленина, 1.